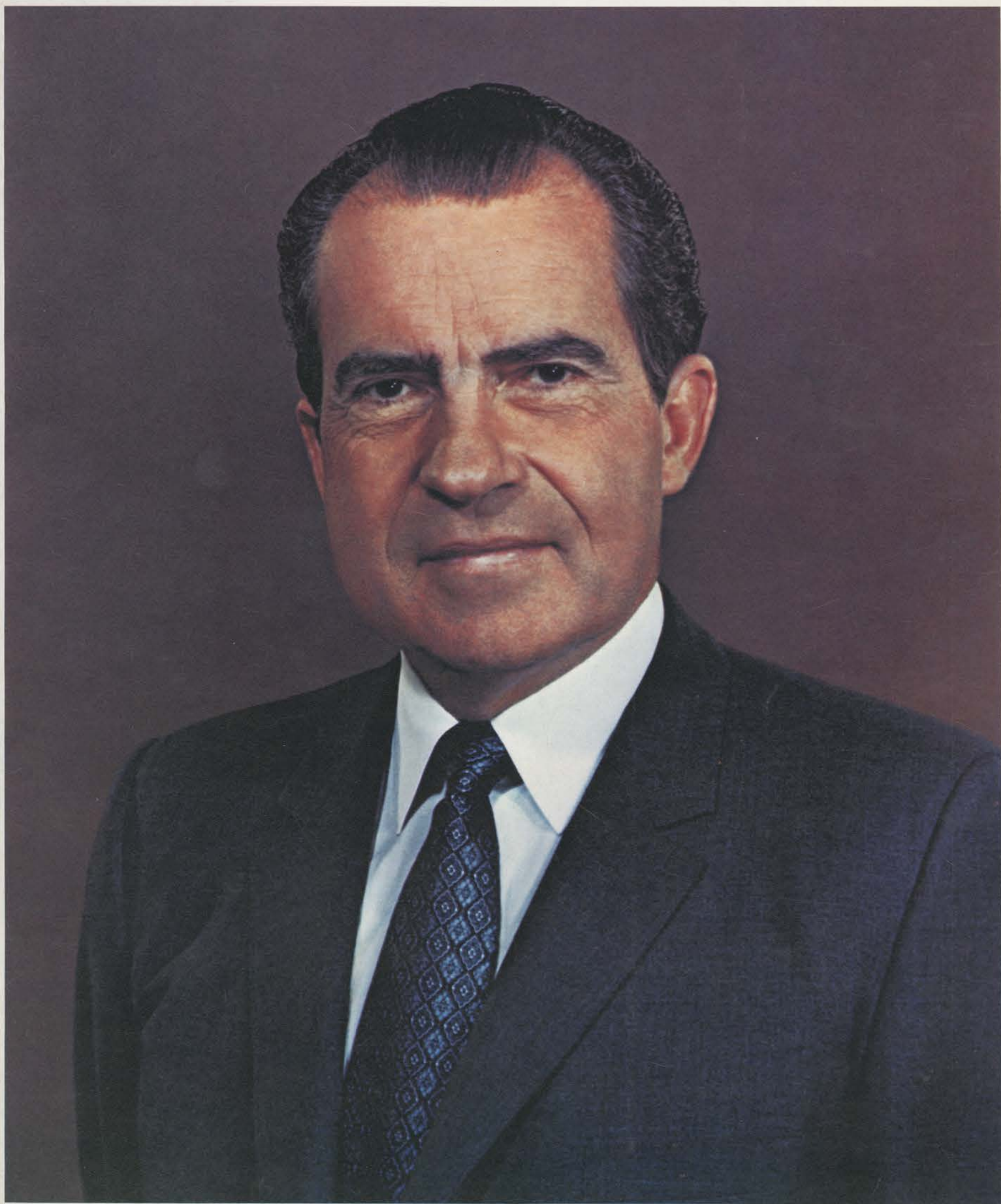

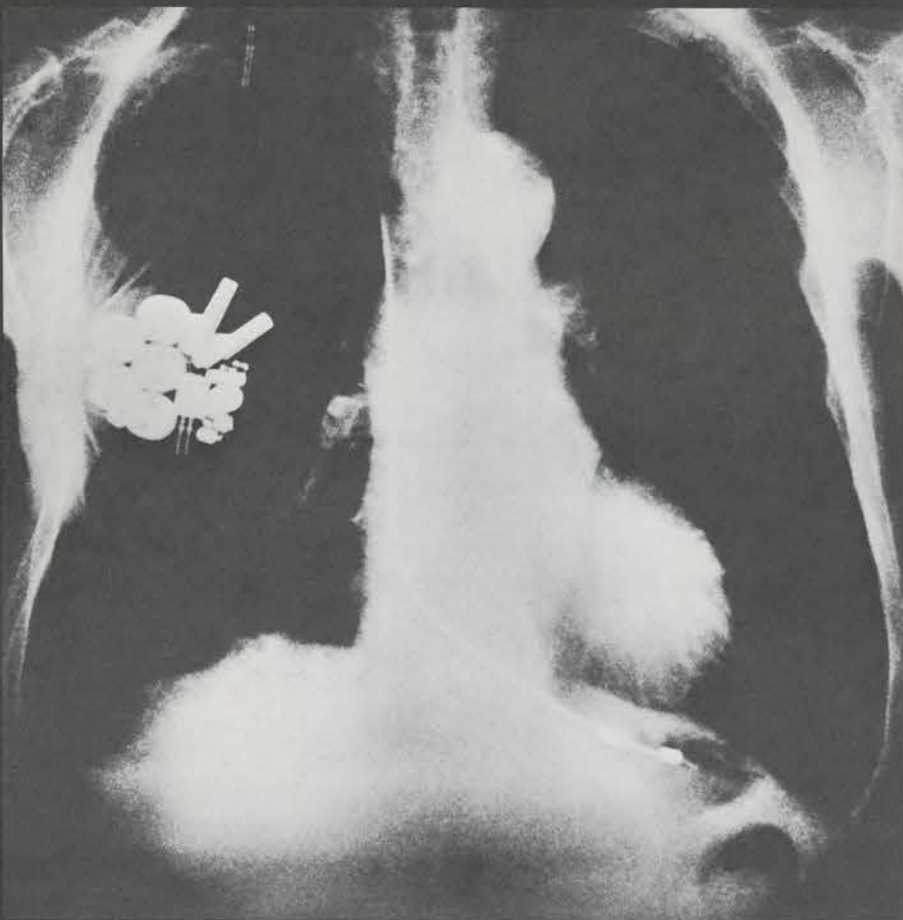
Америка

Ричард Никсон: путь в Белый Дом

1. Гости из космоса.

2. Спасатель жизни.

3. Общественный протест.

ФОТОВИТРИНА

1. Члены экипажа космического корабля «Аполлон-8» Уильям Андерс и Фрэнк Борман выступают в Смитсоновском институте в Вашингтоне. На переднем плане слева — космический корабль «Дружба-7», побывавший в космосе с астронавтом Джоном Гленом на борту, за ним — моноплан, на котором Чарльз Линдберг совершил трансатлантический перелет в 1927 году.

2. Так выглядит на рентгеновском снимке сердечный темпорегулятор, имплантированный в области груди. Устройством, поддерживающим правильный ритм биения сердца, пользуются многие тысячи американцев.

3. Жители калифорнийского города Санта-Барбара протестуют против бурения нефтяных скважин в прибрежных водах. Незадолго до того прорвавшаяся из новой скважины нефть сильно загрязнила берег, на котором раскинулся город.

4. Проверка легковесной телевизионной камеры для ведения передач с поверхности Луны.

5. Последнюю стадию испытаний проходит экспериментальный видеотелефон, который позволит переговаривающимся видеть друг друга. Система войдет в эксплуатацию в 1970-х годах.

4. Лунная телекамера.

5. «Алло, ты меня видишь?»

RECEIVED

SEPTEMBER 1969

FEB -1 2021

D631 FED DEPOSITORY DOC
DOC DEPT SWEM LIB W & M

155
AMERICA ILLUSTRATED

Америка

Covers Front: President Richard M. Nixon. Photograph by Philippe Halsman. Back: "Eyes in the Heat" (1946) by Jackson Pollock, courtesy of Peggy Guggenheim Foundation.

Picture Parade Technology, its accomplishments and excesses, dominate this month's photo feature: Apollo 8 astronauts address a reception surrounded by the Smithsonian Institution's historic flying machines; pickets protest the destructive spillage of oil along the California coastline; a dramatic X ray shows an electronic pacemaker at work on a human heart; technicians unveil a new picturephone and a television camera designed to send live pictures from the lunar surface.

An Unlikely Company In this month's editorial, which initiates a new feature to appear now and again on our pages, we confess that sometimes our collection of articles and photographs may seem to comprise an unlikely group of subjects; but they are only one-half of a two-way conversation. The other half must be our readers' reactions. Therefore, we invite their opinions and queries so that we may better judge just what and who in America interests them.

- 2 **The Making of the President** The son of a laborer, Richard Nixon surmounted all obstacles to stage the biggest comeback in American political history and become the thirty-seventh President of the United States. What kind of man is he? In his own words, he recalls his youth and his parents' influence on him, hard work in the family store, war-time service, and the heights and depths of political victory and defeat. Summing up, Mr. Nixon says: "The ability to be cool, confident and decisive in crisis is . . . the direct result of how well the individual has prepared himself for the battle." To keep the peace, he continues, we need leadership which not only wants peace in the heart, but also has the cool mind and the experience to avoid war.
- 10 **3-Dimensional Microscope Reveals Landscape** A revolutionary new scanning electron microscope enables Florida State University scientists to easily see and photograph such exotic scenes of inner space as a cancer cell, a tongue's taste bud or the eye of a fruit fly.
- 12 **Driving by Computer** What to do about the traffic mess? The problem, once exclusively American, is now international in scope with the mass use of private cars coming full swing in Europe and elsewhere. One solution, envisioned in this article by a planning group at M.I.T., uses an urban network of raised roadways on which private cars travel electrically. It would get drivers into and out of town fast without any stops or foul-ups, eliminate many of the frustrations and hazards of city driving, and could be put into operation by the conversion of present-day automobiles. Courtesy of ESQUIRE.
- 16 **Building-Block Houses** Prefabricated units, stacked like children's blocks to form apartment complexes, provide a novel and attractive answer to the urgent need for low- and middle-income housing.
- 19 **The Radical Humanism of John Steinbeck** By Daniel Aaron. Thirty years after the publication of his masterpiece *The Grapes of Wrath*, the late John Steinbeck is considered by many to be a literary figure of only historic interest. Professor Aaron argues, however, that both Steinbeck and his work are acutely relevant to modern times and that the direct beneficiaries of his social concern are today's militant idealists. Courtesy of SATURDAY REVIEW.
- 22 **Sunset Boulevard — The Lifeline of a Great City** By Myron Roberts. It winds for some twenty miles through the heart of Los Angeles and its more glamorous suburbs. Like an open diary, a trip down the boulevard — from the midtown Spanish plaza where the city began, all the way out to the ocean where it must irrevocably end — reveals the changing times that are so typical of cities in America. Once fashionable mansions are now for sale; recording studios and TV companies replace sprawling movie lots; U.C.L.A. grows beyond its campus boundaries; and Sunset Strip bounces to a more syncopated beat than ever heard in the staid showplaces of the 1940's or 1950's. Photographs by Jonathan Blair.

НЕОБЫЧНОЕ СОБРАНИЕ

О ком Вы прочитаете в этом номере журнала «Америка»? О четырех поляках, заблудившихся в краю каньонов, о Президенте Никсоне, о знатоке кулинарного дела, об американце и японце, бывших врагах времен Второй мировой войны. Собрание довольно необычное. Возникло оно в результате ежемесячного события, которое мы между нами называем «редакторским отбором материала». Тут мы придерживались двух почтенных принципов. Во-первых, мы все время думали об афоризме, гласящем, что «статью можно уподобить женской юбке — она должна быть достаточно длинной, чтобы служить своему назначению, и достаточно короткой, чтобы заинтересовать». Во-вторых, нами руководила довольно расплывчатая мысль о том, что каждая статья является частью нашей беседы с Вами, дорогой читатель, нашим ответом на Ваши вопросы — заданные или незаданные.

Справиться со второй задачей — дело нелегкое, даже если журнал предназначен для внутреннего потребления. И, конечно, значительно труднее, если он издается для зарубежных читателей. Чтобы преодолеть эти трудности, мы каждый месяц обсуждаем следующий номер, намечаем, что включить в него. Мы стараемся представить себе Вас, стараемся увидеть Вас наиболее отчетливо, призывая на помощь все наши знания о Вас и о Вашей стране. И когда мы начинаем пристально к Вам присматриваться, то неизбежно приходим к любопытному выводу: как Вы похожи на нас! В Вас мы видим человека, которого что-то в Вашей стране приводит в восхищение, что-то беспокоит, человека, уверенного в глубине души в том, что подобная беседа может привести к более рациональной и более конструктивной жизни в нашем мире.

Потому-то мы и знакомим Вас с нашим Президентом и говорим о нем не только как о государственном деятеле, но и как о мальчике, молодом человеке, любящем отца, короче говоря, как о представителе типичной американской семьи. Потому-то мы помещаем статью, в которой, как нам кажется, наиболее просто и понятно из всего появившегося за последние месяцы в нашей прессе разбираются отношения белых и негров. Потому-то в этом необыкновенном собрании появляются четыре заблудившихся поляка и два бывших врага, которые совместно создают кинофильм.

Что и говорить, редактору очень трудно отвечать на незаданные вопросы невидимого читателя. Более того, он часто не может ответить и на вопросы, возникающие у него самого. Потому мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы сообщили нам свое мнение о нашем журнале, о необыкновенном собрании, с которым Вы знакомитесь на его страницах. Это превратит нашу одностороннюю беседу во взаимный диалог, по ходу которого возникнут новые вопросы, что послужит нам исходной точкой в тот день, когда мы вновь соберемся, чтобы обсудить содержание очередного номера нашего журнала.

РЕДАКЦИЯ

1. Гости из космоса.

2. Спасатель жизни.

3. Общественный протест.

30 Black Power and White Liberals By James Farmer. How can black Americans find a meaning for their existence and achieve dignity in the United States — through assimilation or separation? At the present moment in history, says the author, there is a tendency toward separation through racial cohesion; and the white liberal must accept a more modest role in the civil rights movement. James Farmer has had a long and distinguished career in that movement: A founder of the Congress of Racial Equality (CORE), and its director for nearly twenty-five years, he subsequently became a professor of social welfare in several universities, and in February 1969, was appointed Assistant Secretary of Health, Education and Welfare. Courtesy of THE PROGRESSIVE.

32 His Taste Sets the Style By Gael Greene. Craig Claiborne, food critic for *The New York Times*, is perhaps the nation's most influential food taster. Annually eating his way through hundreds of New York restaurants for the benefit of the gourmet public, his ultra-sensitive taste buds can deflate the rating of the highest restaurant or raise the status of the lowest. Courtesy of LOOK.

34 The Davis Cup By Will Grimsley. Last year, for the first time in five years, the American tennis team scored a decisive victory over Australia and brought the Davis Cup home again. The year 1968 also probably marked the end of an era in Cup competition — the era of simon-pure amateur participation.

37 How to Start Smoking Again By Russell Baker. With the sharp cutting edge of satire, for which he is so well known, the author upends the problem of reformed smokers: How to start the habit again without feeling guilty about it. Courtesy of THE NEW YORK TIMES.

38 Gordon Parks Puts His Life on Film From poor Kansas farmboy to internationally famous photographer, Gordon Parks' life story is a prodigious example of talented achievement. Now, as one of Hollywood's first Negro directors, he is filming his autobiographical novel, *The Learning Tree*.

40 Posters: An Old European Tradition Catches Fire in America The big art news of the moment is a national hang-up on posters. Long an honorable creative tradition on the continent, they have only since the 1950's gained widespread popularity in the United States and acquired a distinctly American flavor with Op Art, Pop Art and "psychedelic" influences. Now, everything from photographic blowups of movie stars to limited-edition artworks decorate walls everywhere in an explosion of design and content that has brought an immensely enriching new art form to the cultural scene.

46 Lost and Found in the Canyonlands of Utah By Maria Ginter. Traveling by auto across the country from New York to San Diego, the author and three visiting Polish friends decided to explore the site of a new national park, mistakenly took a dead-end road, ran out of gas, and nearly died of heat, cold and starvation before they were rescued. Saved as much by their own ingenuity as by a series of fortuitous circumstances, their adventure seems almost as unbelievable as those of Robinson Crusoe or the Swiss Family Robinson.

49 Summer Is a Time for Learning For fifteen Miami, Florida, high school students, three months of scientific research under the direct supervision of University of Miami scientists, proved to be the best of all possible summer vacations.

50 Two Old Foes Relive a Bloody Past Photographs by Orlando, Globe. Hollywood tough guy Lee Marvin and Japanese actor Toshiro Mifune team up to make a gripping, two-character antiwar film called *Hell in the Pacific*. For the two acting pros, the experience had added significance: Each had served his own country during World War II in the Pacific, where the picture was shot. Their dramatic confrontation is recorded in an accompanying article by Peace Corpsman P. F. Kluge, who tailed them on location, observing how the duo took measure of themselves and their art while reliving a harrowing chapter from their earlier lives. Courtesy of LIFE.

53 Spotlight This month's expanded cultural roundup features exciting new Broadway star, James Earl Jones; Theodore Roszak's dramatic sculpture "Sentinel"; Peter Farb's important anthropological study of the Indians of North America; the avant-garde musical compositions of Leon Kirchner; a Bach recording performed on the Moog Electronic Synthesizer; the Boston Children's Museum where children learn by touching, tasting and doing; a moving farewell to the Budapest String Quartet; Florida's College of Clowns; and Peggy Guggenheim's art collection on its first American visit from Venice.

PHOTO CREDITS: Inside front cover, National Aeronautics and Space Administration; courtesy Campbell-Ewald Advertising Agency; National Aeronautics and Space Administration; Associated Press; courtesy Bell Telephone Laboratories; 2-3, courtesy the Republican National Committee (3); top center — Charles O'Rear; bottom left — United Press International; 4-5, left to right — Reni Newsphoto from Time; United Press International; Wide World; United Press International; Bob Burchette, *The Washington Post*; Everett Burchette; 6-7, *Wide World* except bottom center — Ollie Pfeiffer; bottom right — United Press International; 8-9, left to right — Hank Walker, *Life*; Bob Peterson; courtesy the Republican National Committee (2); 10-11, courtesy Drs. Lloyd M. Beidler & P. G. Graziadei, *The Florida State University*; 12-15, illustrations by Dan Nevins, reprinted by permission of *Esquire Magazine*, © 1969 by Esquire, Inc. except 14, bottom left — Black Star; 16-17, Arthur Schatz, *Life* except bottom right — courtesy Armstrong and Salomonsky, Architects; 18, Arthur Schatz, *Life* (2); D. B. Larr (2); 19, Erich Hartmann, *Magnum*; 32, illustration by Alice Golden, courtesy *The New York Times Magazine*; 33, top left & bottom — John Vachon, *Look*; illustrations by Ron Becker, courtesy *The New York Times Magazine*; 34, top — *Wide World*; bottom — Bob Peterson, *Life* (3); 35, *Culver Pictures*; George Szabo; 37, illustration by Joseph Morgan; 38-39, courtesy Warner Bros.-Seven Arts except bottom — Gordon Parks, Jr.; 40-41, Ted Streshinsky, *Life*; Henry Groskinsky, *Life*; 42-43, Corita Kent, courtesy *The Saturday Evening Post*, © 1968 by the Curtis Publishing Company; Charles Hagen, courtesy *The Saturday Evening Post*, © 1968 by the Curtis Publishing Company; Ted Streshinsky, *Life*; Roger Malloch, *Life*; 44-45, courtesy Poster Originals, Ltd. (5); courtesy IBM Corp., designed by Johannes Regn, courtesy House & Garden; © by the Condé Nast Publications Inc.; Ted Streshinsky, *Life*; 46, Zdzis Korzybski; Maria Ginter (3); 49, Lynn Pelham, *Rapho Guillumette*; 53, top right — illustration by Mario Micossi; bottom — Lawrence Fried; 54, left — from *Man's Rise to Civilization* by Peter Farb, courtesy Museum of the American Indian, Heye Foundation; illustration by Maria Micossi; top — Laura Beaujon, *Saturday Review*; center — from a composition by Leon Kirchner: *String Quartet No. 3*, © 1969 by Associated Music Publishers Inc.; illustration by Susan Foster; 55, Edward Koren, *Saturday Review*; Dan Bernstein (2); 56, Dan Bernstein; courtesy Alan M. Kriegsmann, *Saturday Review*; inside back cover, Gerard C. Lubenaw, *Newsweek*; Michael A. Vaccaro, *Look*; Robert E. Mates, *Look* (2); Michael A. Vaccaro, *Look* (2).

Published
for distribution
in the Soviet Union
by Press and
Publications Service
United States
Information Agency,
Washington, D. C.
20547

Америка 155

ПУТЬ В БЕЛЫЙ ДОМ 2

НЕВИДИМОЕ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ 10

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОВОДЫРИ АВТОСТРАД 12

МАЛЫЕ ДОМА ИЗ КРУПНЫХ БЛОКОВ 16

ДЖОН СТЕЙНБЕК — РАДИКАЛЬНЫЙ ГУМАНИСТ 19
Даниэл АаронБУЛЬВАР ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА 22
Майрон Робертс
Фото Джонатана БлэраЧЕРНАЯ ВЛАСТЬ И БЕЛЫЕ ЛИБЕРАЛЫ 30
Джемс ФармерКУЛИНАРНЫЙ СОВЕТНИК 32
Гэл ГринКУБОК ДЭВИСА 34
Уилл ГримслиНАБЛЮДАТЕЛЬ: КАК ВНОВЬ СТАТЬ КУРИЛЬЩИКОМ 37
Расселл Бэкер

ГОРДОН ПАРКС СНИМАЕТ ФИЛЬМ О СЕБЕ 38

ПЛАКАТЫ: ЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСКУССТВЕ США 40

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В КРАЮ КАНЬОНОВ 46
Мария Гинтер

ЛЕТО — ВРЕМЯ УЧЕБЫ И ТРУДА 49

ДВА СТАРЫХ ВРАГА ВИДЯТ ВОЙНУ ПО-НОВОМУ 50
Фото ОрландоКИНОГЕРОЙ ВСПОМИНАЕТ СВОЕ БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ 52
П. Ф. Ключе

КАЛЕЙДОСКОП 53

Приводим список лиц и учреждений, любезно предоставивших иллюстрации нашему журналу: Inside front cover, National Aeronautics and Space Administration; courtesy Campbell-Ewald Advertising Agency; National Aeronautics and Space Administration; Associated Press; courtesy Bell Telephone Laboratories; 2-3, courtesy the Republican National Committee (3); top center — Charles O'Rear; bottom left — United Press International; 4-5, left to right — Reni Newsphoto from Time; United Press International; Wide World; United Press International; Bob Burchette, The Washington Post; Everett Bumgardner; 6-7, Wide World except bottom center — Ollie Pfeiffer; bottom right — United Press International; 8-9, left to right — Hank Walker, Life; Bob Peterson; courtesy the Republican National Committee (2); 10-11, courtesy Drs. Lloyd M. Beidler & P. G. Graziadei, The Florida State University; 12-15, illustrations by Dan Nevins, reprinted by permission of Esquire Magazine, © 1969 by Esquire, Inc. except 14, bottom left — Black Star; 16-17, Arthur Schatz, Life except bottom right — courtesy Armstrong and Salomonsky, Architects; 18, Arthur Schatz, Life (2); D. B. Larr (2); 19, Erich Hartmann, Magnum; 32, illustration by Alice Golden, courtesy The New York Times Magazine; 33, top left & bottom — John Vachon, Look; illustrations by Ron Becker, courtesy The New York Times Magazine; 34, top — Wide World; bottom — Bob Peterson, Life (3); 35, Culver Pictures; George Szabo; 37, illustration by Joseph Morgan; 38-39, courtesy Warner Bros.-Seven Arts except bottom — Gordon Parks, Jr.; 40-41, Ted Streshinsky, Life; Henry Groszkinsky, Life; 42-43, Corita Kent, courtesy The Saturday Evening Post, © 1968 by the Curtis Publishing Company; Charles Hagen, courtesy The Saturday Evening Post, © 1968 by the Curtis Publishing Company; Ted Streshinsky, Life; Roger Malloch, Life; 44-45, courtesy Poster Originals, Ltd. (5); courtesy IBM Corp., designed by Johannes Regn; courtesy House & Garden, © by the Condé Nast Publications Inc.; Ted Streshinsky, Life; 46, Zdzis Korzybski; Maria Ginter (3); 49, Lynn Pelham, Rapho Guillemette; 53, top right — illustration by Mario Micossi; bottom — Lawrence Fried; 54, left — from Man's Rise to Civilization by Peter Farb, courtesy Museum of the American Indian, Heye Foundation; illustration by Mario Micossi; top — Laura Beaujon, Saturday Review; center — from a composition by Leon Kirchner, String Quartet No. 3, © 1969 by Associated Music Publishers Inc.; illustration by Susan Foster; 55, Edward Koren, Saturday Review; Dan Bernstein (2); 56, Dan Bernstein; courtesy Alan M. Kriegsman, Saturday Review; inside back cover, Gerard C. Lubenow, Newsweek; Michael A. Vaccaro, Look; Robert E. Mates, Look (2); Michael A. Vaccaro, Look (2).

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу:
John Jacobs, Editor-in-Chief, «America Illustrated», Washington, D.C. 20547, U.S.A.
или Американское посольство, Москва, ул. Чайковского, д. 19-21.

Главный редактор
ДЖОН ДЖЕКОБС
Пом. редактора
АРТУР ПАРИЕНТЕ
Зав. редакционным отделом
РОБЕРТ ГИЛКИ
Зав. отделом иллюстраций
ЛИ БАТТАЛЬЯ
Художественный редактор
ДЭВИД МОР
Редактор русского издания
ГАРАЛЬД ЛИНДЕС
Зав. производством
ЭЛЛЕН УОЛИ
Секретарь редакции
БЛАНШ ЭДИНГТОН

Журнал «Америка»
издается Правитель-
ством США
по заключенному
с Правитель-
ством СССР на
основе взаимности
соглашению,
предусматривающему
распространение
журнала
«Soviet Life» в США,
а журнала «Америка» —
в СССР. Подписка
на журнал «Америка»
принимается
в СССР отделами
Союзпечати в пределах
обусловленного
соглашением тиража.

ЖУРНАЛ «АМЕРИКА»
ПРОДАЕТСЯ
В СЛЕДУЮЩИХ
ГОРОДАХ
(данные Союзпечати):
Алма-Ата
Архангельск
Астрахань
Ашхабад
Баку
Барнаул
Брест
Брянск
Вильнюс
Витебск
Владивосток
Волгоград
Воронеж
Горький
Днепропетровск
Донецк
Душанбе
Ереван
Запорожье
Иваново
Иркутск
Казань
Калинин
Калининград
Каменск-
Шахтинский
Караганда
Каунас
Кемерово
Киев
Киров
Кировоград
Кишинев
Краснодар
Красноярск
Куйбышев
Курск
Кустанай
Ленинград
Луганск
Львов
Магадан
Минск
Москва
Мурманск
Николаев
Новосибирск
Одесса
Омск
Орел
Оренбург
Павлодар
Пенза
Пермь
Петрозаводск
Петропавловск
Полтава
Псков
Рига
Ростов-на-Дону
Рязань
Саратов
Свердловск
Симферополь
Смоленск
Ставрополь
Таллин
Тамбов
Ташкент
Тбилиси
Томск
Тула
Ужгород
Ульяновск
Усть-Каменогорск
Уфа
Фрунзе
Хабаровск
Харков
Херсон
Целиноград
Челябинск
Чернигов
Чита
Южно-Сахалинск
Ярославль

НЕОБЫЧНОЕ СОБРАНИЕ

О ком Вы читаете в этом номере журнала «Америка»? О четырех поляках, заблудившихся в краю каньонов, о Президенте Никсоне, о знатоке кулинарного дела, об американце и японце, бывших врагах времен Второй мировой войны. Собрание довольно необычное. Возникло оно в результате ежемесячного события, которое мы между нами называем «редакторским отбором материала». Тут мы придерживались двух почтенных принципов. Во-первых, мы все время думали об афоризме, гласящем, что «статью можно уподобить женской юбке — она должна быть достаточно длинной, чтобы служить своему назначению, и достаточно короткой, чтобы заинтересовать». Во-вторых, нами руководила довольно расплывчатая мысль о том, что каждая статья является частью нашей беседы с Вами, дорогой читатель, нашим ответом на Ваши вопросы — заданные или незадаанные.

Справиться со второй задачей — дело нелегкое, даже если журнал предназначен для внутреннего потребления. И, конечно, значительно труднее, если он издается для зарубежных читателей. Чтобы преодолеть эти трудности, мы каждый месяц обсуждаем следующий номер, намеряем, что включить в него. Мы стараемся представить себе Вас, стараемся увидеть Вас наиболее отчетливо, призывая на помощь все наши знания о Вас и о Вашей стране. И когда мы начинаем пристально к Вам присматриваться, то неизбежно приходим к любопытному выводу: как Вы похожи на нас! В Вас мы видим человека, которого что-то в Вашей стране приводит в восхищение, что-то беспокоит, человека, уверенного в глубине души в том, что подобная беседа может привести к более рациональной и более конструктивной жизни в нашем мире.

Потому-то мы и знакомим Вас с нашим Президентом и говорим о нем не только как о государственном деятеле, но и как о мальчике, молодом человеке, любящем отца, короче говоря, как о представителе типичной американской семьи. Потому-то мы помещаем статью, в которой, как нам кажется, наиболее просто и понятно из всего появившегося за последние месяцы в нашей прессе разбираются отношения белых и негров. Потому-то в этом необыкновенном собрании появляются четыре заблудившихся поляка и два бывших врага, которые совместно создают кинофильм.

Что и говорить, редактору очень трудно отвечать на незадаанные вопросы невидимого читателя. Более того, он часто не может ответить и на вопросы, возникающие у него самого. Потому мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы сообщили нам свое мнение о нашем журнале, о необыкновенном собрании, с которым Вы знакомитесь на его страницах. Это превратит нашу одностороннюю беседу во взаимный диалог, по ходу которого возникнут новые вопросы, что послужит нам исходной точкой в тот день, когда мы вновь соберемся, чтобы обсудить содержание очередного номера нашего журнала.

РЕДАКЦИЯ

Президент Ричард М. Никсон. Фото Филиппа Халсмана (см. стр. 2.)

ПУТЬ В ВЕЛИКИЙ ДОМ

Что за человек Ричард М. Никсон? Здесь мы приводим высказывания Президента о его молодости, о пережитых им кризисах, о его первых решениях на посту главы государства — словом, обо всем, что подготавливает его к преодолению будущих кризисов.

Из всех моих родных отец был самым целеустремленным. Из-за болезни в семье ему пришлось шестиклассником уйти из школы. Он был самоучкой. Он читал все, что ему попадалось под руку. Пожалуй, никто так сильно не повлиял на мое решение заняться политикой, как именно отец. Он был верующим методистом, по натуре своей человеком гораздо более горячим и вспыльчивым, чем моя мать, принадлежавшая к квакерам. Квакеры умеют сдерживать свои чувства. Думаю, что от матери я унаследовал ее умение владеть собой, а от отца — его стремление добиваться своего.

Я получил стипендию — сначала в Уиттьер-колледже, потом в университете имени Дюка. Конечно, мне приходилось подрабатывать, но меня это не смущало. Мне всегда казалось, что за мной стоит мой энергичный отец и говорит: «Послушай, мне же пришлось уйти из шестого класса. Ты добьешься значительно большего».

Отец был очень строгим. Он не верил в современные методы воспитания детей. «Пожалеешь розги, избалуешь ребенка», — любил приговаривать он. Мать тоже твердо стояла на своем, но за всю ее долгую жизнь (она умерла 83 лет от роду), я ни разу не слышал, чтобы она повысила голос.

Позже мать часто говорила нам, что никогда не задавала нам трепки. В этом я не совсем уверен. Но зато я знаю, что ее языка мы боялись куда больше, чем тяжелой руки отца. Не то что ее язык был очень злым. Нет. Но она, бывало, присядет и как начнет тихонько нас отчитывать — чего только не передумаешь и не перечувствуешь, пока она не кончит свои нравоучения!

Жили мы счастливо и дружно. Конечно, не обходилось без острых кризисов. Порой мы еле-еле сводили концы с концами. Но теперь, вспоминая прошлое, должен сказать, что жизнь нашу несчастливой не назовешь.

Первые десять лет жизни я провел в Йорба-Линде (Калифорния) на небольшой ферме, где мы разводили лимоны. На безделье жаловаться не приходилось. Я полел сад, поливал его, паковал лимоны. Когда мне было лет десять — я тогда учился в пятом классе, — мы переехали в Уиттьер. Там у нас была лавка и бензоколонка. Дело было семейное, и всем нам приходилось работать. Вернувшись из школы, я принимался за работу и только вечером садился за уроки. Для удовольствий времени у нас почти не оставалось. А воскресенья посвящались церкви, куда мы иногда ходили по четыре раза в день. Жили мы бедно. Работали много. У нас почти ничего не было. Одежда и обувь переходили от одного к другому. Я носил ботинки старшего брата, а мои ботинки доставались младшему. Одним словом, как сказал Дуайт Эйзенхауэр о своем детстве, проведенном в Канзасе: «Мы жили бедно, но, к счастью, того не сознавали».

Семейный портрет: четырехлетний Ричард (справа), его родители и братья.

Что касается работы, то мой отец был мастером на все руки. На поле он работал, как заправский фермер, на нефтяных скважинах не отставал от других рабочих. Он был прекрасным плотником. Дом, где я родился, он построил своими руками. Я родился не в бревенчатой хижине, как Авраам Линкольн. Но я родился в доме, собственноручно построенном моим отцом. Это чистая правда.

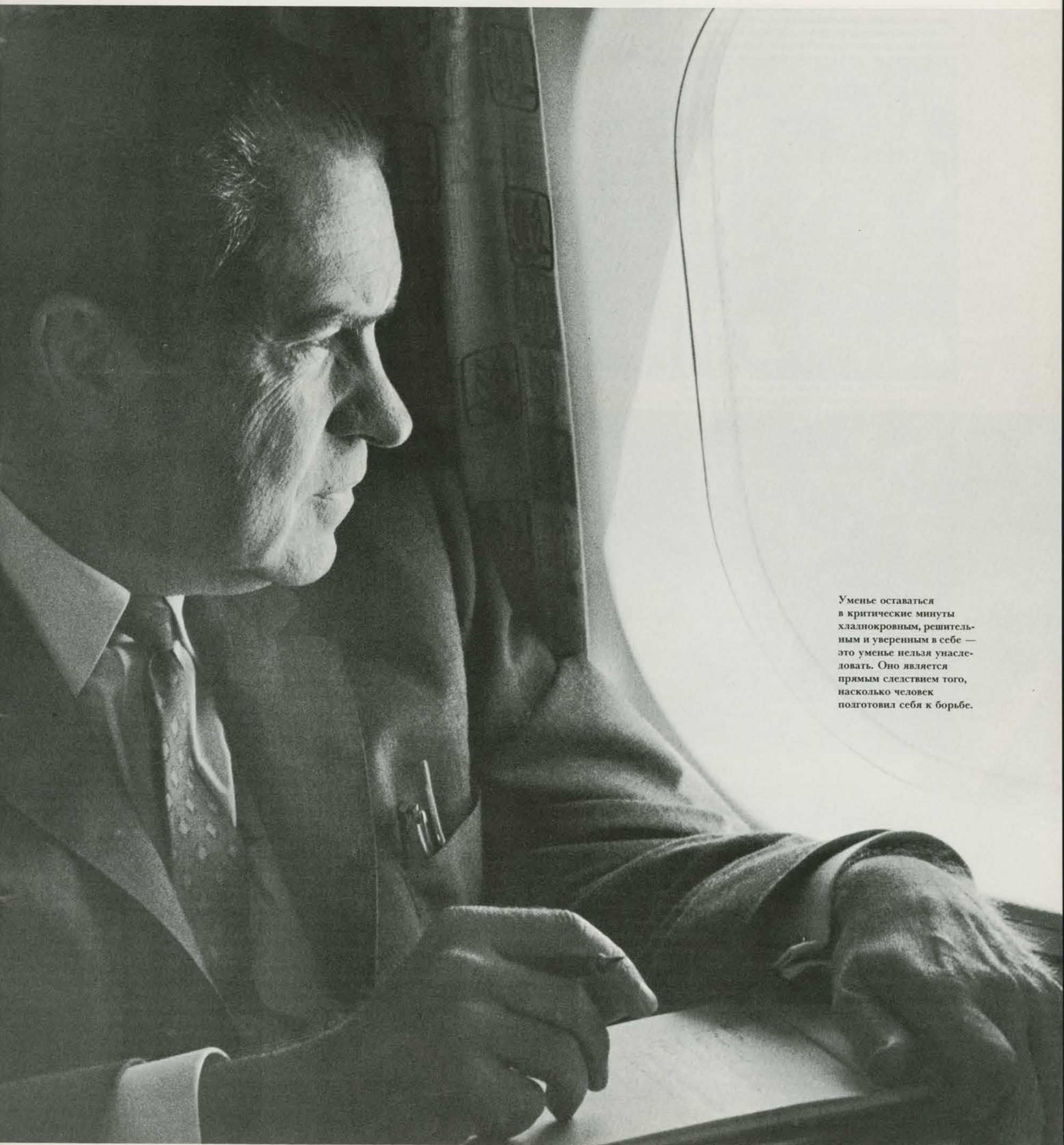
Во время Второй мировой войны Ричард Никсон служил на Военно-морском флоте США. Лейтенант Никсон 15 месяцев командовал отрядом авиационной транспортной службы, оперировавшим в Тихом океане. В обязанности отряда входило снабжение частей, действовавших на островах Гуадалканал, Бугенвиль и в других боевых районах, а также эвакуация оттуда раненых.

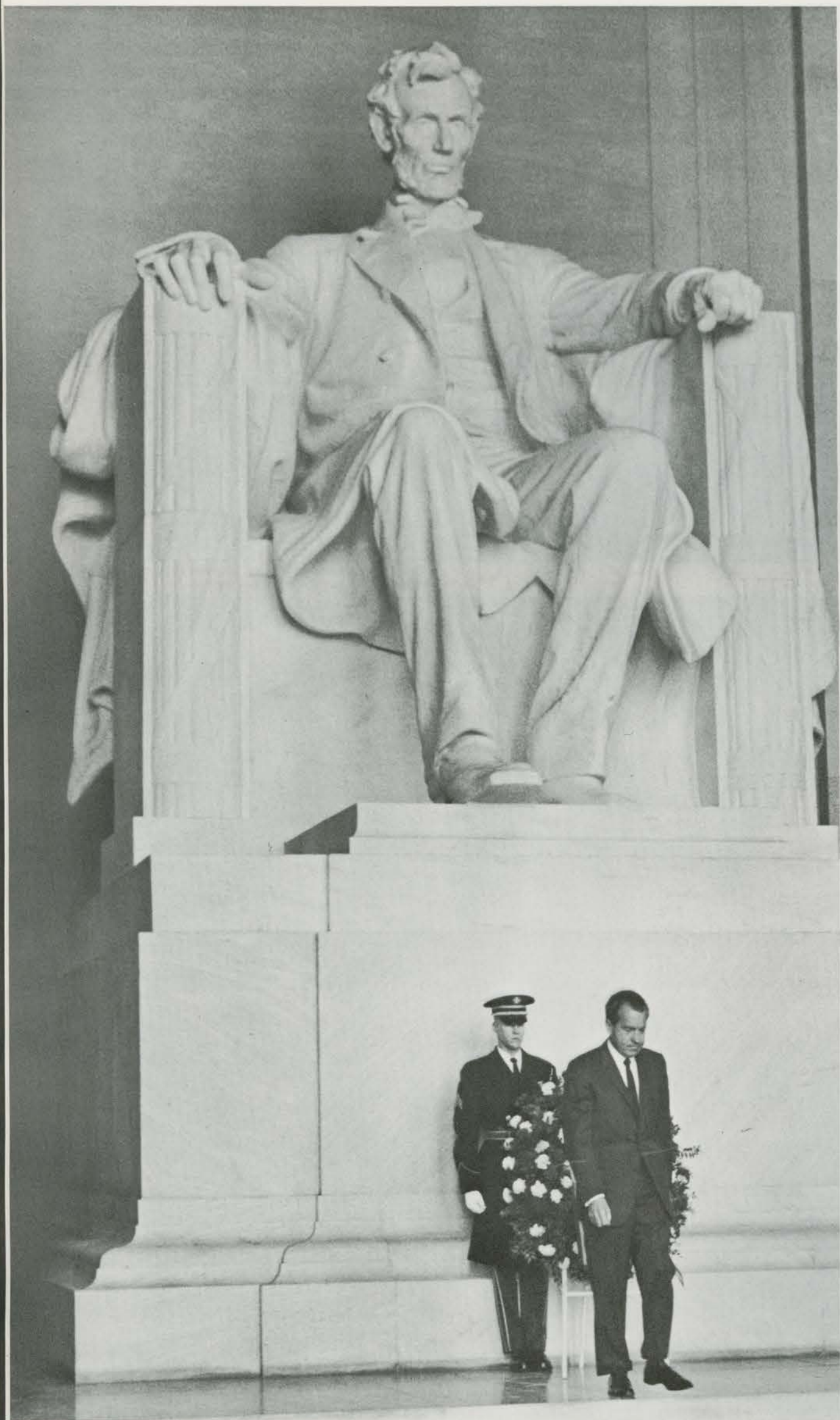
Нашим тренером по футболу был Чиф Ньюман, замечательный футболист, игравший в команде университета Южной Калифорнии. Чиф Ньюман был настоящим индейцем: гордым, сильным, энергичным. В те дни он нам часто говорил: «Слушайте, ребята. Я не верю во все эти рассуждения об умении проигрывать. Надо ненавидеть поражения. Если хоть раз проиграете, сейчас же всеми силами постарайтесь расквитаться». И, как мне кажется, его философия подходит к жизни вообще. Я просто не понимаю людей, которые, боясь возможности поражения, заранее отказываются от борьбы.

Сын поденного рабочего, Ричард Милхаус Никсон, проделав трудный путь, успешно вернулся на политическую арену и был избран Президентом Соединенных Штатов

Умение оставаться в критические минуты хладнокровным, решительным и уверенным в себе — это умение нельзя унаследовать. Оно является прямым следствием того, насколько человек подготовил себя к борьбе.

Президент Никсон возлагает венок у памятника Аврааму Линкольну.

За дружеской беседой (слева направо): с Государственным

секретарем Роджерсом, с двумя жертвами полиомиелита, с бывшим Президентом Эйзенхауэром.

Слева: обсуждение планов создания парка на том месте, где в 1968 году в Вашингтоне вспыхнули беспорядки. По этому случаю Президент Никсон сказал мэру американской столицы Уолтеру Вашингтону: Я твердо намерен немедленно приступить к действиям, намерен добиться чего-то реального, а не ограничиваться лишь обещаниями.

Справа: во время своей первой поездки за границу в качестве Президента США, Ричард Никсон беседовал с главами правительств западно-европейских государств. Об этой поездке Никсон сказал:

Президент де Голль воспользовался словом «confiance» — «доверие». И если такое доверие существует между людьми, возглавляющими государства, тогда имеется и больше возможностей сгладить наши различия. Я думаю, что одним из главных достижений этой поездки было то, что Соединенным Штатам удалось установить новые, основанные на взаимном доверии отношения с ведущими европейскими государствами и, надеюсь, также с другими государствами Европы.

Внизу: очередная пресс-конференция Президента. Никакая группа людей, собравшихся в одном помещении в нашей стране, не способна с такой силой влиять на умы американского народа, как редакторы наших замечательных газет... Все, что делает выборное лицо, за что этот человек голосует, какие речи произносит — все это следует обсуждать открыто и честно. Все его поступки следует безжалостно выносить на суд общественности.

1956 год. Президент Эйзенхауэр и его внук Дэвид, Ричард Никсон и его дочь Джулия.

Я знал, что последняя предвыборная кампания будет очень тяжелым испытанием для моей семьи, хотя она и бросила лично мне вызов и сулила быть очень захватывающей. Пожалуй, самым большим преимуществом тут было то, что и моя жена, и наши дочери не только прекрасно понимали, о чем идет речь, но и горели энтузиазмом. Они хотели напрячь все усилия и победить.

Каждый, вставший на политический путь, должен быть наделен инстинктом борца. Он должен стремиться к победе. Он должен ненавидеть поражения, но в самую первую очередь он должен быть наделен умением возвращаться на арену и по мере того, как шансов на успех становится все меньше, бороться с нарастающей силой.

Человек, никогда с головой не уходящий в дело, которое, казалось бы, превышает его возможности, такой человек лишает себя самого огромного, самого замечательного переживания. Только целиком отдавшись чему-нибудь, человек обретает себя, обнаруживает в себе скры-

1968 год. Молодожены Дэвид и Джулия Эйзенхауэр.

тые силы, о которых и не подозревал.

Я человек не самонадеянный и потому не утверждаю, что только мне следует вести Америку и только мне удастся обеспечить страну новой политикой, которая приведет к миру и позволит избежать войны, особенно в эти предстоящие нам трудные годы. Но в этой области у меня есть большой опыт. Я знаю мир. Я знаю государственных деятелей мира. Я, кажется мне, знаю великие конфликты нашего мира. И, кажется мне, я знаю Америку.

Если мы хотим сохранить мир, нам нужны руководители, которые не только своим сердцем желают мира. Они должны быть наделены холодным, расчетливым разумом, обладать опытом, способностью вести переговоры так, чтобы они не привели к сдаче позиций и вместе с тем позволили избежать войны.

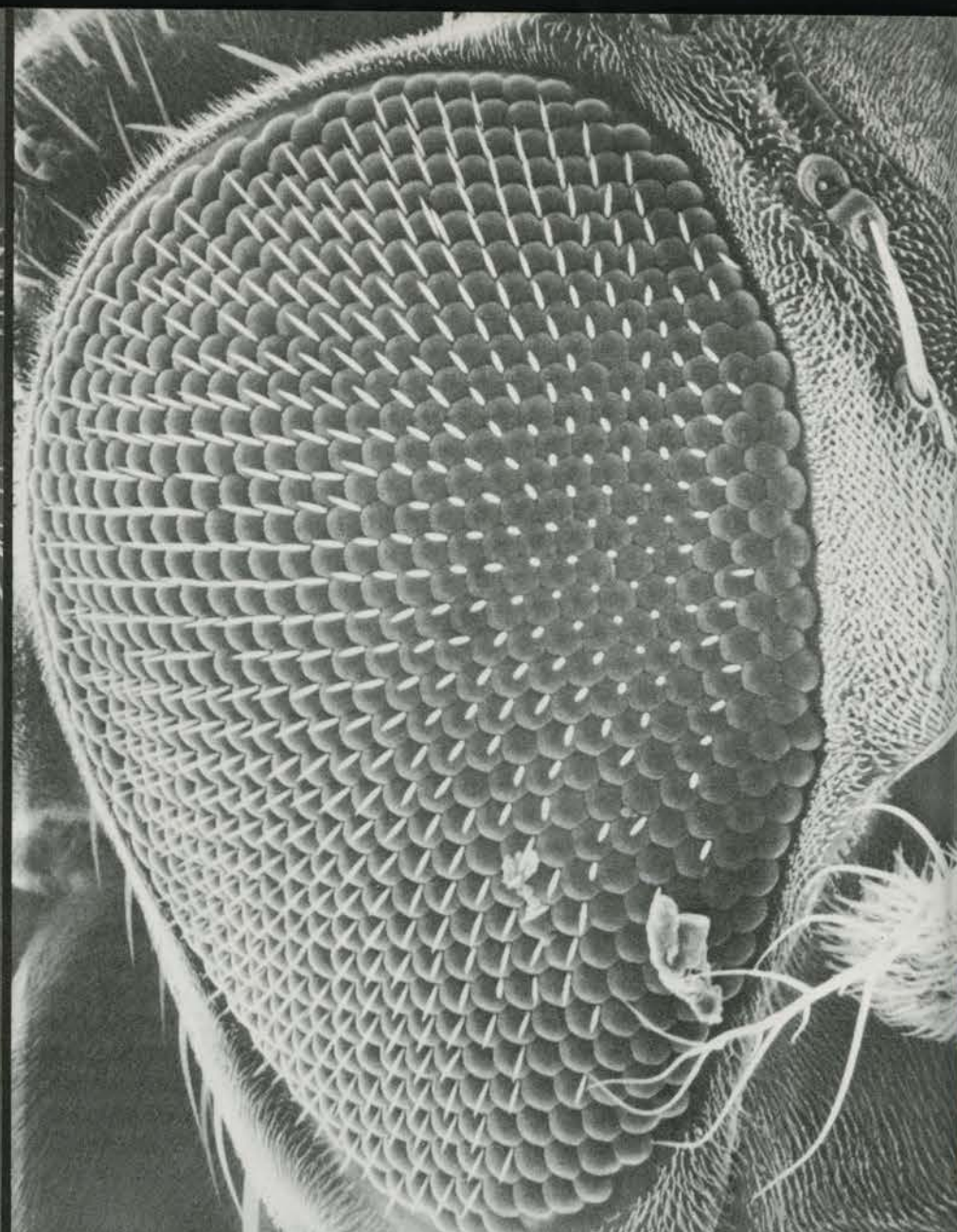

Слева направо: Дэвид Эйзенхауэр, миссис Никсон, мистер Никсон, их старшая дочь Тришия и Джулия Эйзенхауэр.

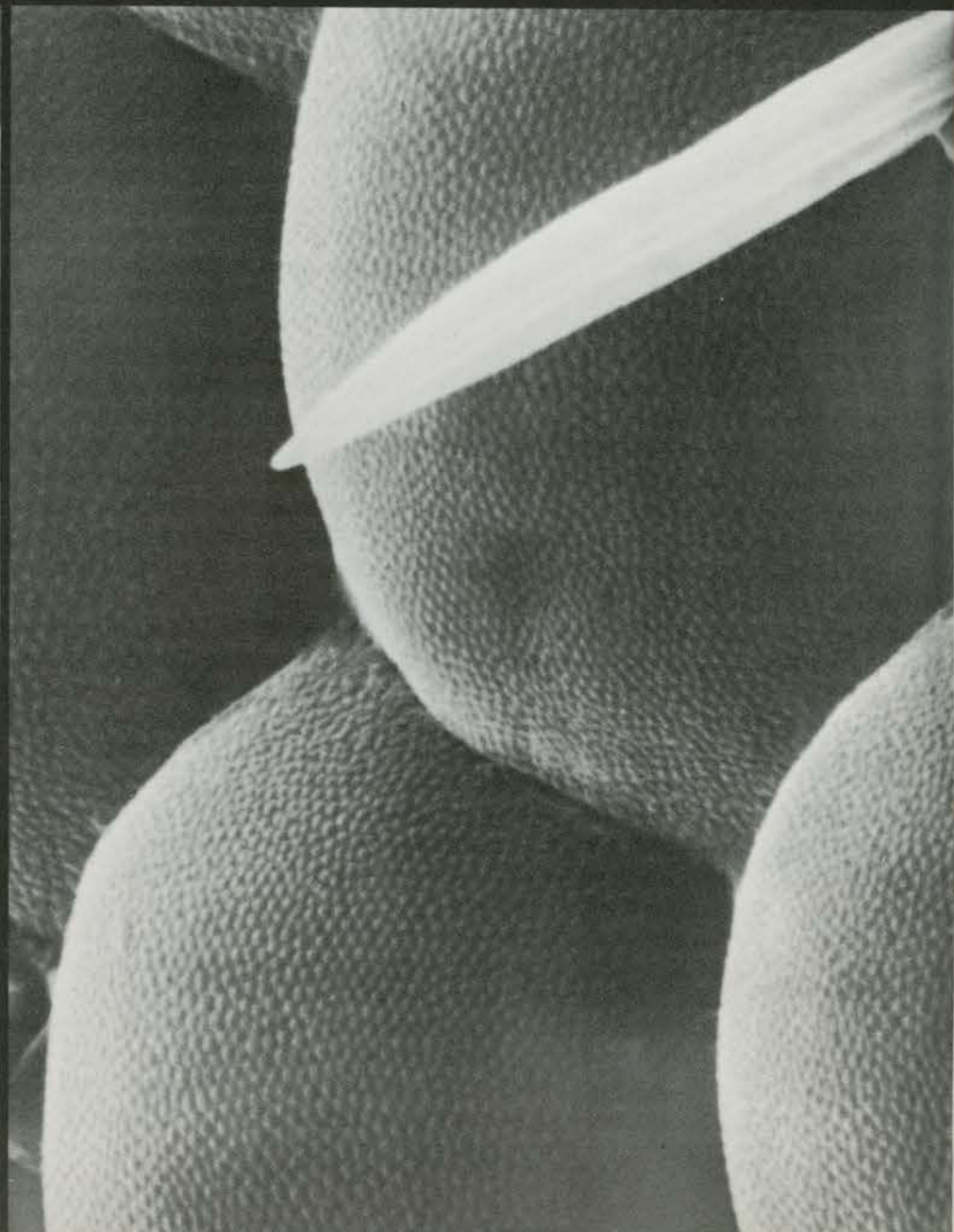
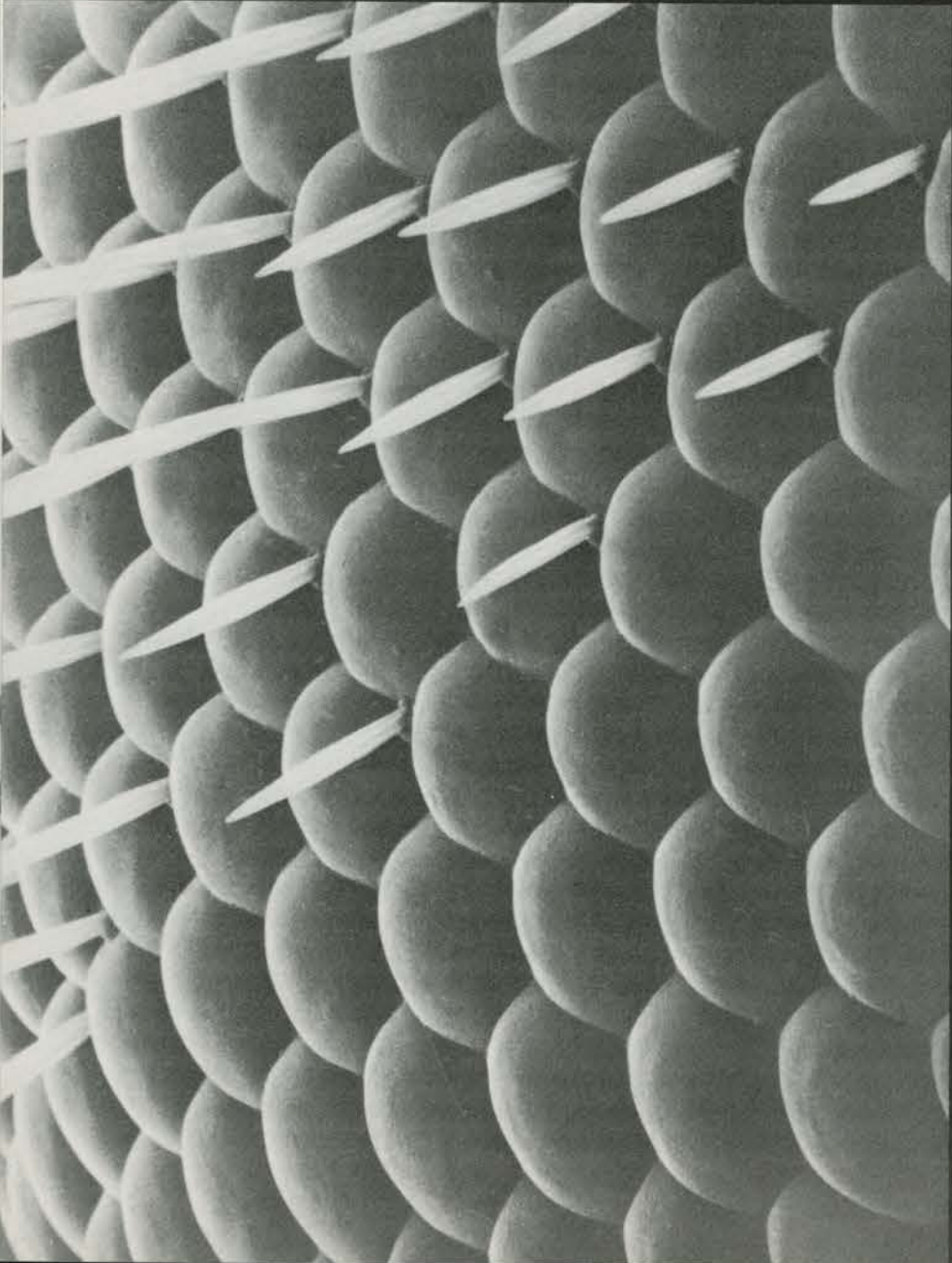

СЕМЬЯ ПРЕЗИДЕНТА США.

Снимки сверху: голова плодовой мушки и ее глаз (увеличение в 180 и 350 раз). Внизу: фасетки роговицы глаза той же мушки и структура отдельных фасеток (увеличение в 2240 и 11 200 раз).

Как разрастаются раковые клетки? Как происходит повреждение кровеносных сосудов? Что предпринимают вкусовые почки языка, чтобы не обжечься, скажем, горячим кофе? Ответы на эти и многие другие вопросы дает новый сканирующий электронный микроскоп с диапазоном увеличения от 20 до 150 000 раз, при помощи которого ученые могут все глубже и глубже проникать в сокровенные тайны при-

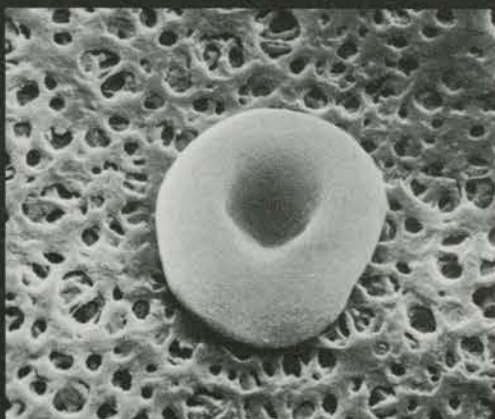
Сотрудник лаборатории Рон Паркер юстирует сканирующий электронный микроскоп.

Снимок головы муравья, увеличенной в 135 раз.

роды. Небывалая глубина резкости этого замечательного аппарата позволяет получать яркие стереоскопические изображения, каких не дают даже более мощные микроскопы. Свидетелями этого служат снимки головы и глаза крошечной плодовой мушки и другие фото на этих страницах. Работа с оптическим и обычным электронным микроскопами требует проведения тонкой препарировальной работы над объектом изучения, тогда как сканирующий микро-

скоп позволяет ученому визуально обследовать весь объект и затем сосредоточиться на детали, которая его больше всего интересует. Благодаря низкой интенсивности сканирующего электронного пучка, формируемого электронной пушкой, под аппаратом можно исследовать даже живые объекты. Электроны, сканирующие объект, отражаются его поверхностью, улавливаются и образуют изображение на экране электроннолучевой трубки. Здесь его изучают визуально и фотографируют. Сканирующим микроскопом широко пользуются профессора университета штата Флорида биофизик д-р Ллойд Байдлер и невропатолог д-р Паскаль Грациадеи, совместно изучающие органы чувств позвоночных, в том числе человека, и беспозвоночных. Помимо прочего, ученые изучают структуру органов чувств и их реакцию на внешние раздражения, в частности — реакцию вкусовых почек языка на горячий кофе и холодное пиво. Сканирующий микроскоп, вероятно, найдет применение и в исследовании болезненных процессов. Что касается биологических исследований, то в этой области его использование только начинается.

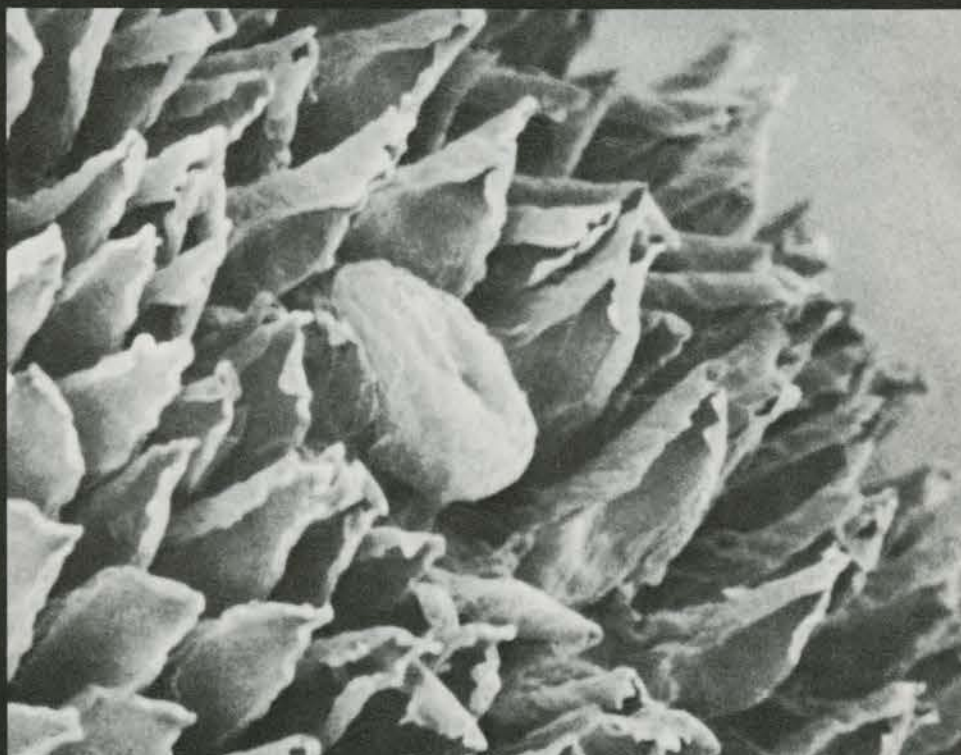

Эритроцит крысы, увеличенный в 20 000 раз.

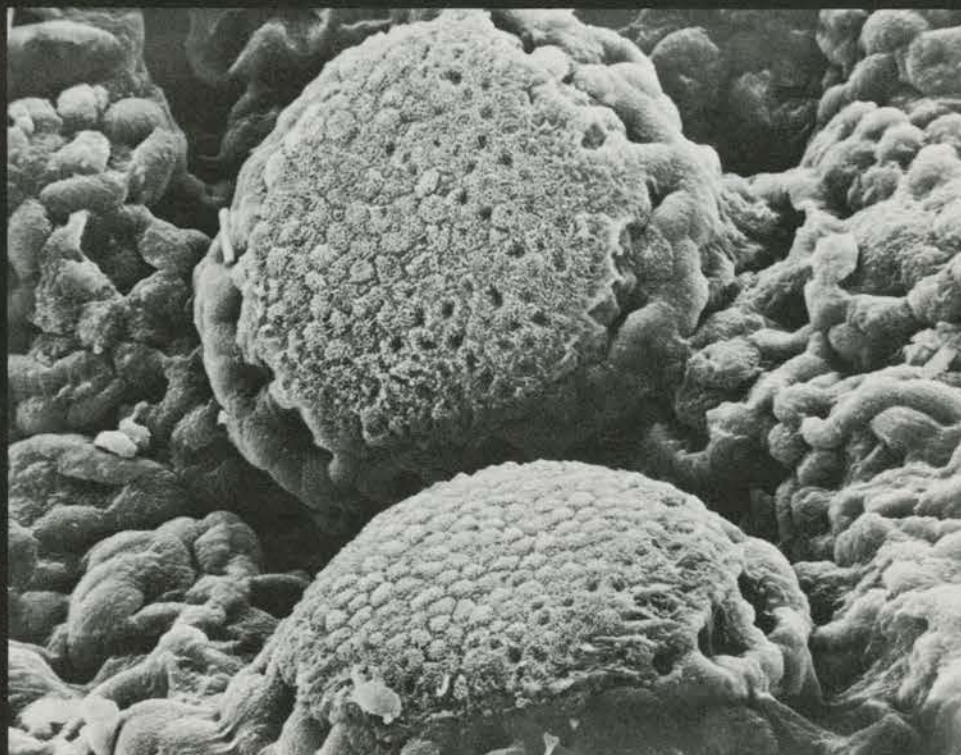
НЕВИДИМОЕ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Оболочка языка трехнедельного шенка; вкусовые почки скрыты в желобках (увеличено в 128 раз).

Оболочка языка домашнего кролика с листовидными вкусовыми почками, увеличенными в 225 раз.

Так выглядят вкусовые почки на языке обыкновенной лягушки; изображение увеличено в 1181 раз.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПОВОДЫРИ АВТОСТРАД

Среди многих проблем, возникающих в современных американских городах, особенно большую озабоченность вызывает хаотическое состояние автотранспорта. Американец любит свой собственный автомобиль и не хочет пользоваться услугами общественного транспорта. В результате улицы перегружены, пространство используется нерационально, воздух загрязнен, стоянок для автомашин не хватает.

В том, что подобная проблема существует во всех крупных городах мира, — утешения, конечно, мало. В Соединенных Штатах период массового пользования частными автомашинами наступил уже несколько десятилетий тому назад, но подобное явление сейчас наблюдается во всех европейских странах. Причина тому простая: новые заводы производят автомашины по все более доступным ценам. Специалисты по вопросам городского движения считают, что идеальное решение проблемы лежит в расширении системы автопроката и усовершенствовании общественного транспорта. Но они не учитывают одного обстоятельства: частный автомобиль обеспечивает комфорт, независимость, мобильность, наконец, просто чувство удовольствия от управления собственной машиной. А тем временем хаотическое состояние движения принимает международные масштабы, и отсутствие стоянок ощущается все острее. Однако положение еще не безнадежно.

Вполне осуществимый проект разработала группа профессоров Массачусетского технологического института (МТИ). Этот коллектив предлагает возвратиться ко времени эстакадных дорог и создать сеть эстакадных автострад, по которым машины будут передвигаться при помощи электроэнергии. Правда, из-за такой системы многие регулировщики уличного движения лишатся работы, но зато она позволит автомобилистам без остановок и задержек въезжать в город и выезжать из него. По словам С. М. Брунинга, главы плановой группы МТИ и директора программы «Автотранспорт на шоссе на дорогах», эту систему можно осуществить к 1975 году.

Над главными городскими магистралями предполагается построить эстакадные электрострады, которые будут выходить за пределы города. Строительство таких электрострад, выполненных из предварительно напряженного бетона и состоящих из сборных элементов, будет обходиться значительно дешевле, чем конструкция обычных шоссе. Скрытые рельсы, или так называ-

емые электронные поводьры, проложенные по обеим сторонам электрострады, будут служить для подачи электроэнергии и сигналов автоматического вождения по запрограммированному пути. Машины, пользующиеся электронными поводьями, должны иметь двойное управление — для автоматического передвижения по электростраде и езды на обычных шоссе и городских улицах.

На рисунке слева показана электрострада, проходящая по центру города. Очутившись на ней, водители автомашин смогут почитать или вздремнуть — всю работу за них выполнит электронный поводьры. На улицы они будут съезжать по рампам.

Такая система имеет много преимуществ. Прежде всего — скорость. По электростраде автомобили будут двигаться с постоянной скоростью, близкой к 100 км/час, расстояние между машинами не будет превышать трех метров. Затем, благодаря электронному поводью, удастся частично покончить с загрязнением воздуха — электромоторы не вырабатывают выхлопных газов, а электростанции находятся далеко за пределами городов. Более того, автомобилистам не придется ждать, пока сконструируют специальный тип автомашины — современный автомобиль можно без особых затрат и в самый короткий срок приспособить к электрострадам.

Профессор Брунинг и его сотрудники позаботились обо всем. Конечно, электронный поводьры не рассчитан на тех, кто работает в городе, а живет в слабозаселенных предместьях. Не поможет он и тем, кто захочет проехать всего несколько кварталов по центру города, ни тем, кому вздумается совершить путешествие в город с фермы или из небольшого местечка. Учитывая все это, планировщики разрабатывают целый ряд усовершенствований, которые будут введены уже после 1975 года.

На рисунке слева художник изобразил микробус, сконструированный специально для электрострад. Профессор Брунинг называет такие микробусы «джинами». Рассчитанные на десять пассажиров и одного водителя, они будут работать на электричестве и курсировать согласно расписанию по определенным маршрутам, но только по вызову центрального компьютера. Каждому микробусу будет отведен пригородный участок площадью от трех до пяти квадратных километров. Завершив свой рейс, микробус быстро возвратится на отведенный ему участок. Таким образом, пассажиру из пригорода достаточно будет позвонить в конт-

рольный центр, и через несколько минут «джин» остановится перед его домом. Помимо этого, «джина» станут замечательными помощниками тем, кто по какой-либо причине не умеет или не хочет управлять автомашиной. По мнению сотрудников МТИ, новая система будет сочетать в себе все удобства индивидуальной поездки со скоростью массового вида транспорта.

Электрострады не рассчитаны для поездок на короткие расстояния в самом городе, так как въезды и съезды расположены на большом отдалении друг от друга. Чтобы помочь дальнейшей разгрузке уличного движения, коллектив МТИ рекомендует воспользоваться «индивидуальными капсулами» подвесной дороги. Это разновидность миниатюрных трамвайчиков, которые перевозили посетителей на Всемирной выставке в Монреале. Двухместные закрытые капсулы будут передвигаться по рельсовому пути шириной в 1,5 метра, который будет проходить у самых зданий. Дорога, шириной, примерно, с тротуар, не затемнит даже самых узких улиц.

Слева на рисунке показан проект системы индивидуальных капсул в Бостоне. С улицы к небольшим станциям будут проведены эскалаторы. Пассажир поднимается по эскалатору, садится в капсулу, ожидающую его в погрузочной зоне, набирает цифровой код, указывающий конечный пункт его поездки, и вкладывает свою кредитную карточку в отверстие автомата, который занесет стоимость поездки на счет пассажира. Капсула трогается и, двигаясь со скоростью свыше 30 км/час, без остановки доставляет пассажира по месту назначения.

Такие электрифицированные дороги предназначены только для городских районов, поэтому для поездок в сельские и более отдаленные районы автомобилисты по-прежнему будут пользоваться машинами с двигателями внутреннего сгорания. Когда автомобилисту захочется съездить в город, к его услугам будет достаточное количество вагонеток, или платформ, поджидающих у въезда на электрострады. На своей машине он въезжает на платформу и, набрав соответствующий номер на распорядительном щитке, указывает место, в котором он собирается покинуть электростраду.

На рисунке показано, как водитель третьей машины едет по городу с помощью такой платформы.

Внизу, под эстакадами, почти пустующие улицы будут манить к себе пешеходов, как будто говоря: «Пожалуйста, погуляйте здесь, если вы еще не разучились ходить».

Специалисты МТИ надеются, что городские улицы можно будет использовать только для движения транспорта. Целый ряд улиц и так называемые «карты» будут использоваться для движения транспорта. Целый ряд улиц и так называемые «карты» будут использоваться для движения транспорта. Целый ряд улиц и так называемые «карты» будут использоваться для движения транспорта.

Поезда с помощью электронного поворота кабины самолета-истребителя. Видно на рис. 6, конструкция, проектирующая машины, построены с учетом того, что скорость движения, когда, съезжая с электротранспорта, он опять возвращается к рулю. Как видно на рис. 6, конструкция, проектирующая машины, построены с учетом того, что скорость движения, когда, съезжая с электротранспорта, он опять возвращается к рулю. Как видно на рис. 6, конструкция, проектирующая машины, построены с учетом того, что скорость движения, когда, съезжая с электротранспорта, он опять возвращается к рулю.

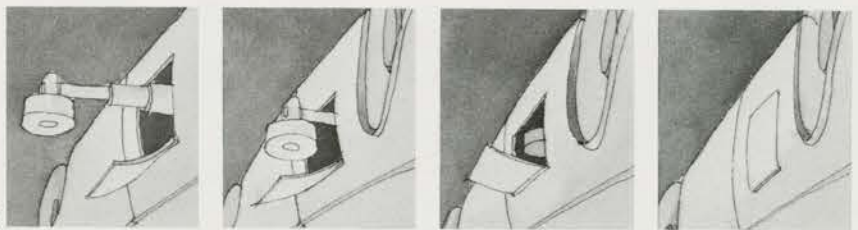
На рис. 5 показано, как будет выглядеть к ближайшему съезду. Видно на рис. 6, конструкция, проектирующая машины, построены с учетом того, что скорость движения, когда, съезжая с электротранспорта, он опять возвращается к рулю. Как видно на рис. 6, конструкция, проектирующая машины, построены с учетом того, что скорость движения, когда, съезжая с электротранспорта, он опять возвращается к рулю.

Возможно, все это кажется фантазией. Но не следует забывать, что некоторые устройства уже сейчас стали реальностью. Уильям Олден, инженер из Уэстборо (Массачусетс), сконструировал электромо-биль двойного управления (рис. 3 и 4), по-добный тому, о котором говорят сотрудники МТИ. Электромо-биль питается от аккумуляторов, вращающуюся на обычных дорогах и автоматический — на электротранспорте. Для проведения опытов и дальнейшей разработки проекта Олден предложил небольшую отрезок пути, по которому, согласно расчетам инженера, электромо-биль может двигаться со скоростью, приближающейся к 100 км/час. Пока этот путь еще не электрифицирован, и электромо-биль движется по рельсам, подвешенным к источнику питания. Свои дети-ше Олден называл «старка». По его мнению, пропускная способность разрабатываемой им дороги будет в десять раз превышать обычную, так как благодаря постоянной скорости машины смогут двигаться почти вплотную. Если же один из электромо-биль по какой-либо причине выйдет из строя, следующий за ним отбуксирует его к ближайшему съезду.

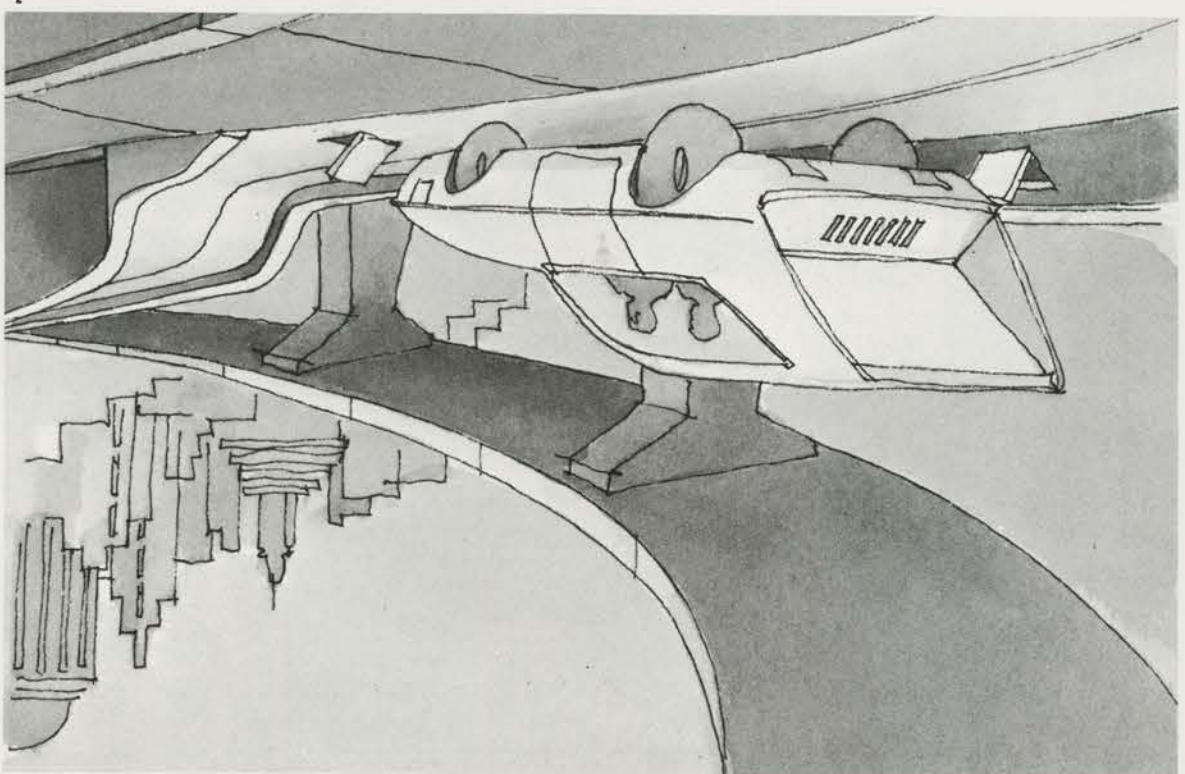

4

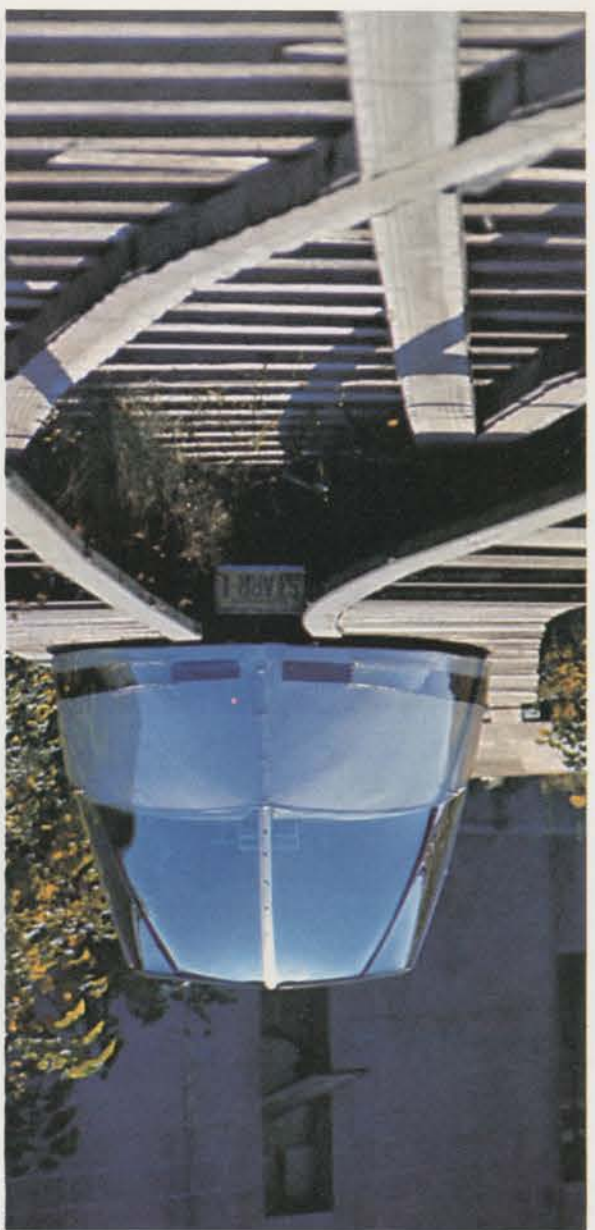
Когда автомобиль приближается к въезду на электротранспарту (рис. 1), электронное устройство в мостовой проверяет, в каком состоянии находится машина. При малейших неполадках ее отводят на особый путь. Если же все хорошо, водитель, нажимая кнопку на шитке, дает о себе знать и сообщает электронному вычислительной машине конечный пункт своего путешествия. ЭВМ решает, когда его автомобиль может включиться в общее движение, определяет маршрут и стоимость поездки, что вносится на счет водителя. Затем по сигналу водитель останавливает двигатель и переключает машину на автоматическое управление. Из-под крыла выдвигается контактная штанга (рис. 2), по которой поступает электроэнергия и сигналы, управляющие на электротранспарту. Машина переходит на главную полосу и вливается в поток движения. Ком-пьютер сопровождает ее до съезда, близжай-

2

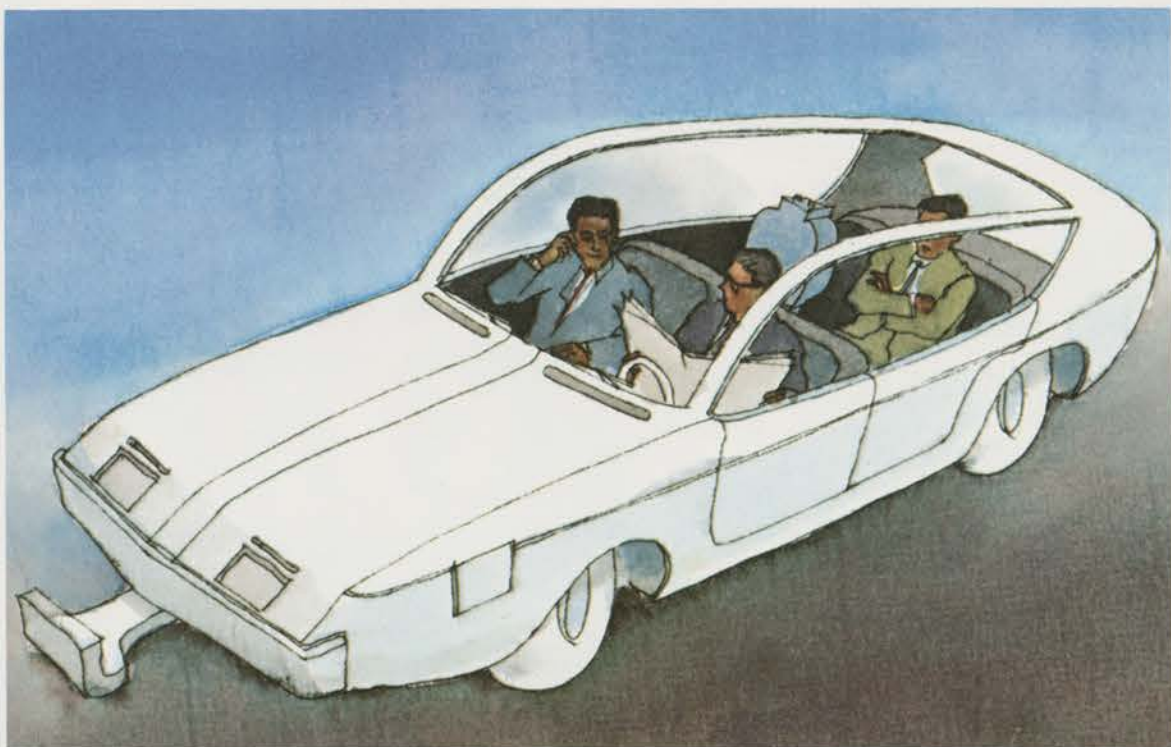
1

3

электробусов, рассчитанных на 40 пассажиров, и закрыть для других видов транспорта, что позволит электробусам развивать большую скорость. В ночное время и в спокойные дневные часы электробусы можно использовать для перевозки грузов — достаточно снять сидения и на их место поставить контейнеры с грузами.

Преимущество всей этой системы в том, что она основана на использовании частных автомашин. Коллектив МТИ прекрасно сознает, что американец и его автомобиль неразлучны. Однако, по мере того, как в крупных городах будут прокладываться электрошоссе и население постепенно привыкнет к бесперебойной работе автоматизированных шоссе, возможно, повысится и автопрокат. Профессор Брунинг считает, что недалек тот день, когда 98 процентов автомашин в Нью-Йорке будут принадлежать прокатным базам. Оформив прокат, автомобилист по электрошоссе доедет до места назначения и оставит машину у съезда, где ею сможет таким же образом воспользоваться другой водитель.

5

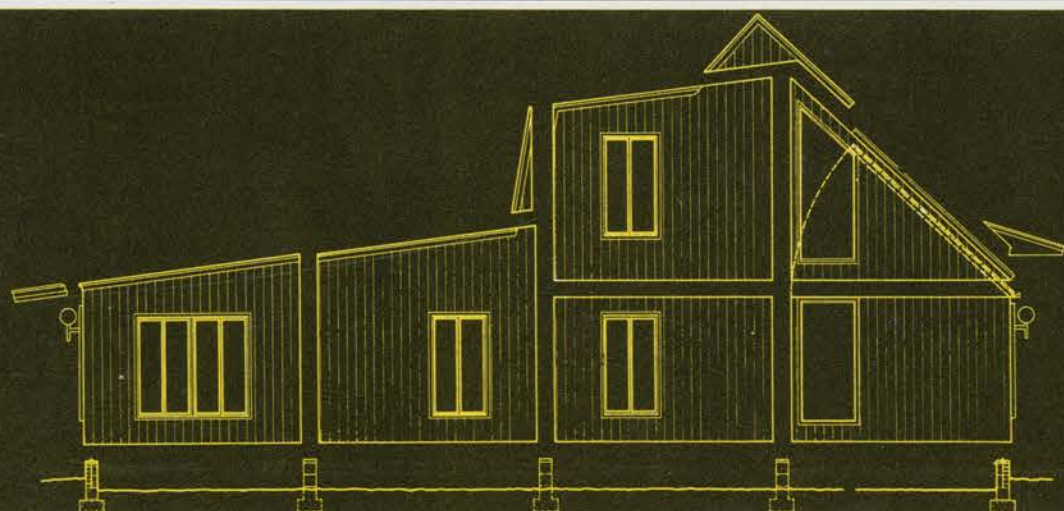
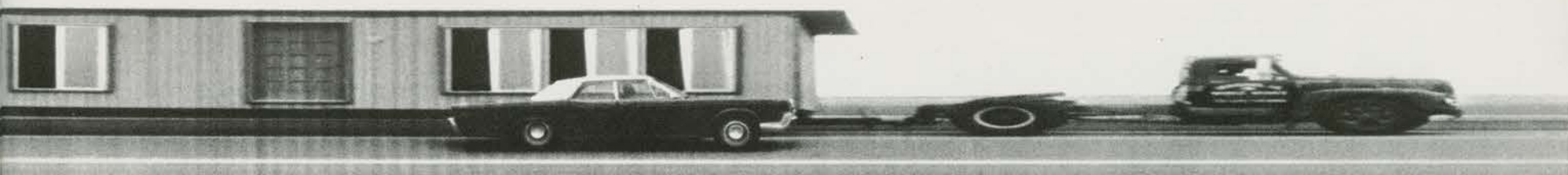

6

Все чаще и чаще на автомагистралях Америки встречаются странного вида прицепы (справа вверху), обращающие на себя внимание автомобилистов. Прицепы эти везут сборные блоки жилых домов с фабрики на место стройки. Дома, сложенные из таких блоков, помогут удовлетворить жилищные нужды людей с малым и средним заработками. 17-метровый блок на прицепе представляет собой две отдельных гостиных, каждая со своим входом. Другие блоки такой же величины состоят из двух кухонь, двух санитарных узлов и двух спален. Из этих блоков, как из детских кубиков, складывается жилой комплекс. Блочные дома — нарядные, удобные и доступные по цене — спроектированы архитектором Полем Рудольфом, профессором Йельского университета, посвятившим их созданию 12 лет жизни. Блоки, из которых можно сложить здание в три этажа и выше, Рудольф называет «кирпичами XX века». Жилой комплекс другого вида из блоков системы архитектора Моше Сафди экспонировался на Всемирной выставке в Монреале под названием «Жилище 1967 года». В отличие от деревянных блоков Рудольфа, конструкции Сафди выполнены из легкого бетона. Жилые комплексы из сборных блоков выглядят намного привлекательнее стоянок домов-прицепов. Однако, когда владелец строительной фирмы Стив Паффер объявил о постройке жилого комплекса из блоков Рудольфа близ массачусетского города Амхерста, горожане приняли такую новинку в штыки. Пока они не успокоились, блоки, проделавшие 800-километровый путь из Вирджинии, пришлось скрывать в близлежащем карьере. Когда, наконец, сборка жилого комплекса закончилась, страхи амхерстовцев улеглись — новостройка как нельзя лучше гармонировала с ландшафтом Новой Англии.

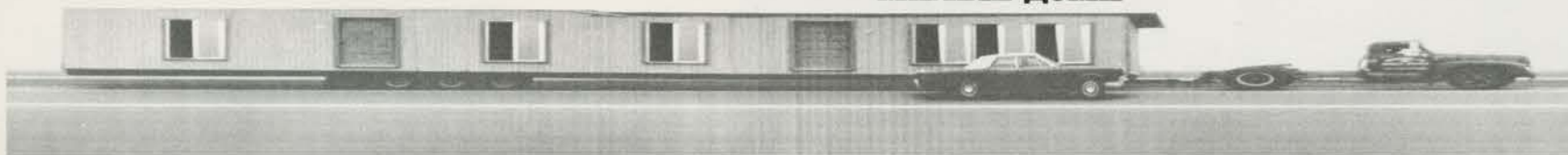
МАЛЫЕ ДОМА ИЗ КРУПНЫХ БЛОКОВ

Работают подъемные краны, быстро вырастают из блоков просторные, уютные и приятные для глаза дома. На схеме (слева) показан четырехквартирный дом из пяти блоков, каждый длиной в 17 метров и шириной в 4 метра. В двух блоках справа расположились две одинаковые квартиры, состоящие из гостиной-столовой (в наружном блоке), и кухни, ванной и спальни (во внутреннем блоке). В трех блоках слева — две двухэтажные квартиры. Во внешнем блоке — гостиная под крутой крышей, во внутреннем — кухня, ванная и спальня. Над ними еще по две спальни. Крыша выполнена из оцинкованного железа.

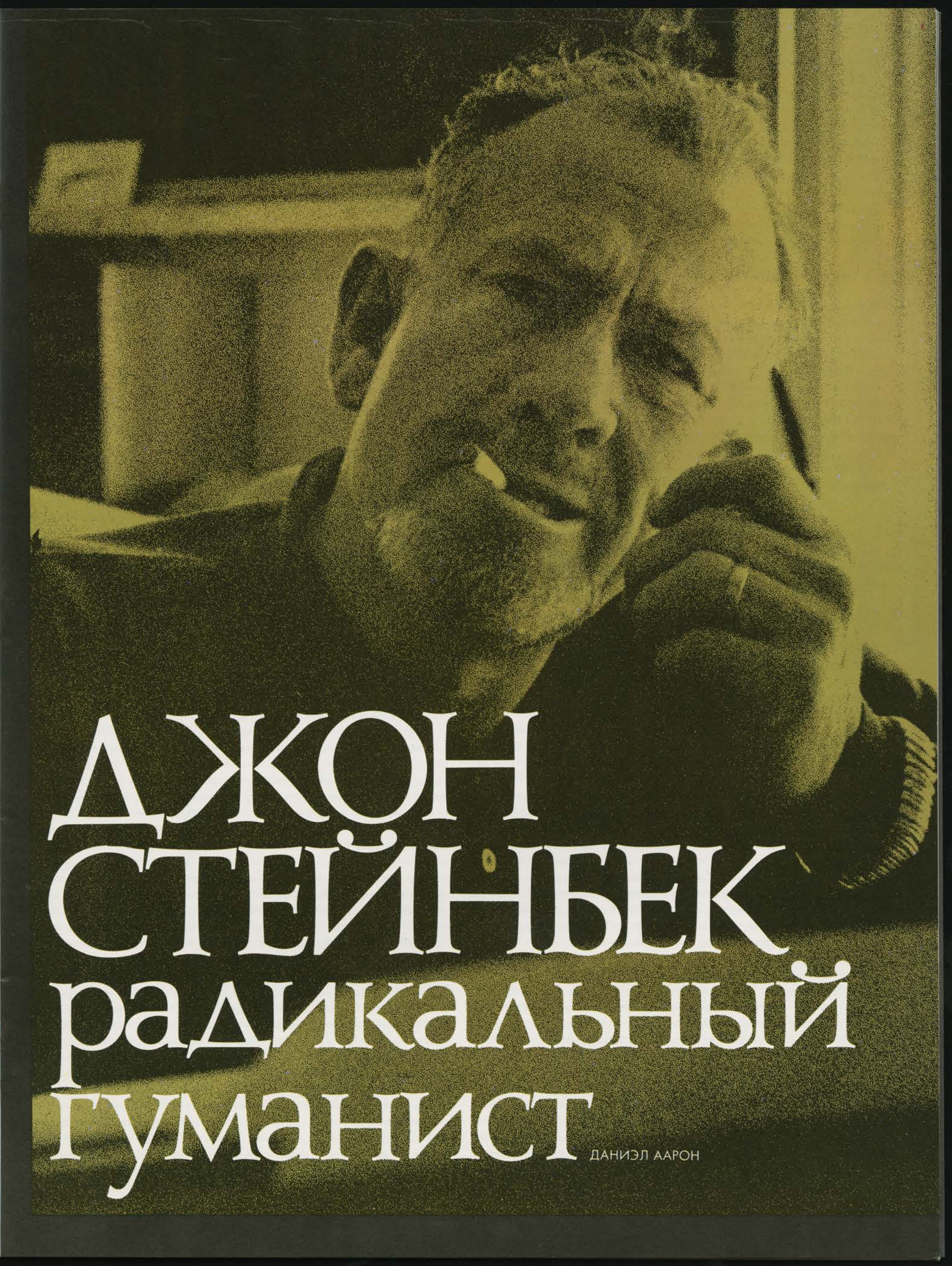
МАЛЫЕ ДОМА

Вверху: подняв подвешенную на шарнирах крышу, строители-монтажники крепят под ней открытые потолочные балки, которые придадут гостиной современный вид. Вверху справа: законченная гостиная; шкаф отделяет столовую.

Через две недели после того как в Висксбурге (Миссисипи) был снесен трущобный квартал (внизу слева), на его месте уже выстроились ряды современных квартирных домов из блоков (внизу справа). Собранные на фабрике в 1300 километрах от Висксбурга, блоки были доставлены на место стройки тягачами. Двухэтажные квартиры снабжены всеми удобствами, включая плиту с духовкой и холодильник. Этот комплекс, получивший название «Фределл-Вилледж», состоит из 28 жилых единиц.

ДЖОН
СТЕЙНБЕК
радикальный
гуманист

ДАНИЭЛ ААРОН

20 декабря 1968 года в Нью-Йорке скончался Джон Стейнбек, один из шести американских писателей, удостоенных Нобелевской премии по литературе. Покойному было 66 лет. Здесь мы помещаем статью Даниэля Аарона, профессора английского языка и литературы Смит-колледжа в Нортхамптоне (Массачусетс) и автора замечательного сборника критических статей «Писатели слева». В печатаемой ниже статье профессор Аарон говорит о значении Стейнбека в наши дни — 30 лет спустя после опубликования его нашумевшего романа «Гроздь гнева».

Меня очень интересует, — писал Стейнбек в 1956 году, — почему так много критиков вместо того, чтобы заниматься наблюдениями, предпочитают выносить обвинения. Они не замечают, что я считаю нужным увидеть в человеке животное перед тем, как признать в нем человека. Меня обвиняют в том, что я оскорбляю представителей моего рода, причисляя их ко всему животному миру. И как часто эти особые ходатаи для высказывания своих мыслей пользуются моими трудами как резонаторами, искажающими эхо.

Мы уже не упрекаем Стейнбека за его биологический или экологический подход к человеку и человеческому обществу. Но, должен признаться, его книги уже не волнуют нас так, как в прежние времена. Сейчас Стейнбек вошел в историю литературы, он стал предметом изучения в школах и университетах.

«Если писателю не дано чувство справедливости и несправедливости, — сказал когда-то Хемингуэй, — то уж пусть он лучше редактирует школьный ученический ежегодник для особо одаренных детей, чем пишет романы». Справедливости ради необходимо сказать, что именно этим чувством Стейнбек был наделен в полной мере. Правда, порой он нарочито скрывался за маской аморального ученого, однако он всегда оставался верным виду *homo sapiens*, этому похотливому, свирепому и боязливому существу, таящему в себе подкупающие свойства — смелость, доброту и радушие.

В 1939 году стиль Стейнбека не играл особенной роли — важно было содержание романа. Сейчас нам достаточно представить себе время, когда был написан роман «Гроздь гнева», чтобы понять его огромное значение. Роман вышел в свет в конце тридцатых годов, в конце десятилетия социального протеста в американской литературе. Великая депрессия вдохновила на творчество целый ряд первоклассных писателей самых различных жанров — и с ними литераторов-халтурщиков. Литература, получившая название «пролетарской», отличалась, за исключением отдельных превосходных произведений, незрелостью и тенденциозностью. В лучшем случае она давала правдивую картину жизни безработных, заводских рабочих, обитателей трущоб, описывала забастовки и линчевания, несправедливость и страдания. Но какой бы эта литература ни была, очень немногие произведения доходили до массового читателя, несмотря на все старания критиков левого толка. В этом отношении «Гроздь гнева» — первый роман социального протеста тридцатых годов, который по популярности можно сравнить с такими бестселлерами, как «Антони Адверс» Херви Аллена. Но ни один из социально-направленных писателей того десятилетия не обладал тем, чем был щедро наделен Стейнбек: историческим чутьем, умением выбрать достойную тему, правдивостью — словом, всем тем, чем отличаются авторы таких шедевров, как «Хижина дяди Тома», «Джунгли» и, конечно, «Гроздь гнева».

До 1935 года читателю было трудно предвидеть, что Стейнбек посвятит свой крупнейший труд описанию жизни фермеров, бежавших от «пыльной бури» из Оклахомы. Ни его ранние произведения, ни его жизненный путь, кроме молодости, проведенной в Калифорнии, почти не давали к тому оснований. В 1935 году он закончил свою «Битву с исходом сомнительным», описание забастовки, поднятой двумя агитаторами среди калифорнийских сборщиков фруктов и хлопка. В этом романе автор сквозь призму стороннего наблюдателя показывает злокачественную опухоль на политическом теле страны. И все же он не совсем бесстрастен: в его словах чувствуется симпатия к сезонным батракам, которые трудятся, как рабы, и умирают с голоду на калифорнийских сельскохозяйственных «фабриках». Еще дальше писатель пошел в 1936 году, когда изучил жизнь в калифорнийских «внутренних» долинах, где тысячи сельскохозяйственных рабочих еле

еле сводили концы с концами среди господствующего кругом благополучия. Его картины забастовки сборщиков салата в Салинасе пропитаны нарастающим гневом по отношению к «убийцам», как он величает плантаторов и их союзников — банкиров-реакционеров.

Стейнбек родился в калифорнийском городке Салинас. Подростком он работал там на полях. Для него Салинас был миролюбивым, приветливым местечком. Но в 1936 году его возмутило, что живущие где-то вдалеке владельцы огромных плантаций жестоко эксплуатируют мигрирующих батраков и наживаются на этом колоссальные состояния. Если людям отказать в праве жить мало-мальски прилично, предупреждал писатель, они в конце концов начнут мстить за участь сотен и тысяч тех, кого эксплуатируют так же безжалостно. В последовавших за романом статьях Стейнбек описывает условия жизни в глухих трущобах, условия, которые еще ужаснее показанных в «Гроздях гнева». Как бы подводя итоги сказанному в романе, он грозно предостерегает о том, что мигрирующий рабочий, живущий в нищенских условиях, «теряет свое достоинство, то есть лишается достойного места в обществе и, следовательно, в корне меняет свое этическое отношение к нему... Мы считаем это уничтожением человеческого достоинства, а потому и одним из самых печальных результатов жизни мигрирующего рабочего, так как это понижает его чувство ответственности и превращает его в отверженного... готового напасть на наше правительство с помощью любых пришедших ему на ум средств».

В августе 1937 года Стейнбек уехал из Нью-Йорка, чтобы собрать материал для нового романа. В Детройте он купил автомобиль и отправился в Оклахому, где присоединился к беженцам-фермерам, пробирающимся в Калифорнию. Он не занимался социологическими исследованиями на месте и не видел в мигрирующих фермерах бегущих пеструшек, хотя и любил сравнивать человека с животными и увлекался проблемой экологической неустойчивости. Не собиравшись он и точить свой идеологический меч. Он чувствовал, что обязан помочь разоренным фермерам, обязан стать их защитником. Чтобы роман звучал убедительно, считал Стейнбек, необходимо было правдиво описать их жизнь. Насколько честно писатель подошел к делу, говорит уже тот факт, что он решил уничтожить сатирическое описание той же проблемы, которое закончил, работая над «Гроздьями гнева». Эту сатиру он назвал «L'Affaire Lettuceberg». В письме к другу Стейнбек признался, что хотя он и не выдумал рассказанных там событий, но и не говорил всей правды. Он не справился с поставленной задачей: заставить людей понимать друг друга. Вместо этого писатель изобразил людей смешными, вызывающими отвращение. Своей неуместной сатирой и хитроумными трюками он не смог помочь тем, кому хотел помочь. В новом романе, работа над которым приближалась к концу, Стейнбек решил не размениваться на сатиру.

Название романа Стейнбек позаимствовал из строчки «Боевого гимна Республики» Джулии Уорд Хау, который писатель считал «одним из наиболее воодушевляющих маршей в мире». Название это, говорил он, во многом украсило роман, «потому что это марш, потому что это в наших революционных традициях и потому что те, кто даже не знает гимна США, знают «Боевой гимн Республики».

Стейнбек и не подозревал, что его роман моментально приобретет такую популярность — и такую дурную славу. Как и следовало ожидать, калифорнийские плантаторы и вся прагматическая пресса объявили роман Стейнбека сплошной ложью. Критики, обозреватели и библиотекари по всей стране пришли в ужас от «непристойного» языка автора. Но самым интересным было то, что, за редкими исключениями, почти все ведущие критики и почти все наиболее влиятельные журналы, представлявшие самый широкий спектр политических оттенков, признали роман «Гроздь гнева» шедевром. Они восхищались его художественностью и забывали о его социальном значении.

Даже сейчас, спустя 30 лет, каждому, кто помнит время и условия, в которых был написан роман, трудно равнодушно его читать, и потому нет ничего удивительного, что в конце десятилетия, отмеченного ужасным экономическим кризисом, он вызывал столько страстных и так мало проникательных откликов. То была провоцирующая на споры книга, сочетающая в себе элементы и публичного разоблачения, и научного трактата, словом, «роман протеста», произведение чисто американского жанра, где моралист-автор смело вскрывает нацио-

нальное зло и апеллирует к сознанию тех слепых и равнодушных представителей среднего класса, которые еще были в состоянии видеть проблески света. Автор взывал к общественной совести, он не призывал к революции. Роман описывал и разоблачал отвратительные явления — и все же оставался произведением оптимистическим. Он был, по словам нашего современника, негритянского писателя Джемса Болдуина, «голосом из подземелья, описывающим его тьму и подсказывающим нам путь к спасению».

Левые радикалы неправильно поняли значение «Гроздьев гнева», точно так же, как они не заметили в «Битве с исходом сомнительным» новых ноток стейнбековского творчества. Им показалось, что Стейнбек перенес марксистские концепции в американскую действительность, что ему удалось — и значительно лучше, чем писателям левого крыла, — показать, как экономические силы действуют в ущерб народным интересам. И в самом деле, принципиально «Гроздьев гнева» гораздо ближе к социалистическому реализму, чем, например, романы Джемса Т. Фаррелла или Джона Дос Пассоса. Стейнбек не только «возбуждал неприязнь к капитализму и нежные чувства к народу», как писала газета «Дэйли уоркер». Он превратил людей в героев, сделал их более сильными, чем они были в жизни. Левые критики видели в романе больше, чем в нем было на самом деле. Но во всяком случае в романе нет скептицизма, пессимизма и ухода от действительности. И он пропитан решительным идеализмом.

Однако — умышленно или бессознательно — левые критики не замечали, что, обрисовывая больное общество, Стейнбек не причислял себя к могильщикам американского строя. Он выискивал то, что, по его мнению, было достаточно сильным и прочным в американских ценностях и устоях, что могло бы противостоять разрушающим общество силам. Он восхвалил американскую мечту и осуждал тех, кто на нее нападал. Как большинство писателей и представителей интеллигенции тридцатых годов, Стейнбек принадлежал к «лояльной оппозиции».

Сейчас мы ясно видим, что даже роман «Гроздьев гнева» проникнут не революционным духом, а реформизмом и настроениями рузвельтовской эпохи. Его социальная проповедь в основном исходит из евангельского прогрессизма таких реформаторов, как Генри Джордж, Эдуард Беллами, Генри Демарест Ллойд и Эптон Синклер. Они утверждали, что человеческая натура — в потенциале здоровая — была отравлена не справляющимися со своими задачами аморальными институтами и что общество находится на краю пропасти. Излив свои скорбные предостережения, эти реформаторы предлагали собственные рецепты для спасения общества — известную смесь христианских принципов и проверенных наукой фактов. В романе Стейнбека тоже есть и предостережения, и обещания. Роман предлагает свой вариант кооперативного общества тридцатых годов в рамках государственного строя, где кочующие Джоуды обретут временное убежище. Америка может спасти себя, хочет сказать нам Стейнбек, при помощи разумного приспособления человеческого организма к окружающей его среде, принятием странного кредо проповедника Джима Кэйси — этого сочетания учений Иисуса Христа, Уолта Уитмена и Джо Хилла.

Основной задачей Стейнбек поставил себе убедить своих соотечественников в необходимости задуматься над участью жертв пыльной бури, людей, лишившихся имущества и страшно бедствующих. Он надеялся разбить предубеждения, представив читателям мигрантов как хранителей старых американских традиций, не соблюдавших, быть может, буржуазных условностей, но людей вежливых, доверчивых, дружелюбных и щедрых. Да, они оказались беспомощными, да, они не смогли справиться с невидимыми угрожающими им силами. Но они в очень немногих отличаются от миллионов остальных сбитых с толку американцев. В конце концов их спасает то, что может спасти и Америку: восстановление зависимости соседа от соседа, взаимозависимости, почти уничтоженной обществом стяжателей.

Удивительную популярность романа можно частично объяснить его чисто американским ощущением автором морального бремени (во всем стейнбековском радикализме есть аромат американизма), его искусной способностью избегать «левых» клише, чуждых американцам и их пугающих. В 1935 году Кеннет Бэрк безуспешно пытался уговорить левых писателей прибегать к термину «народ» вместо «народные массы», «трудящиеся» или «пролетариат», так как слово «народ» бли-

же американскому мышлению и звучит оно значительно лояльнее.

«Писатель должен проявлять интерес по возможности к самым различным областям, где дело идет о творческой фантазии, эстетике и умозерцаниях, — говорил Бэрк, — должен приводить как можно больше примеров нашего народного наследия. Тогда ему удастся точно доказать, что и его и читателей связывают общие ценности». Именно этим приемом и воспользовался Стейнбек, когда он пускался в авторитетные рассуждения о коленчатых валах и поршневых клапанах, когда вкладывал сентиментальность в уста официанток придорожных ресторанов и водителей грузовиков, когда приводил отрывки из народных песен, когда играл на любви американцев к детям, к предкам, к родному очагу, к матери, на порядочности, гостеприимстве.

Но как бы мастерски Стейнбек ни оперировал этими сентиментами, «Гроздьев гнева» никогда не имели бы такого колоссального успеха, не будь их автор столь превосходным рассказчиком. Точно продуманный сюжет романа, почти эпического масштаба и лишённого посторонних конфликтов, разворачивается перед читателем с кинематографической четкостью. Порой кажется, будто Стейнбек задумал его как документальный фильм. Голос диктора — то разгневанный, то задумчивый, а то и шуточный — слышится в главах-очерках, где всеведущий автор синхронизирует свои мысли для заглядывающей вдаль камеры, объектив которой направлен на стоянку автомашин, на черепашу, на придорожный ресторан, на старые машины, спешащие по шоссе. Здесь, как и в тех драматических моментах, которыми пестрит повествование, ведающееся Джоудами, изображение на кадрах получается плоским и однолинейным. Тут нет попытки психологического проникновения. Автор ведет повествование, а не созерцает. Но как умело переплетается драматизм с фотографическим репортажем, как захватывающе чередуются насилие, пафос и юмор, как умело Стейнбек заставляет читателя переживать участь Джоудов! Во всем чувствуется мастерское перо профессионала.

И все же сейчас, 30 лет спустя, мы видим, что и тогда и позже критики пользовались романом «Гроздьев гнева» (повторим здесь слова Стейнбека) «для высказывания своих мыслей как резонаторами, искажающими эхо». На читателей, которые по молодости не помнят атмосферу тридцатых годов и которые привыкли либо к более умеренным, либо более мрачным краскам при выражении социального протеста, «Гроздьев гнева» могут произвести значительно меньшее впечатление, чем на тех, для кого роман был «пламенным документом, горящим жарким огнем». Не подходят к роману больше и такие эпитеты, как «утонченный», «резкий» и «трагичный».

В 1939 году почитатели Стейнбека не слишком обращали внимание на его стиль и типажи. Их интересовали лишь намерения автора. Они довольствовались тем, что автор красноречиво ратует за притесненных. Прошло 30 лет, и сейчас очень немногие интересуются судьбой нескольких сот тысяч когда-то разорившихся фермеров, дети и внуки которых уже давно ведут обычный для остальных калифорнийцев образ жизни. Замечательный фоторепортаж о пыльной буре и о ее жертвах, который был выполнен фотохудожниками по заказу Администрации по переселению фермеров, можно найти лишь в библиотеках и музеях. Пожалуй, следует упомянуть, что тема стейнбековского романа на короткие мгновения воскресает в сценах лагерной жизни мигрантов, показанных в фильме «Бонни и Клайд». Но далеко не все обратили на это внимание. В отличие от «Хижины дяди Тома», чей герой пережил время и обрел легендарность, роман «Гроздьев гнева» посвящен лишь описываемому там времени.

И это очень жаль. Знают ли современные воинствующие идеалисты или нет, но их безусловно обогатил радикальный гуманизм Стейнбека, решившего в тридцатых годах разоблачить социальную несправедливость, ибо он сам был глубоко возмущен жестокостью некоторых людей и безразличием многих. В наше время это было бы равносильно тому, что какой-нибудь писатель навел бы мощный прожектор своего творчества на безмолвных бедняков Аппалачских гор, на черных обитателей Алабамы. Отважится ли кто-нибудь из наших современников на подвиг Стейнбека — пока предсказать нельзя. Но если и отважится, то еще неизвестно, получит ли его произведение такой же широкий отклик, как в свое время «Гроздьев гнева».

Бульвар Заходящего солнца — это старое и новое, уродливое и прекрасное, обычное и необычное.

ЗАХОДЯ

БУЛЬВАР ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Во всех больших городах есть улица, преисполненная особого очарования, присущего только ей. Достаточно ее кому-нибудь упомянуть, как перед каждым возникают знакомые картины независимо от того, бывал ли он там или нет. И в Лос-Анжелесе таким магическим свойством наделен Сансет-бульвар, или бульвар Заходящего солнца.

Бульвар начинается на старой мексиканской площади Плаза, где почти двести лет тому назад зародился Лос-Анжелес. Извивающейся лентой бульвар тянется более тридцати километров на запад, пока путь ему не преграждает Тихий океан. Бульвар Заходящего солнца — это потоки машин и толпы людей, это магазины, рестораны и ночные клубы, это известное предместье Бел-Эр, где когда-то жил Президент Ричард Никсон, это раскинувшийся на 166 гектарах Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе — быстро развивающийся комплекс, занимающий видное место среди лучших американских высших учебных заведений (см. стр. 26).

В 20-х годах, когда Голливуд стал мировой столицей кинематографии, бульвар превратился в витрину кинопромышленности и ее звезд. Вдоль его центральной части как грибы росли огромные студии, приносившие славу и состояние кинодеятелям, которые селились опять-таки вблизи бульвара, только уже в более спокойных районах. Обитатели царства кино работали в фантастическом, далеком от реальности мире, в костюмированном мире декораций. Но и свободное время, скрывшись от любопытных взоров, они проводили среди декораций, правда, несколько иного рода: в своих огромных особняках и замках псевдоиспанского, французского, мавританского и староанглийского стилей.

Эти особняки, стоящие в глубине просторных усадеб, с холменными газонами и цветочными клумбами, плавательными бассейнами и теннисными кортами стали главной достопримечательностью бульвара Заходящего солнца. Те, кто не смел и надеяться лично увидеть почитаемую им кинозвезду, стремились хотя бы издали взглянуть на сказочные замки своих кумиров. Это привело к расцвету экскурсионного бизнеса. Переполненные туристами автобусы разъезжали, да и сейчас разъезжают, по бульвару, пробивая себе путь среди лавины легковых машин. Но облик бульвара с каждым годом менялся. Большая его часть сейчас находится в переходной стадии, некоторые участки состарились, а кое-что просто уродливо.

В наши дни фильмы часто снимаются в Европе или на натуре, а потому многим студиям пришлось закрыться или переключиться на что-нибудь другое — в частности на телевидение. На территории киноимперии выросли высотные здания, где заключаются финансовые сделки, откуда ведется руководство промышленными предприятиями и исследовательской работой. Но, как и в прежние времена, Голливуд остается магнитом для американцев. Он все еще выпускает достаточное количество высококачественных фильмов, чтобы привлекать к себе знаменитостей и тех молодых начинающих актеров, которые надеются попасть в заветное число кинозвезд.

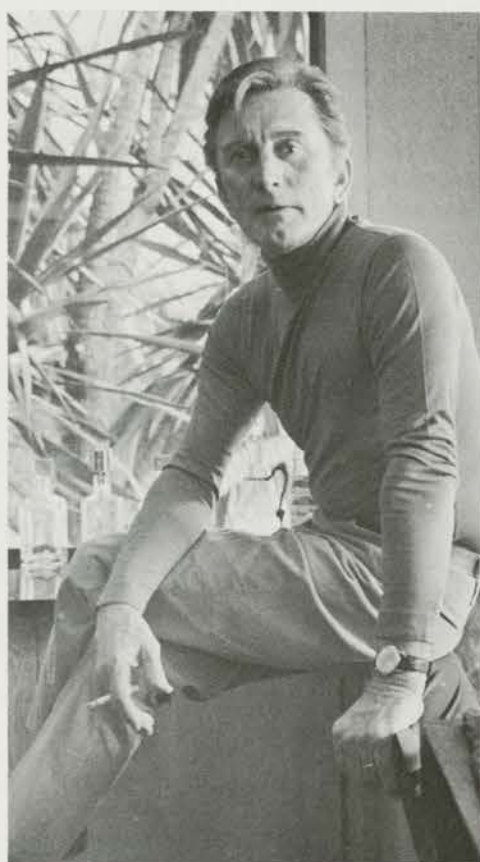
На бульваре Заходящего солнца идет ожесточенная борьба между старым и новым, что характерно для всего Лос-Анжелеса, да и для большинства американских крупных городов. Отцам города хотелось бы, конечно, чтобы бульвар сохранил все лучшее и от того, и от другого. Потому неподалеку от Гражданского центра, этого комплекса роскошных новых зданий, предназначенных для муниципальных и культурных целей, восстанавливается старая Плаза. В результате площадь будет выглядеть так, как она выглядела в начале XIX века. Эта площадь станет памятником скромного начала разросшегося во все стороны города-гиганта.

В сентябре 1781 года губернатор Калифорнии, тогда принадлежавшей Испании, возглавил экспедицию, которая собиралась основать город поблизости от индейской деревушки Янг-на. Добравшись до места, где позже появилась Плаза, губернатор решил, что именно здесь следует основать новый город, которому он дал сложное испанское название Эль Пуэбло де Нуэстра Сеньора ла Реина де Лос-Анхелес — деревня Богоматери, Царицы ангелов. И надо сказать, что сегодняшний город, насчитывающий около трех миллионов жителей, наглядно свидетельствует о том, сколь разумно было решение губернатора. Но местные патриоты идут дальше: они утверждают, что в один прекрасный день Лос-Анжелес станет самым крупным городом мира. (Окончание на стр. 28)

ЖИЗНЕННАЯ АРТЕРИЯ ГОРОДА

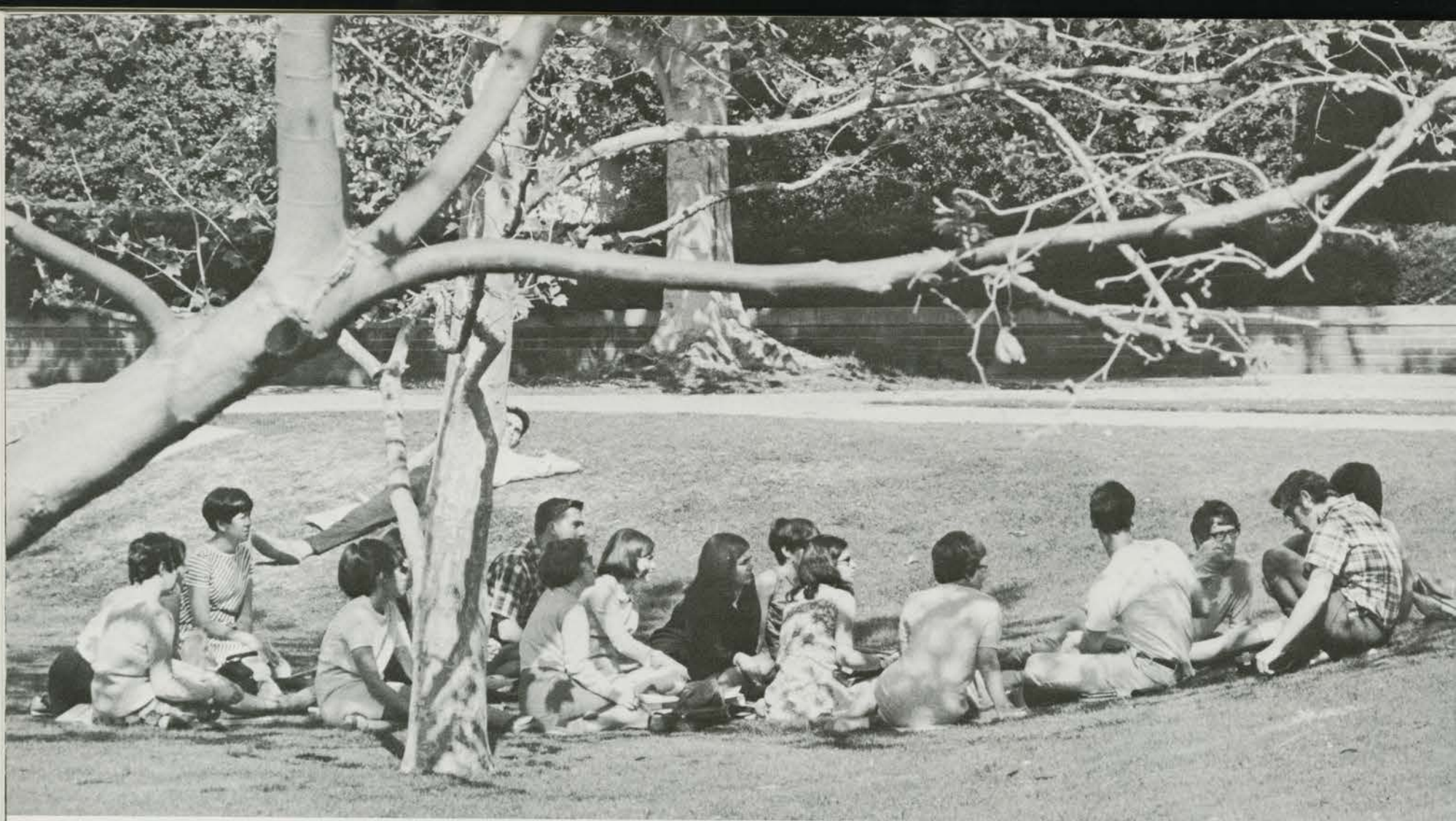
С годами облик бульвара изменился. Все чаще можно увидеть перед величественными особняками надпись «Продается». Очень немного кинозвезд по-прежнему живут в районе бульвара, но их все еще можно увидеть на студиях звукозаписи или киносъемки, например, на студии «Юниверсал пикчурс» (внизу), расположенной поблизости. Изменились и средства передвижения — молодежь предпочитает свои мотоциклы роскошным лимузинам кинозвезд.

БУЛЬВАР ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА- СЕРДЦЕ ВОЛШЕБНОГО МИРА КИНОПРОМЫШЛЕН- НОСТИ

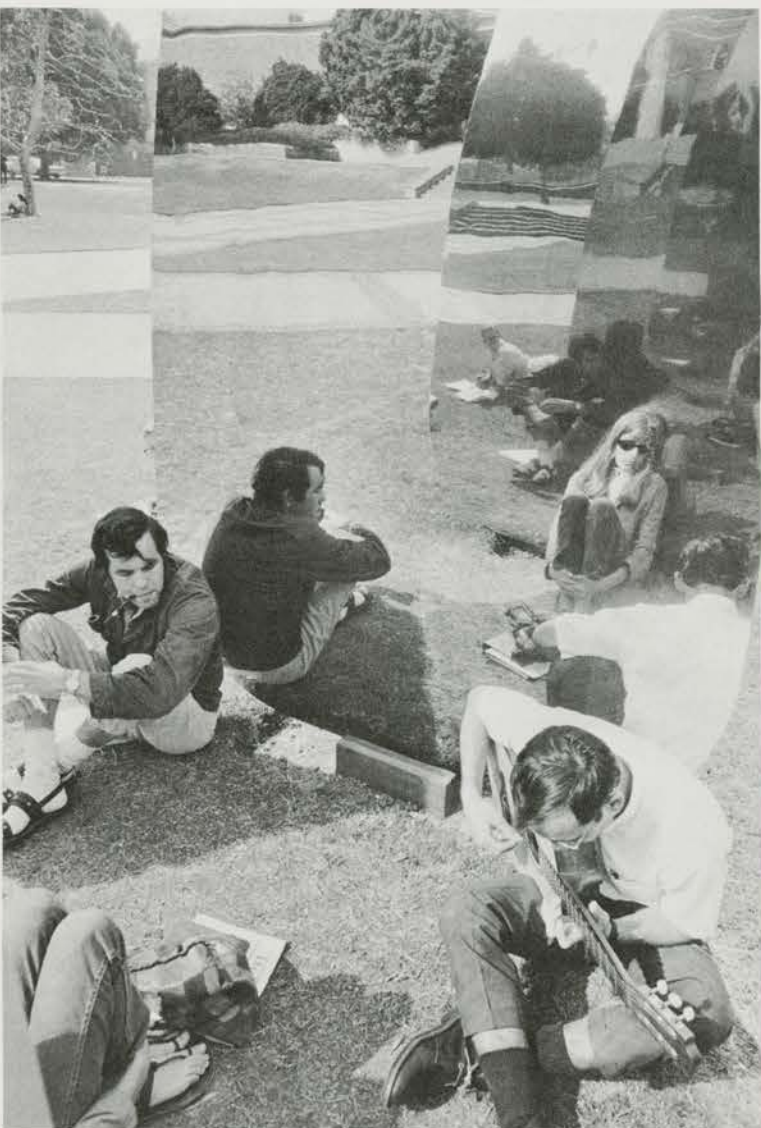
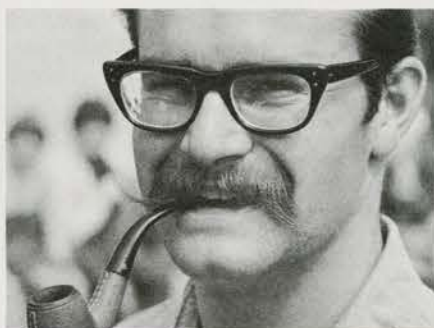

ЖИЗНЬ БЬЕТ КЛЮЧОМ В УНИВЕРСИТЕТ- СКОМ ГОРОДКЕ, РАСКИНУВШЕМСЯ ОКОЛО БУЛЬВАРА

Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе, территорию которого (166 гектаров) огибает бульвар, купается в теплых лучах южного солнца. Основанный 50 лет тому назад, он тогда насчитывал 250 студентов. Сейчас университет разросся: число учащихся превышает 28 тысяч. Неудивительно, что особое внимание заслуживает его кинематографический факультет — ведь он находится в кино-столице страны. Но и остальные факультеты — от биологического до художественного — выпускают первоклассных специалистов.

НОЧНОЙ «САНСЕТ-СТРИП»

Восстановительные работы смягчат безжалостные перемены, которые время принесло Плазе. Эта площадь с зеленым сквером посередине расположена в самом сердце мексиканского района Лос-Анжелеса. Первое, что бросается в глаза, это обилие пешеходов — зрелище необычное для города заядлых автомобилистов. На тенистых лужайках играют дети, люди постарше дремлют и болтают, сидя на скамейках около эстрады. Почти каждый день мексиканский оркестр играет здесь ритмичные латинские мелодии. На площадь выходит узенький переулок Олевера — копия старинного мексиканского базара, где можно купить любое мексиканское блюдо, домодельную одежду или затейливое седло ручной работы.

От Плазы бульвар Заходящего солнца идет на запад по району Бэнкер-Хилл, где многоэтажные жилые здания сейчас вытесняют деревянные особняки конца прошлого века. Слева от бульвара возвышаются величественные здания Гражданского центра, который так резко отличается от следующего района Эхо-парк.

Многие жители этого района лишь недавно поселились в Лос-Анжелесе и еще как следует не освоились в ошеломляющем лабиринте города. Здесь нет роскошных магазинов, дома небольшие и довольно запущенные. Рестораны славятся национальными блюдами — мексиканскими, негритянскими, филиппинскими. Есть тут еще одна достопримечательность: Храм ревнителей самоусовершенствования — одного из многочисленных религиозных культов, процветающих сейчас в Калифорнии.

Бульвар пересекает Гауэр-стрит, улицу, прозванную когда-то «Ущельем Гауэра» в честь ковбойских фильмов, которые сотнями выпускала старая киностудия «Колумбия пикчурс». Дальше бульвар идет по Голливуду, самому известному предместью Лос-Анжелеса.

Время безжалостно изуродовало когда-то импозантные деревянные дома, стоящие на прилегающих к бульвару улицах. Однако бульвар залит морем разноцветных неоновых огней, рекламирующих самые различные товары и услуги: красно-бело-голубая надпись приглашает ответить жареных цыплят, желто-фиолетовая — сдать в химчистку костюм и через два часа получить его обратно, сине-красная — остановиться в мотеле «Сахара», оранжево-черная — заглянуть в ресторан «Золотая подвязка». И над всем этим кричащим калейдоскопом красок возвышаются небоскребы из блестящего металла и черных стекол.

Картина резко меняется, и путешественнику кажется, что он попал на ярмарку: он едет по «Сансет-Стрип», или просто «Стрип» («Полоса»), как величают этот полутораклометровый участок бульвара Заходящего солнца его завсегдатаи. Когда-то тут в бесчисленных ресторанах и ночных клубах веселились кинозвезды и другие деятели кинематографии. Но много произошло за последние двадцать лет — «Стрип» пережил и лучшие дни, и забвение, и возрождение. Здесь уже больше почти не видно ни роскошных ресторанов, ни веселых кабаре, процветавших в 40-х и 50-х годах. Им пришлось уступить место дискотекам, привлекающим совсем других клиентов. Юноши и девушки толпами стекаются сюда потанцевать под пульсирующие ритмы рока или в промежутках между танцами побродить по многочисленным магазинам, предлагающим все, что угождает авангардным вкусам молодежи — одежду новейшего фасона, безделушки, картины, плакаты и скульптуры.

В последние несколько лет «Стрип» стал вторым домом для дико наряженных хиппи, или «детей цветов», как они себя предпочитают называть. Такое положение вещей радует далеко не всех: бесконечные заторы в уличном движении и бурное поведение «детей цветов» выводит из терпения людей постарше и особенно блюстителей порядка.

Дальше бульвар становится спокойнее. Он проходит по зеленым жилым кварталам, где старое и новое сочетается значительно более гармонично. Автомобилист едет по Беверли-Хиллс, где ему все время предлагают купить карты-путеводители с описанием особняков наиболее известных кинозвезд, которые остались верными этой части города. Беверли-Хиллс и соседний с ним Бел-Эр по роскоши могут потягаться с самым феенебельным предместьем любого города в мире.

В Уэствуд-Вилледж бульвар огибает Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе. В университете учатся 28 000 студентов, а среди его преподавателей есть много ученых с мировым именем и даже несколько лауреатов Нобелевской премии. Стоимость обучения невысока — для жителей Калифорнии 220 долларов в год, что, правда, не включает расходов по жилищу и питанию. Университет входит в систему высших учебных заведений штата, насчитывающую 27 колледжей и университетов с общим числом студентов в 275 тысяч.

Дальше бульвар начинает петлять по холмам и каньонам прибрежных предгорий. В одном из этих каньонов приютилось ранчо покойного Уилла Роджерса, известного актера, юмориста и сатирика. Уроженец Оклахомы, Роджерс в 20-е годы занялся разведением скота. Свое ранчо — 75 гектаров — он оставил населению Калифорнии с тем, чтобы оно стало парком и местом для пикников и отдыха. В доме сейчас устроен музей, посвященный деятельности Роджерса.

Теперь бульвар идет по Пасифик-Палисейдс. Из окон глинобитных испанских вилл с красными черепичными крышами открывается замечательный вид на холмы и темно-синий океан. Среди аккуратно подстриженных газонов часто поблескивают плавательные бассейны. В этом приятном и живописном районе живут преимущественно ученые и инженеры, которые работают в находящихся неподалеку предприятиях электронной промышленности. Живет тут и кое-кто из знаменитостей — звезды кино и телевидения. В свое время здесь обосновались такие писатели, как Томас Манн и Олдос Хаксли.

Холмы спускаются к желтым пляжам, и тут кончается бульвар Заходящего солнца. В жаркие летние дни на пляжах яблоку негде упасть, но и в более прохладные зимние месяцы тут достаточно народа. Здесь процветает серфинг. Даже в разгар зимы, когда вода бывает довольно холодной, страстные любители этого спорта готовы часами качаться на доске, поджидая большую волну. Но вот волна идет, юноши вскакивают, взлетают на ее гребень и под одобрительные возгласы зрителей вылетают на берег.

Вот это и есть бульвар Заходящего солнца — старое и новое, уродливое и прекрасное, обычное и необычное. Через год, а может быть даже через месяц, он где-то изменит свой облик, уступая требованиям людей, на нем живущих и на нем работающих. Но он навсегда останется памятником, увековечивающим возникновение города и зарождение там кинопромышленности, которой он обязан своим разнообразием, привлекательностью и славой.

Грохот рок-н-ролла привлекает молодежь на «Сансет-Стрип».

«Сансет-Стрип» — это поток машин и толпы пешеходов в любое время дня и ночи.

Черная влася бель

Джемс Фармер долгие годы занимал руководящее положение в движении за гражданские права. Он создал Конгресс расового равенства в 1942 году и стал его директором в 1961 году. В 1966 году он ушел с этого поста, заняв кафедру социального обеспечения в университете имени Линкольна в Пенсильвании, затем в Нью-Йоркском университете, а в феврале 1969 года был назначен заместителем министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения.

Несколько месяцев тому назад мне позвонил по телефону какой-то незнакомец, отрекомендовавшийся негром, и сказал, что он совершенно растерян: какую бы позицию он ни занял, она все равно окажется никуда не годной.

«Всего несколько лет тому назад, — пояснил он, — руководители движения за гражданские права считали наиболее целесообразным и радикальным способом борьбы с дискриминацией вселение негров в белые районы». Поэтому он с молодой женой принял вызов и с большими трудностями проникли в один из белых пригородов. Претерпев всяческий вандализм, физические угрозы и полную изоляцию, они добились своего. «А теперь, — продолжал мой собеседник, — негры называют меня дядей Томом и считают нас «бывшими неграми» за то, что мы живем среди белых».

Требования черных гетто непрерывно меняются. Лозунги недельной давности уже не встречают отклика. Вчерашние решения сегодня уже недействительны. Не одни только белые растеряны от потока все новых требований. Не понимают их и многие негры.

Негритянскую общественность раскалывают споры кардинального значения. Крикливые газетные заголовки не вносят ясности в разногласия, и пресса вообще слишком упрощенно и неверно их освещает. Вопрос вовсе не стоит так: радикализм или умеренность? В обоих лагерях имеются и радикальные и умеренные элементы. Водораздел не проходит и по линии между «интеграцией» и «отделением». Что это — интеграция или шаг на пути отделения, когда негр студент, по своей доброй воле поступивший в интегрированный университет, затем вступает в афро-американское объединение студентов университета? Может быть, деление проходит по возрастному признаку? Молодые, действительно, преобладают среди сторонников одной точки зрения, а многие из более старших доминируют в другом лагере. Но в общем возраст нельзя смешивать с идеологией.

Быть может, суть дела в «черной власти»? Но как обсуждать лозунг без точного определения его содержания?

И все же основная проблема существует, и стоит она ребром. Сводится она в чистом виде к следующему: как найти чернокожим американцам истинный смысл своего существования и занять достойное место в жизни? Идти ли по пути ассимиляции или сохранять расовую самобытность и сплоченность?

Вопрос этот не нов на американской почве. Стоял он перед иммигрантами всех национальностей, нередко доводя до раскола в их среде. В каждой такой этнической группе раздавались голоса, ратовавшие за сохранение самобытности и культурных традиций, за своего рода групповой национализм, или субнационализм, в рамках всей нации. Другие настаивали на распылении и ассимиляции, высказывались за растворение своей национальной группы

в общенациональном единстве новой родины. Первое поколение иммигрантов, не чувствуя еще твердой почвы под ногами в новой враждебной среде, всегда склонялось к групповому сплочению, и чем сильнее было давление извне, тем более укреплялись внутренние связи. Эти иммигранты и их потомство становились ирландо-американцами, итало-американцами, польскими американцами, евреями-американцами, с ударением на первом слове — на происхождении. С ослаблением давления внешней среды смелее раздавались голоса, призывавшие к ассимиляции. Этнические перегородки стирались, но не до конца.

Среди негров идеологические разногласия носили более длительный характер — и потому, что они особенно выделяются среди окружающих своей внешностью, и как следствие рабства. Дискуссия, на первых порах приглушенная, началась после эмансипации. Тогда многие негры хотели вернуться — и некоторые вернулись — в Африку. Но большинство старалось как-то пробиться здесь, либо в одиночку, либо коллективно. Кем считать американского негра? Негром, который по капризу истории жил в Америке, или американцем, который благодаря генетической случайности оказался чернокожим? Вот как ставил вопрос У. Э. Б. Дюбойс в 1903 году:

«В американском негре заложена двойственность — двойственность мышления, противоречивость стремлений, непримиримость двух душ, двух идеалов в одном черном теле...»

«История американских негров есть история этой внутренней борьбы, страстного желания самоутверждения, стремления освободиться от двойственности, слить свое двойное «я» в лучшее и более подлинное «я»... Они не стремятся к африканизации Америки, ибо миру и Африке есть чему поучиться у Америки. Они не хотят обесцветить свою негритянскую душу в потоке белого американизма, ибо они знают, что негры должны выполнить особую миссию в мире. Они попросту желают, чтобы человек мог быть и негром и американцем, не подвергаясь за это брани и унижениям...»

Ожесточение стало прорываться в спорах среди чернокожих американцев лишь сравнительно недавно, как следствие трех неудач: неудачи с отвоєванными в законодательном порядке конституционными и гражданскими правами, ибо они не повлекли за собой заметных изменений в жизни негров; неудачи с проведенным законодательным путем наступлением на сегрегацию, ибо оно не смогло остановить процесса сегрегации в школах и жилищах; наконец, неудачи всех усилий как-то сдвинуть с мертвой точки вопрос о расизме в американском обществе.

В XX веке преобладающую роль среди негров играли сторонники распыления и ассимиляции. После решения об отмене сегрегации в школах, вынесенного Верховным Судом в 1954 году, они ликовали и видели будущее в самом розовом свете. Но два года тому

назад среди негритянских масс на смену оптимизму пришло чувство разочарования.

И лидеры негров, и белые либералы твердили неграм с самого начала XX столетия, что каждый из них должен рассматривать себя с индивидуальной, а не с групповой точки зрения: каждый, кому удастся получить образование и материально окрепнуть, сможет приобщиться в культурном отношении к расово-интегрированному обществу, а позже и ассимилироваться в нем. Люди доброй воли обеих рас поверили в миф дальтонизма, в то, что такого рода близость сделает черную окраску кожи незаметной. Достигнув ассимиляции, негры лишатся расовых особенностей, превратятся в американцев, участвующих во всех сторонах жизни нации. Черные гетто превратятся в кошмарные сны прошлого.

Годами никто из ответственных негритянских лидеров не смел и намекнуть на то, что улучшение образования или жилищных условий в гетто может принести какую-либо пользу. Считалось, что негритянские гетто — анахронизм и что забота об их улучшении способствует лишь увековечению сегрегации. Существовавшие на частные средства негритянские колледжи были близки к банкротству. Филиппа Рандольфа в конце 1950-х годов жестоко критиковали за планы создания «Негритянско-американского совета труда». Белые студенты в интегрированных колледжах жаловались, что черные студенты еще не достигли полной эмансипации, ибо, например, входя в столовую, два негра часто садились вместе, а не среди белых. Это считалось «сегрегацией наизнанку».

Попытки провести в жизнь «дисперсионную концепцию интеграции» явно не удалась, хотя некоторые продолжают, кажется мне, наивно считать этот путь правильным. Часть негритянского населения, которая раньше широко поддерживала эту концепцию, уже разочаровалась в ней и подвергает ее жестоким нападкам. Ибо концепция рассеивания требовала от негров отказа от своего «я», растворения в общей массе американцев.

Противники концепции отстаивают этническую сплоченность, считают насущной задачей самоутверждение негра как чернокожего. Они призывают к коллективному отстаиванию неграми своих прав. Они внушают им чувство гордости цветом своей кожи, осуждают тех, кто подделывается под белых. И к гетто они подходят совсем иначе — они против расселения негров из гетто и отказа их от самобытности, они хотят сохранять и улучшать гетто, бережно к нему относиться и его любить.

Среди поборников этнического единства негров имеются и сепаратисты. Стараясь улучшить жизнь в гетто, они хотят видеть их обособленными коллективами, стоящими, по возможности, в стороне от общенациональной жизни. Другие рассматривают негритянские районы как этнические коллективы, существующие наряду со многими другими этническими группами в наших городах и

ТЬ И е либералы

ДЖЕМС ФАРМЕР

С разрешения журнала «Прогрессив»

могущие послужить точкой опоры для выдвижения негров в главный фарватер политической и экономической жизни, тем самым значительно изменив его характер.

Таковы разногласия в недрах негритянской общности. По моему убеждению, истина лежит где-то посередине.

Негру необходимо сперва самоопределиться как негру и только уже потом — как американцу. Он должен теперь почувствовать себя негром американцем, чтобы позднее стать просто американцем. А для этого надо считаться с реальностью: ни негритянского гетто, ни расизм не исчезнут в ближайшем будущем.

Тому, кто чувствует себя афро-американцем, труднее пройти этот этап развития и стать просто американцем, по трем уже упомянутым мною причинам: негры выделяются среди окружающих цветом кожи, они пережили рабство, и, наконец, и белым и неграм свойственна расовая мистика, ставящая чернокожих на более низкую ступень. Как это ни парадоксально, негры должны, по-моему, с одной стороны, укреплять свое гетто, оставляя, с другой стороны, открытой возможность выхода из него. Они должны усиливать экономическое и политическое влияние гетто, одновременно борясь за право селиться среди белых по своему желанию, что в конечном итоге разрушит гетто, но даст неграм как полноправным американцам почувствовать твердую почву под ногами.

Это будет длительный и трудный процесс. Наряду с успехами будут иногда неудачи; придется и прибегать к драматическим мерам, и вести незаметную кропотливую работу; и применять силу, и придерживаться пассивного сопротивления. Расовую гордость отделяет от ненависти к самому себе лишь тонкая черта. Ожидать, что никто не будет ее переступать, — наивно. Просить не приближаться к этой черте, чтобы ее не переступить, — невозможно. Поборники укрепления негритянского самосознания часто грешат риторическими преувеличениями. «Как красивы черные, как хорошо быть негром!» — выкрикивают они нарочито громко.

Насколько мне известно, хуже всего разбираются в теперешнем положении в гетто белые либералы. Их реакция на происходящее объясняется не только любовью без взаимности. Новые формулировки черного единства — прямой вызов их либеральным догматам и всем столь дорогим сердцу готовым клише — таким штампам, как «уничтожение гетто», или «мистика дальтонизма», или пароль межрасового общения, требующий, например, приглашения на каждую вечеринку хотя бы одного негра.

Но еще больший удар для белых либералов связан с новым пониманием их роли, или, вернее, с непризнанием их прежней роли. Либералы нас не ненавидели, а любили. Ненавидели нас фанатики-расисты, но ненависть — это своего рода признание достоинства ненавидимого. Ненависть ставит

в равное положение, а любовь с покровительственным оттенком унижает.

Сколько бы это ни оспаривали, но исторически сложившийся союз негров с белыми либералами, со времен борьбы за отмену рабства и до наших дней, основывался на таком снисходительном отношении. Мы, негры, были младшими братьями, а не равными.

Недавно одна белая женщина средних лет, годами активно поддерживавшая либералов, спросила меня, почему теперь, когда неграм в гетто протягивают руку дружбы, они ее обычно отталкивают? Я постарался ей объяснить, что негры, в особенности из бедных слоев населения, до сих пор молчали и ничем себя не проявляли. Но теперь они заговорили полным голосом. Они сами хотят отвечать за свою судьбу и принимать решения. Они будут ошибаться, но это будут их собственные ошибки, их промахи. Недостаточно освободить человека — он должен освободить себя, стать внутренне свободным. Вот как я себе представляю прогресс на пути к активному участию в жизни демократического общества. Помощь и сотрудничество должны предоставляться на этих условиях, иначе помощь вообще ни к чему.

Самое пагубное следствие американского расизма состоит в том, что самим неграм внушили представление о себе, как о неполноценных членах общества. Это тормозило их развитие. Ребенок не развивается, пока все окружающие видят в нем ребенка. Достигнув зрелости, он должен уйти из дому и порвать с родителями, если они не считаются с ним, как с взрослым. В своем представлении о самих себе негры теперь достигли зрелости.

Чтобы снова включиться в борьбу на стороне негров, белые либералы должны пересмотреть свои чувства и свой образ мыслей. Им придется отказаться от роли белых опекунов, свысока покровительствующих чернокожим и оказывающих им помощь. Они должны понять, что если, подобно миссионерам, они начнут протягивать руку дружбы, как высшие низшим, то их жест не встретит взаимности, их руку оттолкнут, а, может быть, и укусят. Однако рука, протянутая как равному, сперва нерешительно повиснет в воздухе, но затем, вероятно, последует робкое ответное рукопожатие.

Негры достигли зрелости не только психологически, но и политически. Последние выборы, на которых представители их расы были избраны мэрами Кливленда (в Огайо) и Гари (в Индиане), а также на различные посты в местном самоуправлении в Вирджинии и в нескольких округах Миссисипи, показали, что негры голосовали сознательно и с чувством ответственности в духе лучших американских демократических традиций. Негры избиратели уже не хотят выдвигать белых на роли своих единственных защитников. Они отвергают миф, что политические решения — привилегия белого человека.

Наблюдавшееся уже в течение нескольких лет вступление негров в полосу психологиче-

ской зрелости, которое сказывается теперь и на политической арене, выливается в экономической области и в вопросах образования пока только в виде требований, но не дает еще практических результатов. Экономически гетто по-прежнему остаются колониями: предприятия принадлежат живущим вне гетто, а жители гетто — лишь потребители, покупающие товары по вздутым ценам.

Теперь население требует, чтобы утечка денег из негритянских районов прекратилась и начался их обратный приток, а также чтобы местные жители, с их общими горестями и надеждами, сами управляли экономической жизнью негритянских гетто. Конечно, только крайние радикалы и оптимисты среди них могут верить, что это под силу самим неграм без посторонней помощи. Большинство ясно понимает, что без капитала, технических знаний и организационных навыков это невозможно. Белые должны помогать лишь советами, а последнее слово должно оставаться за самими неграми. Они хотят промышленных капиталовложений в гетто, и некоторые предприятия уже пошли по этому пути: они строят там фабрики и заводы, готовят руководящие кадры. Но необходимо передавать эти фабрики и заводы в ведение местных негров, подготовив последних к этой задаче.

Особенно настойчиво негры требуют права распоряжаться собственной судьбой в области образования. После десяти с лишним лет напрасных попыток всеми возможными средствами открыть своим детям двери «белых» школ в надежде, что белая администрация обеспечит там высокий уровень преподавания ради своих белых детей, сидящих с неграми на одной скамье, негры заняли другую позицию. Они предъявляют теперь не осуществленное еще на практике требование местного контроля над школами в гетто. Школьные советы не смогли осуществить интеграцию и дать негритянским детям образование. Поэтому негры проводят теперь по всей стране энергичные кампании за децентрализацию управления школами; они хотят взять в свои руки руководство школами. Результаты едва ли будут хуже достигнутых до сих пор отделами народного образования. У местных жителей есть шанс с большим успехом справиться со своей задачей, так как, в отличие от школьных советов, они кровно заинтересованы в воспитании и будущности своих детей.

Споры между теми, кто считает, что неграм необходимо держаться сплоченной массой, и теми, кто за их «дисперсию», будут продолжаться с прежней страстностью. Перевес тех или других в конечном счете будет зависеть не от красноречия и даже не от действий негритянских лидеров, а от хода событий. Положение складывается в пользу нового течения, ратующего за сплоченность, и, по моему мнению, это надо расценивать как положительное явление, соответствующее интересам негров на данном этапе.

КУЛИНАРНЫЙ СОВЕТНИК

ГЭЛ ГРИН

С разрешения журнала «Лук»

Крэг Клейборн, дающий кулинарные советы читателям газеты «Нью-Йорк таймс», любит хорошо покушать. Эта страсть гонит его за 5000 километров на пикники в Калифорнию или на Аляску, чтобы полакомиться там китовым бифштексом. Даже на Рождество он готов уехать из дому ради поисков трюфелей в Италии или черного паслена в Индиане. Он отморожил два пальца, ловя зимой рыбу в Нью-Джерси. И все это из-за своей страсти. Придя в ресторан, Клейборн может слать в гардероб вместо шляпы полкилограмма итальянской ветчины «проскьюто». Он носит в портфеле чудовищного размера грейпфрут и баночку французского паштета. Он глотает всевозможных моллюсков и других морских обитателей и тысячи раз подвергает свою печень испытаниям, пробуя блюда, которых не найти в бистро, ресторанчиках, гастрономических магазинах и других подобных им заведениях.

В свои 47 лет Клейборн считается самым авторитетным знатоком по вопросам пищи в Нью-Йорке и, что вполне возможно, самым тонким гурманом в стране — отчасти потому, что он упрямый, вспыльчивый и неподкупный (и в то же время обезоруживающий) сноб, а отчасти потому, что за ним стоит мощная поддержка газеты «Нью-Йорк таймс». Критика Клейборна может оказаться роковой. Он поднимает скандал, если только заметит, что мороженые аляскинские крабы подаются под видом свежих. Один возмущенный владелец ресторана как-то даже пригрозил подать на

Авт. права: Гэл Грин, 1968 г. Переведено с разрешения изд-ва «Гарольд Матсон компани».

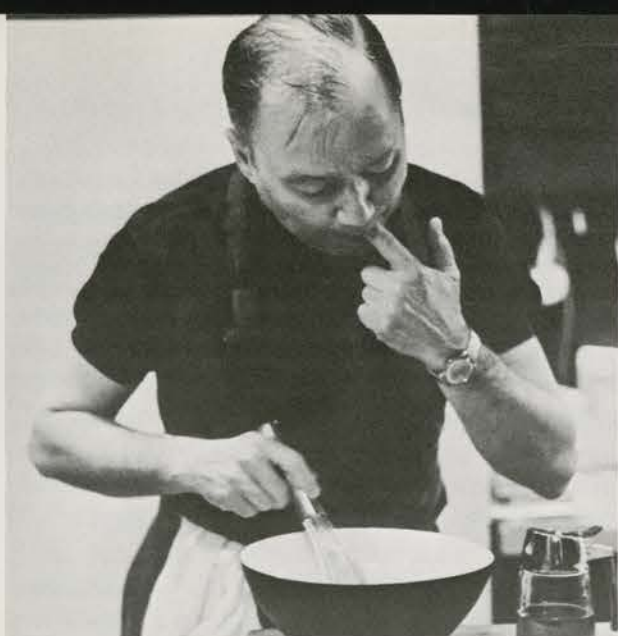
Клейборна в суд за то, что тот назвал его телятину «великовозрастной, но искусно отбитой молотком». Зато удостоиться похвалы Клейборна — великое дело. Даже он сам порой поражается влиянию газеты «Нью-Йорк таймс». Его заметка о приеме в феенебельном доме и комплимент гостеприимным хозяевам означают для них всеобщее признание.

Клейборн с радостью отказался бы от возможности смотреть на каменные лица метрлотелей и пробовать котлеты из телятины не первой молодости. Иногда у него появляется чувство, что он утопает в посредственности томатных соусов, что вполне понятно: ведь на сбор материалов для его остроумной и интересной книги «Путеводитель по ресторанам Нью-Йорка» ушло четыре тысячи часов размышлений и поглощения сотен порций окаменевшего сыра, вялого салата и «псевдонемской кислой капусты со свиными ножками».

Берегись, беспечный официант! Это улыбающееся, невинное лицо стареющего мальчика из церковного хора, здоровый румянец и подкупающие голубые глаза вряд ли вызовут подозрение даже самого недоверчивого хозяина. Тем не менее, именно так выглядит Клейборн во время одной из своих секретных вылазок. Он проверяет за неделю 8-9 ресторанов, оценивая их по четырехбалльной системе и ставя рядом с названиями звездочки — от одной до четырех (только семь ресторанов Нью-Йорка пока удостоились четырех звездочек). Благодаря прекрасно разработанной стратегии Клейборну удается сохранить полную анонимность.

Внимательный читатель, однако, скоро заметит, что «вкусовые сосочки» газеты «Нью-Йорк таймс» иногда бывают очень субъективны, а критика — придиришской и даже эксцентричной. Крэг, например, с ненавистью обрушивается на «ресторанную» музыку, которая льется из громкоговорителей, поносит шаблонное убранство залов, ругает слишком маленькие бокалы и слишком большие порции. («Много, слишком много и слишком вульгарно!») Он без ума от китайской кухни — чем больше пряностей, тем лучше («Если вы недовольны «чап су» — так вам и надо, в другой раз не заказывай-

Крэг Клейборн готовит соус для салата: чеснок, оливковое масло и уксус.

те!», — и равнодушен к мексиканскому «чили» — бодам с острым соусом. Даже горячие поклонники Клейборна были поражены, когда он лишил ресторан «Дары моря», что на 8-й улице, двух звездочек только за то, что ему подали там растворимый кофе экспрессо вместо натурального кофе. «Невозможно пить, — заявил он. — Чудовищная небрежность!» Клейборн бывает особенно придирчив к ресторанам, претендующим на

отличную репутацию, подмечая их малейшие недостатки.

Авторитет и положение, дающие Клейборну право смело высказывать свои суждения и выносить убийственные приговоры, пришли к нему не легко. Клейборн родился в Миссисипи, в местечке Сан-Флауэр (всего 662 жителя). Детство он провел в Индианаполе, где у его матери был пансион. После провала на вступительных экзаменах на медицинский факультет университета штата Миссисипи, он поступил в университет штата Миссури на факультет журналистики и, закончив его, попал прямо на флот.

После войны, придя новичком в журналистику, он был слишком боден, чтобы посещать рестораны Чикаго. Его сестра подарила ему книгу «Удовольствие в приготовлении пищи». «Мне было 33 года, — говорит Клейборн, — я был олицетворением психологического хаоса, мне все было безразлично. Я только знал одно: мне нравилось готовить и писать». В это время он услышал о школе швейцарской ассоциации работников отелей в Лозанне. «Школа для меня была земным раем!» — восклицает Клейборн, гордясь тем, что из 60 человек он закончил шестым по обслуживанию и восьмым по приготовлению пищи. Когда он узнал, что женщина-редактор отдела кулинарии в газете «Нью-Йорк таймс» уходит на пенсию, он немедленно подал туда заявление. «Я думаю, на это место газете нужен мужчина», — писал он. Газета с ним согласилась.

Десять лет психоанализа и одиннадцать лет работы в газете в какой-то мере удовлетворили самолюбие «белого деревенского парня». Но он все еще был слишком чувствительным. Замечаете, он иногда хромает? У него подагра. Ему надоедает отвечать на все письма читателей. К счастью, у него стальной желудок. Стройность

своей фигуры он сохраняет тем, что ограничивает себя в еде, но не может устоять перед хорошим яичным кремом. «Я когда-нибудь лопну от этого крема», — жалуется он. Клейборн ежедневно проверяет свой вес.

Как только весы показывают 74 килограмма (вместо нормальных 72-х), он немедленно отправляется инспектировать китайские и японские рестораны.

Сотрудничество в «Нью-Йорк таймсе» дает и допол-

На предыдущей странице и вверху: образцы иллюстраций, украшающих еженедельные рецепты Крэга Клейборна в газете «Нью-Йорк таймс». На снимке внизу: Клейборн обедает с издателем Альфредом Кнопфом в своем излюбленном ресторане «Ла каравелла»; у стола служащие ресторана почтительно ожидают от великого гурмана оценки их кулинарного искусства.

нительные блага: на сумму, выделяемую газетой для посещения ресторанов, можно было бы прокормить всех следящих за своим весом жителей предместий Нью-Йорка. И, конечно, дает ему возможность каждый год ездить в Европу. Он уверен, что «в своей прежней жизни был французом». «Я не чувствую себя дома в Нью-Йорке, ни в Миссисипи, — признается Клейборн, — но зато готов заплакать, когда схожу с самолета в Париже. Может быть, это просто мое воображение, но, по-моему, во Франции пища пахнет лучше. А приправы, а мелко нарезанная петрушка!»

Путешествуя по стране и пробуя разную пищу, он убедился, что в американской кухне много неожиданностей. «Я был поражен, — говорит он, — когда в Бисмарке, в Северной Дакоте, мне подали котлету по-киевски, а в другом городишке, о котором никто никогда не слышал, изысканное блюдо из Лотарингии».

Уставший, но в прекрасном расположении духа («Я не ушел бы из «Нью-Йорк таймса» ни за сто, ни за двести тысяч долларов!»), Клейборн, отслужив неделю великому божеству гастрономии, по пятницам сразу после ленча отправляется на машине к себе на Лонг-Айленд. Его дом на берегу залива, недалеко от Ист-Хамптона. Здесь, в профессионально оборудованной кухне, как маг на сцене, он творит чудеса кулинарии, потягивая виски или шампанское.

Его лучший друг («Ближе родного брата!») — Пьер Франи, в прошлом шеф-повар ресторана «Ле павийон», а теперь один из администраторов знаменитой цепи ресторанов «Хауард Джонсон». Они часто вместе готовят, подливая друг другу виски и болтая по-французски, а Клейборн между делом делает заметки и записывает рецепты для будущих статей.

Настроение у Клейборна меняется часто — он может быть очень оживленным, и тогда исполняет все партии

из «Уэстсайдской повести». Но вдруг он становится задумчивым: «Не беда, если мне суждено умереть сегодня. У меня есть все, что мне нужно. Я уже распорядился, как меня похоронить: меня сожгут в крематории. А когда Пьер станет

высыпать в залив мой прах, оркестр будет исполнять вот это место из «Реквиема» Верди. (И он поет.) Потом Пьер приготовит для всех обед». — «А кто же будет мыть посуду в то время, когда я буду высыпать твой прах?» — добродушно ворчит Пьер.

КУБОК ДЭВИСА

Уилл Гримсли

Дуайт Дэвис, американский государственный деятель, который в 1900 году учредил ежегодный розыгрыш на Кубок, носящий его имя.

Сильным ударом справа высокорослый американец Стэн Смит посылает крученный мяч на сторону австралийца Рэя Раффелса. Австралиец делает отчаянную попытку отразить удар у сетки, но тщетно — коснувшись края ракетки, мяч уходит за пределы площадки. Стэн Смит и его партнер Боб Латц, подбросив в воздух ракетки, вприпрыжку устремляются к боковой линии, где они попадают в объятия своего капитана Доналда Делла.

Кубок Дэвиса — символ спортивного могущества в любительском теннисе — завоевали Соединенные Штаты. Итак, заветный трофей, которым долго — пожалуй, даже чересчур долго — владели австралийцы, отправился к берегам другой страны, где он впервые был разыгран 68 лет тому назад.

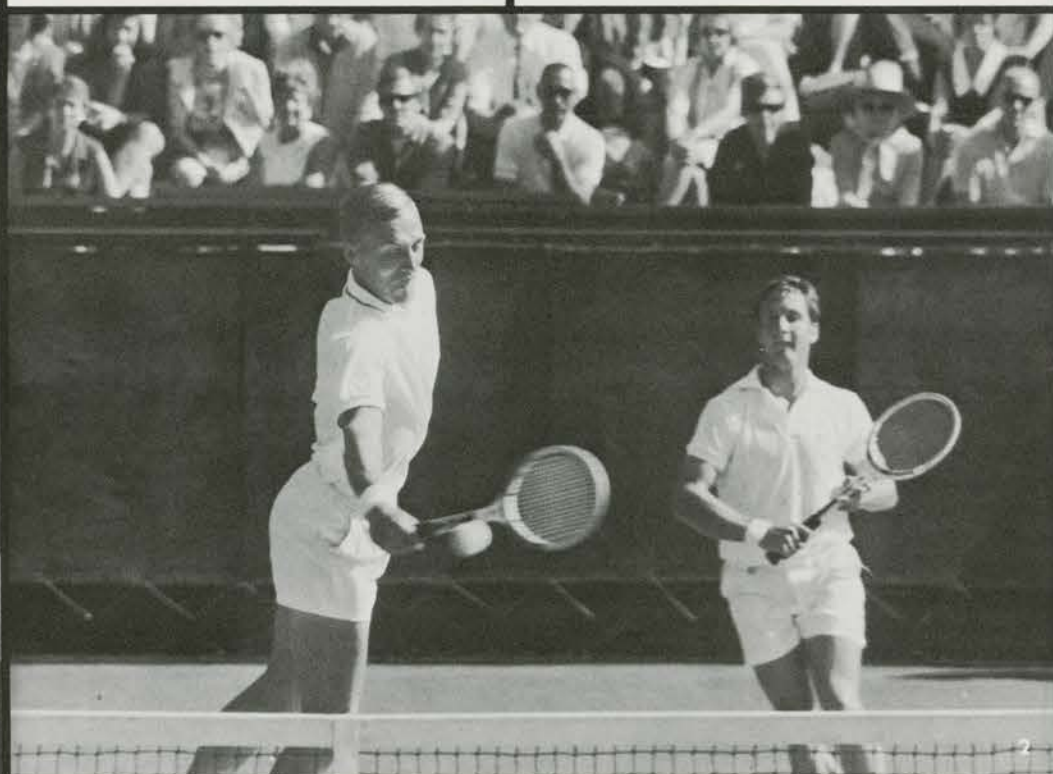
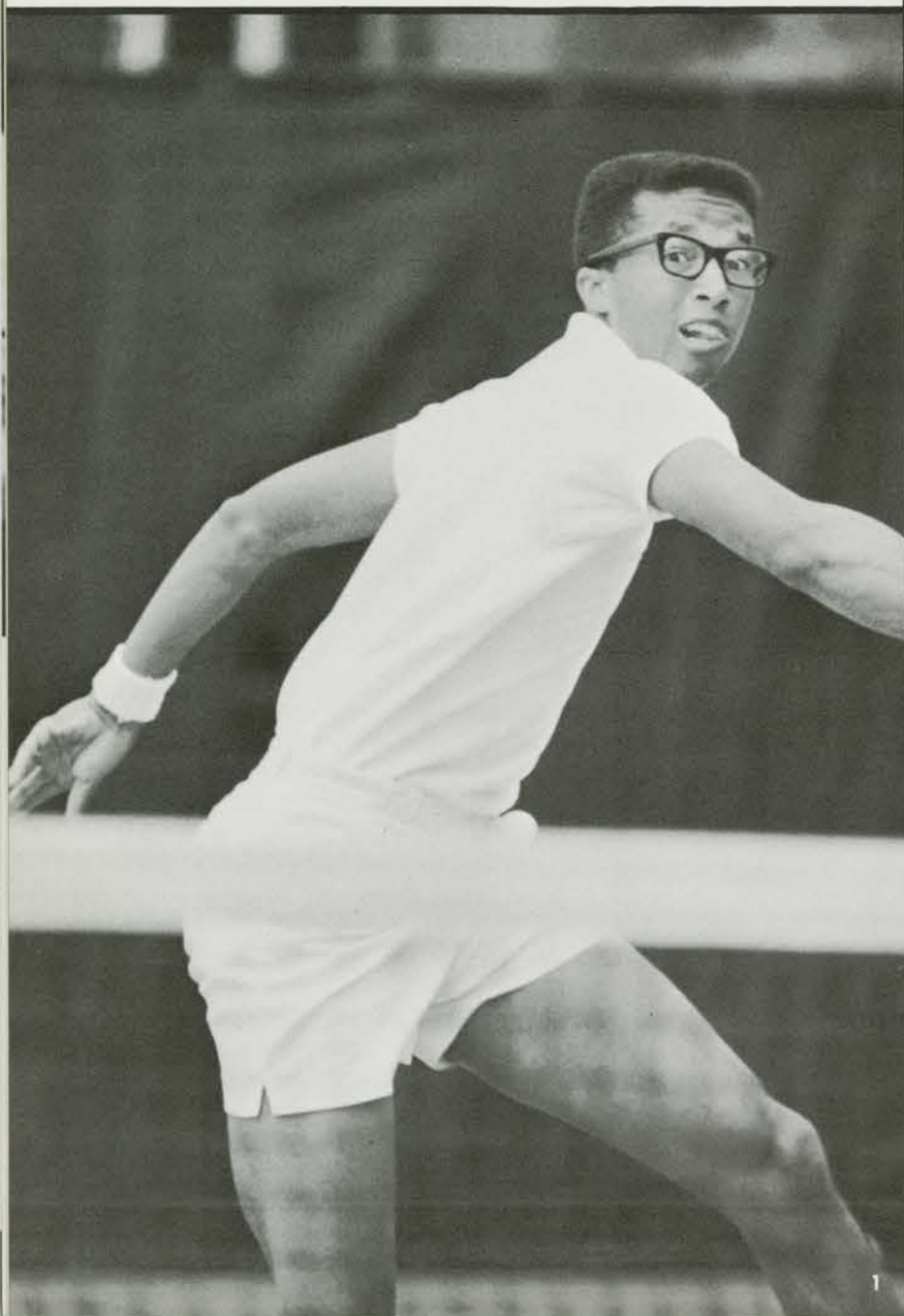
Это была первая американская победа за последние пять лет. Однако традиционный напиток — смесь австралийского пива с американским вином, — которым наполняют победный серебряный кубок, на сей раз оказался с горчинкой. Артур Аш, сильнейший теннисист Соединенных Штатов, жаловался: «А ведь лучших игроков здесь не было». Дело в том, что многие американские и австралийские теннисисты перешли в профессионалы и поэтому в розыгрыше Кубка Дэвиса не участвуют. Среди

них оказались Франк Седжман, бывшие чемпионы среди юношей Лью Хоад и Кен Розуолл, Рой Эмерсон, левша Нил Фрейзер, Род Лейвер, Джон Ньюком — все они сейчас играют за денежные вознаграждения.

В сентябре этого года, когда команде США придется отстаивать звание чемпиона, к играм на Кубок Дэвиса будут, вероятно, допущены теннисисты, которые хотя и не являются настоящими профессионалами, но в то или иное время получают плату за свои выступления. Вообще нужно полагать, что 1968 год был последним годом, когда в розыгрыше Кубка Дэвиса участвовали только любители; по всей вероятности, к соревнованиям 1970 года уже будут допускаться и профессионалы.

Вряд ли молодой американец Дуайт Дэвис, сын богатых родителей, учреждая в 1900 году серебряный кубок, как переходящий приз для ежегодных соревнований теннисистов, предвидел, какую роль сыграет его начинание в

Победители: несокрушимый Артур Аш (1), мастера парной игры Стэн Смит и Боб Латц (2), темпераментный Кларк Гребнер (3). Обладатели Кубка (4) в гостях у Президента Никсона в Белом Доме (слева направо) — Аш, Гребнер, тренер Деннис Ролстон, Президент Никсон, капитан команды Доналд Делл, Латц и Смит.

развитии тенниса. В то время Дуайту Дэвису шел двадцать второй год, он учился в Гарвардском колледже и был национальным чемпионом в парном разряде. Позже он стал военным министром в кабинете Президента Кулиджа, а затем генерал-губернатором Филиппин. Серебряный кубок Дэвис приобрел у бостонского ювелира за 700 долларов и после этого официально вызвал на состязание англичан. Вызов был принят. Первая встреча была проведена в Бостоне в августе 1900 года; она состояла из четырех одиночных игр и одной парной (такой регламент существует и поныне). Победили американцы, и с тех пор розыгрыш прочно утвердился.

Спустя три года серебряный трофей увезли к себе на родину англичане и продержали его там четыре года, после чего Кубок перешел к австралийцам, которые владели им вплоть до Первой мировой войны, прервавшей состязания.

После войны Кубок опять перекочевал в США; завоевал его «Большой» Билл Тилден, считающийся, по мнению многих, величайшим теннисистом всех времен. Семь раз подряд отстаивали американцы заветный приз, но в 1927 году вынуждены были уступить его «четырем мушкетерам» из Франции — Рене Ла Косту, Анри Ко-

ше, Жану Боротра и Жаку Брюньону. В 1933 году Фред Перри увез Кубок в Англию, а спустя четыре года рыжеволосый Дон Бадж, славившийся своим неотразимым ударом слева, вернул серебряный трофей в Соединенные Штаты. В 1939 году Кубок Дэвиса вновь завоевали австралийцы, которые во главе со своим «малышом», капитаном Гарри Хопманом, блистали не только хорошей игрой, но и проявили немало упорства: проигрывая в начале турнира со счетом 0:2, они все же добились победы.

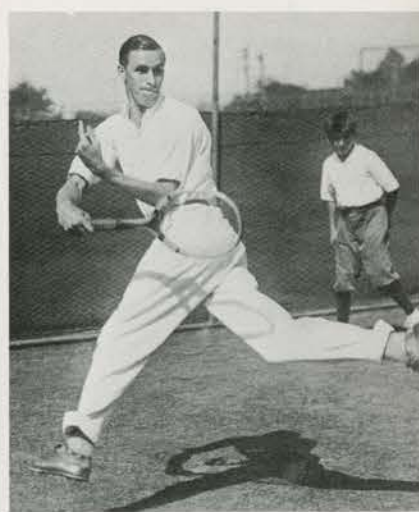
Вторая мировая война прервала розыгрыш до самого 1946 года, когда американцы вновь завладели Кубком Дэвиса — команду привел к победе Джек Крамер. Четыре года трофей оставался в США.

Но вот в 1950 году капитаном австралийцев вновь стал Хопман, прозванный за свои тактические приемы «лисой». Он включил в команду футболиста Кена Макгрегора, чем привел в полное замешательство своего американского оппонента Теда Шредера, и австралийцы победили со счетом 4:1. С тех пор в теннисе наступила австралийская гегемония, которая продолжалась 17 лет. За эти 17 лет Австралия расставалась с Кубком всего четыре раза: в 1954 году, когда американцев привел к победе Тони

Траберт; в 1958 году, когда Кубок чуть ли не единолично выиграл Алекс Альмедо, уроженец Перу, получивший образование в Соединенных Штатах; в 1963 году, когда усилиями Денниса Ролстона и Чака Маккинли Кубок вновь удалось вернуть в США, правда, на весьма короткое время; и, наконец, в 1968 году, когда Артуру Ашу и Кларку Гребнеру опять удалось вывести американскую команду из зоны поражений.

Большой ущерб Австралии нанес профессионализм. В профессионалы перешли многие. Из лучших ракеток среди любителей в команде остались сухопарый, слегка рассеянный Билл Баури, левша Рэй Раффелс, за которым не числится больших спортивных заслуг, и семнадцатилетний Джон Александер, самый молодой игрок за всю историю розыгрыша Кубка.

Все складывалось в пользу американцев. Но нужно сказать, что и лейтенант армии США Артур Аш, и директор бумажной фабрики в Нью-Йорке Кларк Гребнер заслуженно считаются лучшими теннисистами мира среди любителей. Впервые участвуя в знаменитом Уимблдонском турнире, где блистали такие профессионалы, как Лейвер, Розуолл, Тони Роч и Панчо Гонсалес, оба дошли до полуфинала. То же самое произошло и на

Билл Тилден, сильнейшая ракетка всех времен, привел команду Соединенных Штатов к семикратной победе (1920—1926 гг.).

открытом первенстве США: Ашу не только удалось попасть в финал, но и завоевать звание чемпиона. А пока что два студента университета Южной Калифорнии — худославый и энергичный Стэн Смит и неутомимый малыш с бакенбардами Боб Латц — выигрывали чемпионат за чемпионатом в парном разряде.

Все они — Аш, Гребнер, Смит и Латц — вошли в команду США и начали подготовку к розыгрышу 1968 года. Работой руководил капитан команды бывший теннисист тридцатилетний Доналд Делл, юрист, принимавший деятельное участие в кампании за выдвижение кандидатуры Роберта Кеннеди в Президенты. Для завоевания Кубка Делл не жалел ни времени, ни сил.

Всего год тому назад Аш грозился покинуть команду. «Артур боялся, — говорит Делл, — что мир белых не примет его на тех условиях, которые он как негр им предложит».

В теннис Аш научился играть в Вирджинии, на публичных кортах Ричмонда, где его отец служил полисменом. Выступая в клубах, все члены которых были белые, Артур, по его словам, привык мыслить категориями сегрегированной среды. Но, тем не менее, он не принимал активного участия в протестах спортсменов своей расы. Когда его за это критикуют, он отвечает: «Да, я вынужден признать, что поздно опомнился, и потому чувствую себя в долгу перед моим народом».

«В конце концов я понял, — говорит Аш, — что мои сверстники переживают социальную революцию. Тогда я перестал искать место в обществе белых и начал утверждать в себе мое негритянское «я». Для меня черное прекрасно, но и белое тоже может быть прекрасным».

И все же в расовом вопросе Аш не ортодоксален. Он, например, считает, что Южно-Африканская Республика должна быть допущена к участию в Олимпийских играх, и надеется в один прекрасный день выиграть в Йоганнесбурге Кубок Дэвиса. «Свой протест я могу выразить внушительной победой», — говорит он.

На площадке Аш грозен, особенно силой своих подач. Кроме того, у Аша есть одна забавная привычка: во время игры он вдруг возьмет и уставится в пространство, как будто тенниса для него в данную минуту вообще не существует. Это неизменно озадачивает его противника, и тот начинает нервничать.

Заставил он понервничать однажды и друзей, но совсем по другому поводу: перед розыгрышем Кубка Дэвиса Аш больше месяца пронялся

со своим «теннисным локтем» — растяжением сухожилий — и все это время старался не утруждать правую руку. Все боялись, что от этого ослабеет его знаменитая подача.

За десять дней до турнира Делл исключил из команды Кларка Гребнера, который не сумел достичь нужной формы. Капитан поставил перед напористым, но не в меру темпераментным теннисистом вопрос ребром: возвращайся домой или докажи, что ты способен на борьбу. Гребнер выбрал последнее. Стиснув зубы, он начал прокладывать себе путь обратно в команду. За пять дней Гребнер сумел добиться шести побед над сильнейшими ракетками страны, включая самого Аша, после чего был вновь принят в команду.

В первый день турнира ему выпало играть против Баури. Это был настоящий «марафон», к тому же еще дул не по сезону свирепый ветер. После первых четырех сетов счет был 2:2. В последнем — пятом — сете Гребнер начал сдавать. Если бы теперь Баури удалось пробиться сквозь подачу Гребнера, он сломил бы сопротивление противника, выиграл бы первую встречу и тем самым оказал бы большой нажим на Аша, которому во втором матче предстояло играть против Раффелса. Однако Гребнер сумел взять себя в руки, удержать подачу и выиграть сет и встречу с общим счетом: 8:10, 6:4, 8:6, 3:6, 6:1.

«Кларк далеко не полностью продемонстрировал свои возможности, — сказал Делл. — Но зато он блестяще провел встречу. Он ни разу не вышел из себя и проявил большое упорство. Я очень горжусь им».

Победа Гребнера облегчила положение Аша, и он победил Раффелса со счетом 6:8, 7:5, 6:3, 6:3.

В парных играх Хопман рискнул и вместе с Раффелсом выставил молодого Александра — до этого оба австралийца играли вместе всего лишь восемь дней и не успели как следует сыгаться. Смит и Латц разбили их в течение часа (6:4, 6:4, 6:2).

Это окончательно решило соревнование на Кубок Дэвиса в пользу Соединенных Штатов.

Однако победа была неубедительной. После окончания матчей публика частенько позевывала. И это было в Австралии, где теннис считается самым популярным спортом в стране. Интерес к игре явно упал. Если в 1954 году, когда Кубок завоевали США, за борьбой наблюдало 26 000 зрителей, то сейчас на соревнованиях побывало меньше шести тысяч.

На матчах присутствовали представители могучей теннисной четверки: Англии, Франции, США и Австралии

(Кубок Дэвиса побывал только в этих четырех странах). Они с тревогой взирали на полупустые трибуны и после матчей, уединившись, устраивали совещания. Всех тревожил один вопрос: как спасти розыгрыш?

«Соревнования на Кубок Дэвиса необходимо как можно быстрее сделать открытым турниром», — предостерегал представитель Франции Филипп Шатрие, один из новых и молодых сторонников прогрессивных реформ в теннисе.

К такому же выводу пришли и остальные: розыгрыш Кубка нужно сделать открытым, с денежными призами и для любителей, и для профессионалов, причем как можно скорее, по всей вероятности уже в 1970 году.

Это решение поколебало теннисистов-любителей. Некоторые из них призадумались: стоит ли переходить в профессионалы, когда деньги можно зарабатывать в открытом турнире, не подписывая долгосрочных контрактов? Другие же пришли к выводу, что это даст им возможность заключать контракты на более выгодных условиях, нужно только немного подождать.

«Конечно, — говорит Аш, — теперь мне придется пересмотреть свои планы. Не думаю, что при новых условиях розыгрыша кто-нибудь станет подписывать контракт». Тем временем организаторы профессиональных турниров предлагали теннисистам вдвое больше. И это понятно: ведь в недалеком будущем придется конкурировать с открытыми чемпионатами, и тут уж они сделают все возможное, чтобы заполучить Аша, чье имя всегда обеспечивает хорошие сборы. Но переход Аша и Гребнера в профессионалы может привести к полнейшему упадку любительского тенниса в США.

А пока серебряный Кубок, вмещающий 37 бутылок шампанского, отправили самолетом в Соединенные Штаты. Сейчас он стал на 20 сантиметров выше благодаря новой подставке, на которой предусмотрено разместить имена последующих победителей вплоть до 2000 года, так как на самом Кубке уже не осталось места — он весь исписан.

Какими же именами пополнится этот заветный приз? Будут ли среди них Род Лейвер, Панчо Гонсалес, Джон Ньюком, Тони Роч, Артур Аш, профессионалы нынешние и будущие? На этот вопрос ответить трудно. Теннис сейчас находится в стадии перемен, и события развиваются быстро. Впрочем, все это не имеет значения: ведь Дуайт Дэвис хотел на Кубке увековечить имена сильнейших, имена гигантов тенниса, будь то любители или профессионалы. ■

Наблюдатель:

Как вновь стать курильщиком

РАССЕЛЛ БЭКЕР

С разрешения газеты «Нью-Йорк таймс»

В наше время, когда герои почти перевелись, приятно познакомиться с Гарри Дюпре-Смитом — автором будущего бестселлера «Как я начал курить».

Как большинство закоренелых курильщиков, не раз бросавших курить, Дюпре-Смит решил избавиться от этой вредной привычки два года тому назад. После трех дней полного воздержания, он почувствовал непреодолимое желание затянуться сигаретой — подобно огромному большинству закоренелых курильщиков, которые бросали курить.

«В этот момент, — пишет он, — я понял, что мое опрометчивое решение поставило меня перед действительно неразрешимой проблемой — как вновь стать курильщиком. Мне казалось, что единственным достойным выходом из положения было вернуться к старой привычке хладнокровно и решительно».

И тогда Дюпре-Смит, который с многочисленными сослуживцами работает в большом помещении, закричал во весь голос посыльному: «Купите мне две пачки сигарет!»

Страдания Дюпре-Смита начались еще до возвращения посыльного.

— Что я слышу? — воскликнул сидящий за соседним столом Меркинс. — Вы ведь объявили всенародно, что окончательно бросили курить!

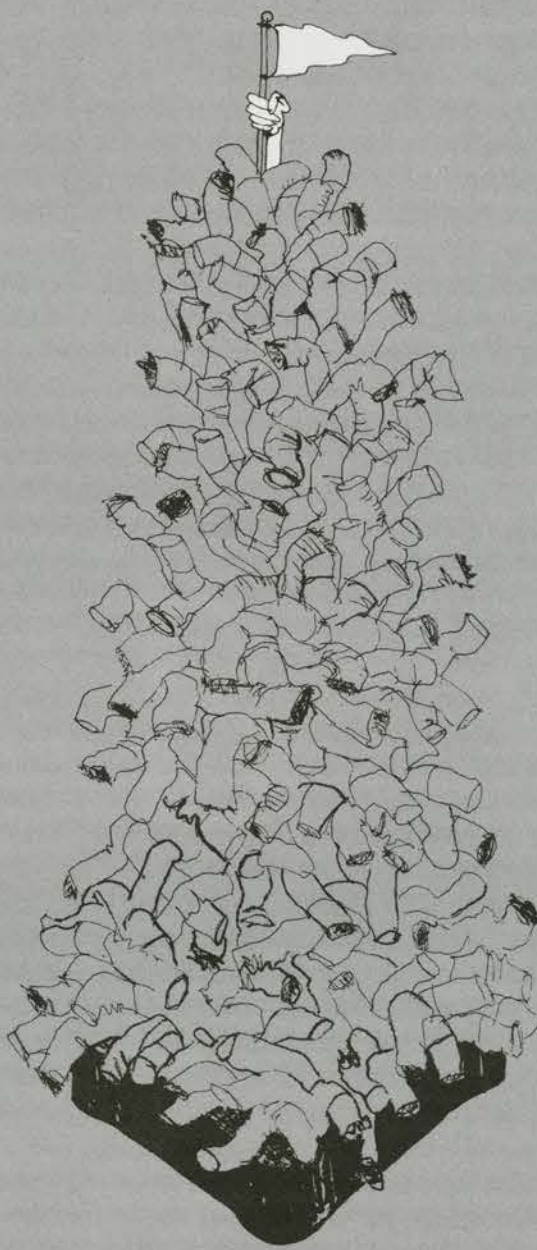
— Совершенно верно, но с тех пор прошло три дня, — спокойно ответил Дюпре-Смит. — Я передумал.

Меркинс был взбешен.

— Вы не имеете права курить здесь, на виду у всех! — выпалил он.

— Почему же нет? — спросил Дюпре-Смит.

Собственно говоря, Дюпре-Смиту незачем было дожидаться ответа на свой вопрос. Он прекрасно помнил, как вместе с сослуживцами всячески изводил бедного Меркинса, когда тот снова начал курить. Ему даже поручили следовать за Меркинсом в уборную и неожиданно появляться перед ним в тот момент, когда он незаконно затягивался сигаретой, псевдодружески хихикать, а потом во всеуслышание докладывать об этом остальным. После этого все служащие отдела до конца рабочего дня с удовольствием напоминали Меркинсу, что у него нет силы воли.

«Бросить курить легче всего; я знаю это по собственному опыту, так как проделывал это тысячу раз».

Марк Твен

Меркинс, радостно предвкушавший, как он будет долго и последовательно издеваться над Дюпре-Смитом, обращая внимание сотрудников на предательски пожелтевшие пальцы неисправимого курильщика, пришел в ярость от хладнокровия, с которым тот закурил на виду у всех. Он обратился за поддержкой к Аде Клонингер, которая, побаловавшись курением в ранней молодости, с тех пор не прикасалась к сигаретам.

— Есть ли у вас вообще сила воли? — спросила она.

— Нет, говоря о сигаретах, — сказал Дюпре-Смит, прикуривая от окурка.

До Дюпре-Смита в их отделе никто никогда не осмеливался сделать подобного

признания, и оно произвело такой эффект, что до конца дня никто не промолвил ни слова, а Дюпре-Смит спокойно выкурил у всех на виду 17 сигарет.

Но это было только началом его мучений. На его столе начали появляться вырезки и перепечатки из газет и докладов о вреде табака и о связи курения с раком легких. Отношения с женой резко обострились сразу же после того, как он первый раз демонстративно закурил в гостиной.

Когда муж бросил курить, миссис Дюпре-Смит не сомневалась, что будет находить окурки в ящиках столика, а в кладовой запахнет дымом. Она уже испытывала тайное удовлетворение и предвкушала удовольствие, с каким будет упрекать мужа в слабости характера и отсутствии силы воли.

А когда муж объявил в первый же день, что он «слишком слабохарактерен, чтобы побороть привычку», и что он «немедленно возвращается к двум пачкам в день», миссис Дюпре-Смит реагировала на это по-своему: стала подавать на ужин лишь печенку и полуфабрикаты.

Во время отвратительной сцены на службе даже Сагамор, старый приятель Дюпре-Смита, оказался в лагере его противников.

— Когда я бросил курить, — сказал он, — я не был таким эгоистом, я покуривал тайно, и каждый мог надо мной издеваться. Но все были довольны. Всем было приятно, что есть еще один такой же слабохарактерный человек.

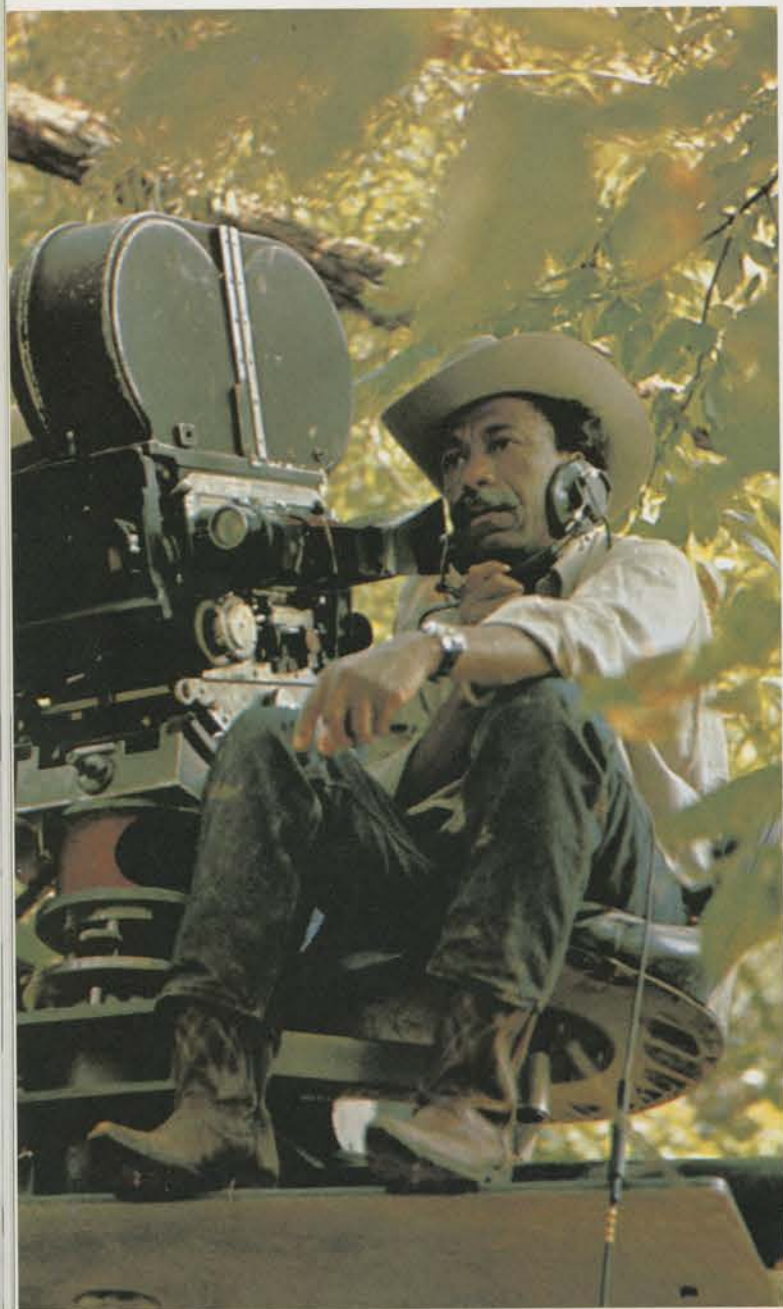
— Что касается сигарет, — сказал Дюпре-Смит, — я самый слабохарактерный человек в городе. Чего тебе еще надо?

— Это все не то, — возражал Сагамор. — Когда человек снова начинает курить, он должен за это поплатиться. Он должен страдать не только физически, но и морально.

В действительности же Дюпре-Смит страдался достаточно. «Я не выношу печенки и полуфабрикатов, — пишет он в своей книге. — Я дорожу мнением сослуживцев, но пошел на большие жертвы для того, чтобы сохранить собственное достоинство. Потому я открыто признался в своем безволии».

Все научные труды о том, как бросать курить, по мнению Дюпре-Смита, «упускают самую важную сторону проблемы, а именно: как вновь стать курильщиком?»

ГОРДОН ПАРКС

СНИМАЕТ ФИЛЬМ О СЕБЕ

С высоты режиссерского места Гордон Паркс наблюдает за съемкой. Перед ним оживают картины его детства: затерянный в прериях Канзаса городок Форт-Скотт; двадцатые годы — годы бедности и насилия, способные сломить человека послабее чем он. Но Гордон Паркс наделен сильной волей и незаурядными способностями. Когда сорок лет тому назад он покидал Форт-Скотт, мать на прощание сказала ему, что ненависть губит тех, кто живет ненавистью. «Люди бывают хорошие и плохие, как плоды на дереве, — сказала она. — Не забывай этого. Всегда помни мои слова, и пусть они будут твоим древом познания». Паркс не забыл ее слов; они помогли ему стать полноценным человеком, фотографом с мировым именем, композитором симфонии и нескольких концертов и автором нашумевших книг — романа, автобиографии и сборника стихов. Его роман «Древо познания» вышел в 1962 году; он посвящен сильной и мужественной женщине — его матери. Сейчас Паркс снимает фильм по своему роману. Действие происходит в Канзасе времен его юности. В сцене справа

внизу над прериями бушует ветер приближающегося торнадо. Невзирая на опасность, Большая Мэйбл, мать Гордона Паркса, спешит к сыну, беспомощно лежащему с поврежденной ногой. Вверху (слева направо): Гордон (16-летний Кайл Джонсон) с ухваткой заправского боксера в любительском матче разбивает Маркуса — забияку и грозу городка; первая любовь и первое свидание — Гордон со школьной подругой Арселлой; очная ставка в суде — Гордон опознает настоящего убийцу и тем спасает жизнь белого.

Паркс обладает поразительной зрительной памятью. В сцене, где шериф Кирки (Дана Элкар) на сверхмощном мотоцикле мчится по пыльной проселочной дороге, режиссер не упустил ни одной детали — у шерифа темные пятна пота на рубашке цвета хаки, краги, два револьвера на поясе. Когда во время съемки Элкар, поднимая облака пыли, подлетел к кинокамере, один из зевак, стоящих поблизости, к величайшему удовольствию Гордона Паркса воскликнул: «Да я прекрасно знаю этого парня — это же наш старый шериф!»

ПЛАКАТЫ

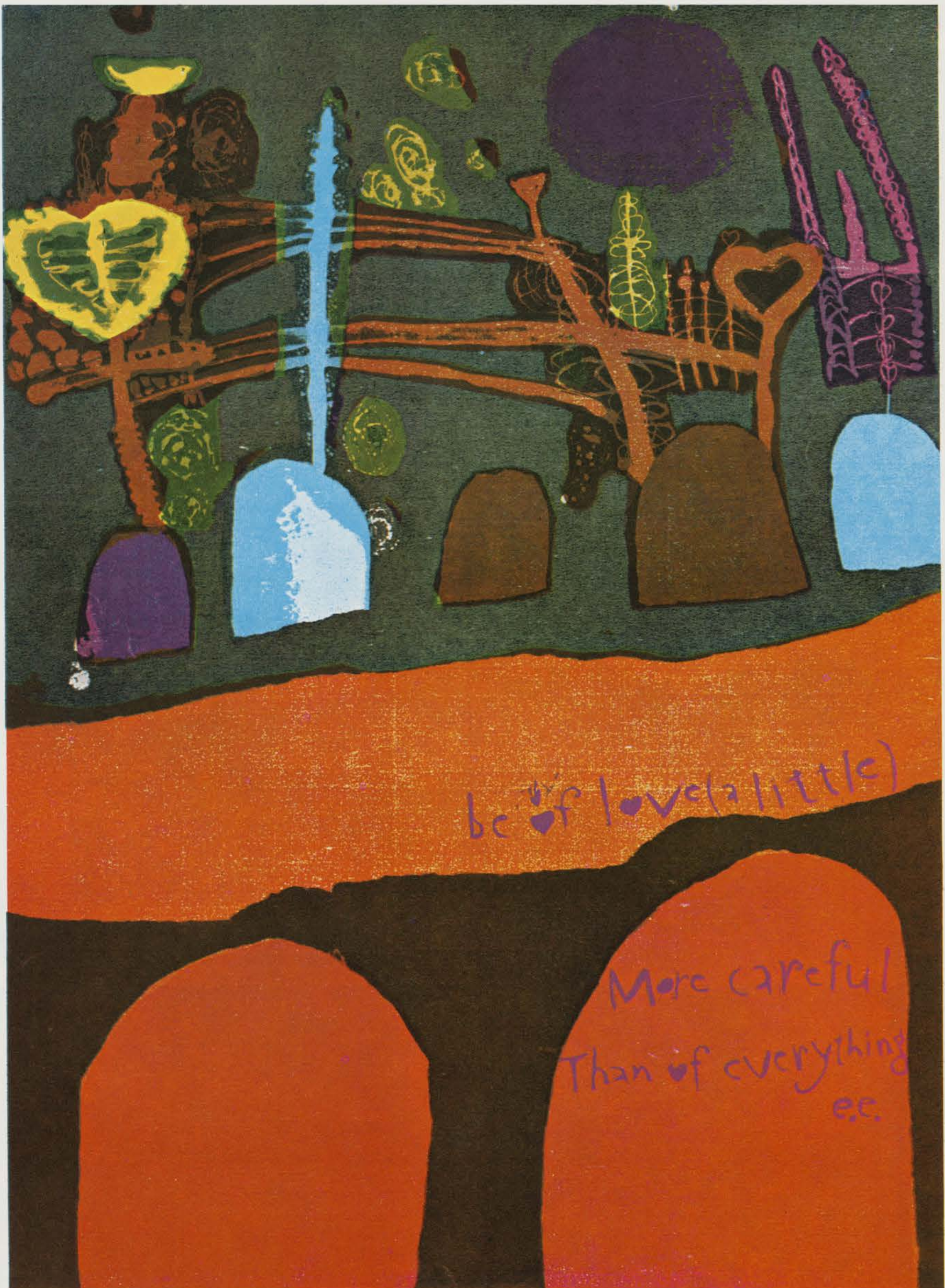
ЕВРОПЕЙСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
В
ИСКУССТВЕ
США

Новое увлечение — плакаты — захлестнуло сейчас весь художественный мир Америки. Плакаты — это мозаика слов и образов, это сочетание красоты и функциональности, это содружество живописи и рекламы. От огромных фотопортретов кинозвезд до художественных репродукций, изданных скромным тиражом, они ласкают глаз и служат важным фактором в культурной жизни страны. В Европе художественный плакат как средство творческого выражения известен уже давно, но в Соединенных Штатах широкое распространение он получил лишь в 1950-х годах и с тех пор успел приобрести характерные американские черты. В 1950-х годах

доминирующее влияние на дизайн оказывали бывшие воспитанники немецкой художественно-промышленной школы «Баухауз», особенно Йозеф Альберс из Йельского университета и Ласло Мохоли-Надь из чикагской школы «Новый Баухауз». Их теория дизайна в сочетании с приемами, разработанными в других художественных школах, легли в основу современного плаката. Впервые чисто американские плакаты начали создавать такие мастера графики, как Сол Басс, Бен Шаан и Херб Лубалин. В дальнейшем на плакатном искусстве сказалось влияние течений поп-арт и оп-арт. В начале 1960-х годов Вера Лист, известный

коллекционер произведений искусства, основала программу художественного плаката, в рамках которой ведущим художникам поручили сделать афиши для нью-йоркского Линкольновского центра исполнительских искусств. Это начинание было встречено с таким энтузиазмом, что американские музеи и культурные центры стали наперебой заказывать художественные плакаты и афиши. В свою очередь, любители искусства воспылали желанием приобретать репродукции таких плакатов и афиш. В результате эти художественные произведения — разнообразные по стилю и тематике и дешевые по цене — стали доступны каждому.

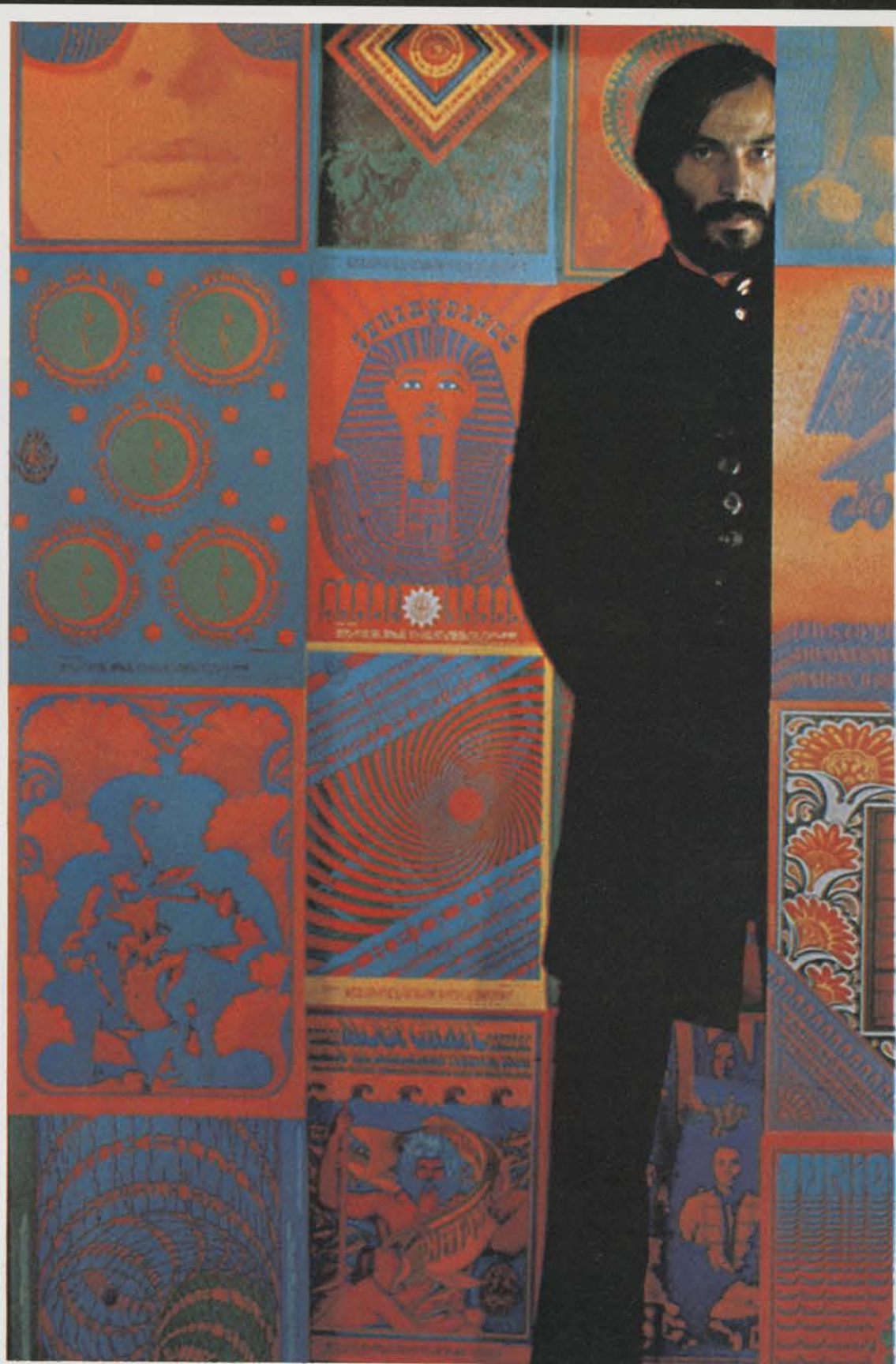
be of love (a little)

More careful
Than of everything
etc.

Весельем полны шелко-
трафаретные плакаты
бывшей монахини Кориты
Кент (внизу). Яркие краски,
спокойный стиль и
трогательный текст — все
это делает ее
произведения броскими
и искрящимися.
Хорошим примером может
служить плакат «Береги
любовь» (слева). В целом
плакаты Кориты Кент
создают вибрирующую
мозаику, радостно восхва-
ляющую Бога и зовущую
к примирению с Ним.
Работы Виктора Москосо
(справа) тоже порой
проникнуты рели-
гиозными настроениями,
но несколько
иного характера. Его
плакаты, выполненные
в психоделическом стиле,
отражают чаяния
молодежи, ее увлечение
восточной мистикой
и оккультизмом.
Более прозаические цели
преследуют афиши,
объявляющие о выступ-
лениях молодежных
ансамблей рок-н-ролла.
Справа внизу:
дизайнеры перед
плакатами, выполненными
в стиле школы «Баухауз»;
цель этих плакатов —
убедить в преимуществах
жизни в Чикаго.

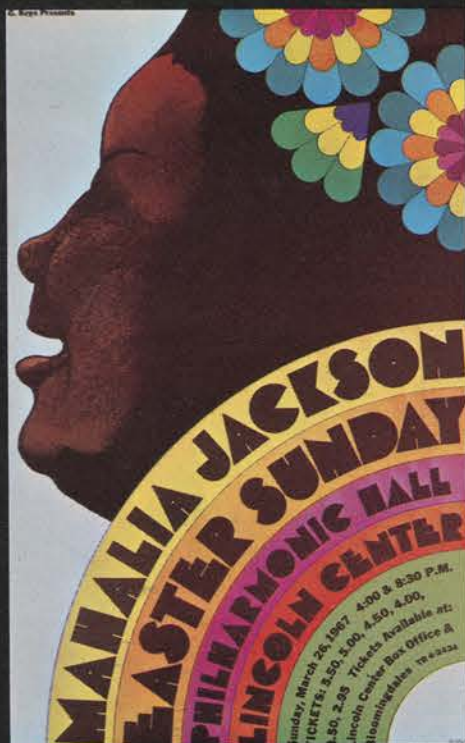
БРОСКИЕ
ИСКРЯЩИЕСЯ
ПОЛНЫЕ
ЖИЗНИ

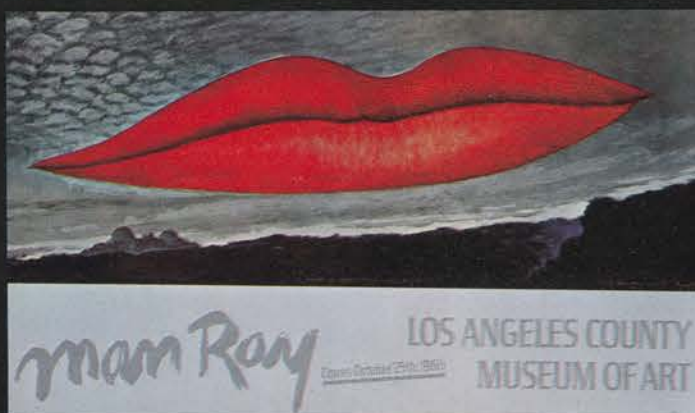

Ambler Music Festival/Institute of Temple University

1

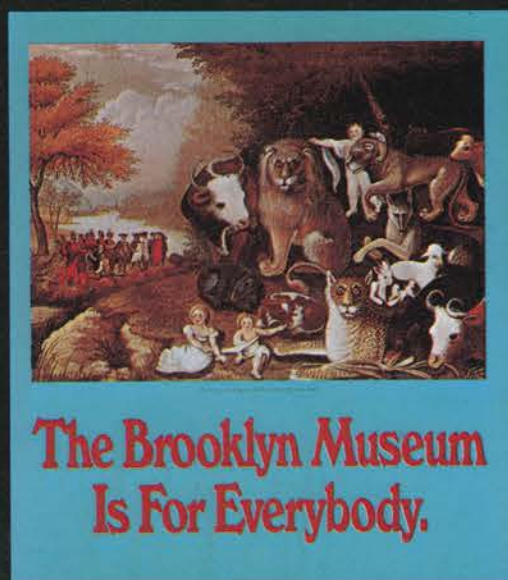

2

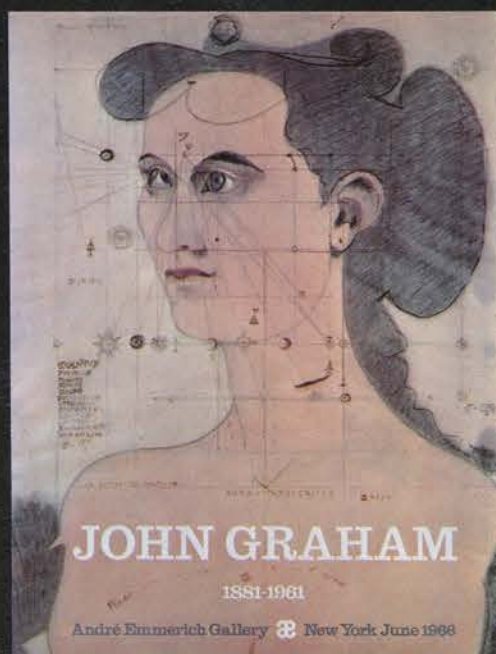

3

ПЛАКАТЫ
ПЛАКАТЫ
ПЛАКАТЫ

4

5

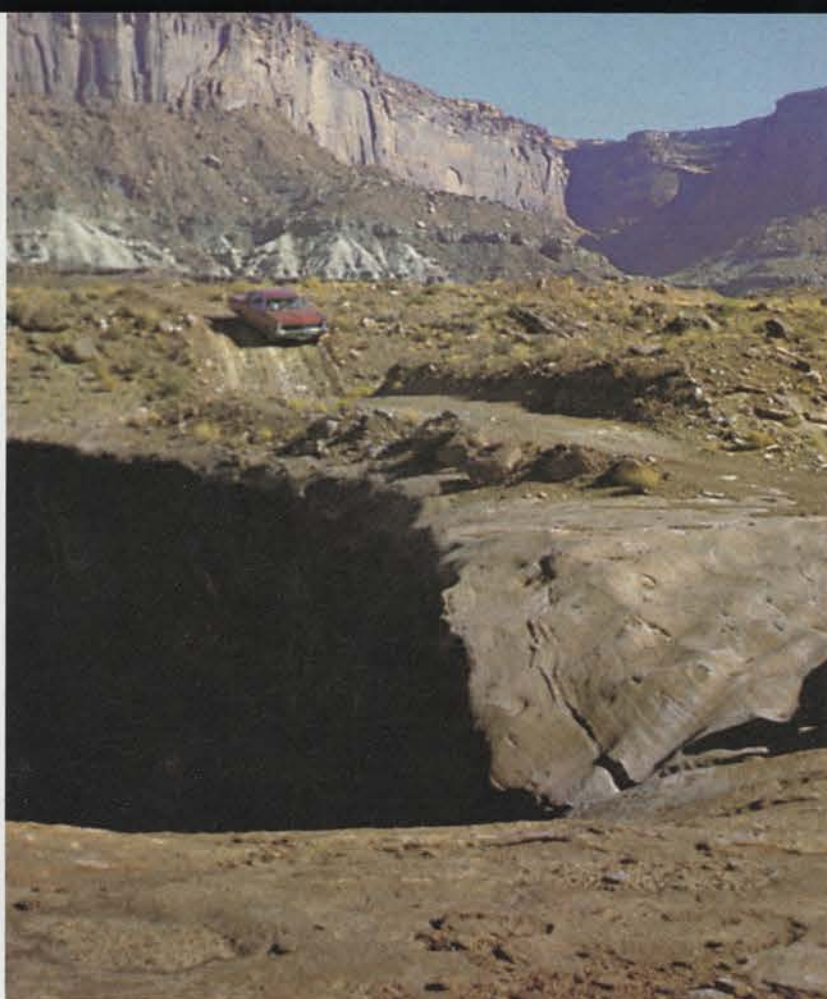

6

Хотите повесить портрет Марло Брандо на потолке? Или Мильтона Глейзера в гостиной? Без всякого труда и за очень скромную сумму вы можете сделать и то и другое. А когда вам они наскучат — замените их кем-нибудь другим. По всей стране за неделю расходуется более миллиона плакатов. Магазины, вроде «Принт минт» в Сан-Франциско (справа), продают их ежедневно штук по восемьсот. В чем же дело? Во-первых, плакаты создают в жилище «приятное окружение», которое можно легко изменить по первой прихоти его обитателя. Во-вторых, что значительно важнее, они позволяют массовому потребителю приобретать репродукции художественных произведений, хотя, конечно, далеко не все плакаты отличаются высокими эстетическими достоинствами. В фотоплакатах и плакатах психоделических важно содержание: что они хотят сказать, о ком, о каком издании или переживании. Но какими бы они ни были — художественными или безвкусными, веселыми или грустными — плакаты говорят красочным языком, понятным миллионам. Слева помещены образцы работ ведущих мастеров плакатного искусства в Соединенных Штатах: две работы Мильтона Глейзера — афиша музыкального фестиваля (1) и концерта Махалии Джексон (2); три работы Маркуса Ратлиффа — афиши выставки картин Мана Рая (3), Бруклинского музея (4) и выставки картин Джона Грэма (5); рекламный плакат фирмы «Интернационал бизнес машинс», выполненный Джоханнесом Рейном (6).

Мария Гинтер

Заблудившиеся в краю каньонов

Край каньонов в районе реки Колорадо в штате Юта, знаменитый своей небывалой красотой, таит в то же время немало опасностей для неосторожного путешественника. Путешествуя по стране на машине, Мария Гинтер и трое приехавших из Польши туристов решили осмотреть новый национальный заповедник, но сбились с дороги и, оказавшись без бензина, чуть не умерли от жары, холода и голода. Спаслись они благодаря своей находчивости, и, конечно, целому ряду счастливо сложившихся обстоятельств. Их похождения звучат так же невероятно, как приключения Робинзона Крузо.

Скалистые горы остались позади: мы въезжали в штат Юта. По обеим сторонам шоссе возвышались серо-бурые громады, похожие на чудовищные земляные валы. Голые и безжизненные, они напоминали кучи шлака около заброшенных шахт. В их прихотливых очертаниях нам чудились доисторические животные, заснувшие глубоким сном. Мы находились в самой изолированной части штата Юта, в великой пустыне между реками Колорадо и Зеленой. Вокруг, куда ни кинь глазом, расстилалась высохшая земля, как будто покрытая пеплом. Только изредка нам попадались бензополонки и рядом с ними скромные домики.

Мы остановились в Томпсоне около одной такой заправокочной станции, чтобы немного

После двух дней странствований грязные и измученные путешественники наконец добрались до Зеленой реки. Вверху слева: Влодек, Мария и Магдалена отдыхают после купанья в ледяном потоке. Вверху справа: новый «понтрак» отважных туристов на сравнительно ровном участке пути в краю каньонов. Внизу слева: Мария Гинтер со страхом смотрит на скалу, по которой путники спустились на дно каньона. Внизу справа: на помощь путешественникам прибыли работники заповедника, которые привезли с собой продовольствие и бензин.

размять ноги и отдохнуть. По привычке направились к стенду сувениров, хотя и не ожидали найти что-нибудь стоящее. К нашему удивлению, мы увидели множество открыток с потрясающими видами. Природа вырезала из красного камня невероятные арки, мосты, балки, башни и разрушенные замки. Даже названия мест были необычные: «Чертовы сады», «Пик мертвой лошади», «Край каньонов», — и все это недалеко от городка Моаба. Тут мы пришли к единодушному решению — пожертвовать несколькими часами, чтобы полюбоваться чудесами природы, так сильно отличающимися от общего унылого ландшафта.

За десять километров до Моаба от шоссе вправо отходила дорога. Там стоял большой плакат: «Край каньонов — 34 км. Пик мертвой лошади. Бензина, пищи и места для ночлега нет». У нас еще было полбака бензина, и мы храбро повернули вправо.

Через минуту мы оказались в сказочном, нереальном царстве. Нас окружала огромная, метров двести пятьдесят высотой, стена. Она была красного цвета с изумрудными и сапфировыми прожилками. Впадины, углубления, выступающие скалы — все это придавало гигантской, поражающей воображение стене вид чего-то оживленного.

Мы ехали в полном молчании, замороженные необыкновенной красотой, пугающей тишиной и всей призрачной атмосферой. Через полчаса мы добрались до верхнего плато, расположенного на высоте 1860 метров.

Перед нами открывалась захватывающая дух панорама: насколько хватал глаз — всюду простирался величественный лес каменных пиков. Их острые вершины, терпеливо отточенные временем и эрозией, упирались прямо в небо. Местами этот причудливый лес рассекали вертикальные стены каньонов. Сплошной калей-

доскоп красок и очертаний! Каменные колонны и отшлифованные иглы, казалось, вот-вот рухнут на нас.

По дну каньона тоненькой тесемкой вилась дорога, то исчезая, то вновь появляясь у подножия вертикальной стены. Затем она забиралась на самую вершину. Внизу мы увидели машину, медленно ползущую вверх. С высоты она казалась меньше игрушечной. Нам тоже не терпелось спуститься на дно, хотя знак предупреждал: «Только джипы». Мы решили подождать едущих нам навстречу и попросить у них литров пять бензина.

Встречные предупредили нас, что дорога трудная и рискованная — они потеряли глушитель, сломали амортизатор и еле пробрались по каменной дороге. Они с готовностью поделились с нами горючим и сказали, что до Моаба километров пятьдесят, как бы туда ни добираться — по верхней дороге, по которой мы ехали, или по нижней, идущей по каньону. Дав нам небольшую карту, они распрощались с нами. А мы решили рискнуть.

Узкая дорога, врезающаяся в скалу, была очень опасной: вертикальная каменная стена с одной стороны и пропасть глубиной метров в триста — с другой. Мы облегченно вздохнули, добравшись до дна каньона. Мы поехали дальше и через несколько километров увидели дорожный знак: «Калийный рудник — 19 км, Моаб — 48 км». Проверив наше местоположение по карте, мы убедились, что находимся на правильном пути.

Ландшафт становился все красивее. Мы думали, что уже достигли дна каньона, но оказалось, что ехали по среднему выступу, на высоте 1500 метров. Нас окружали вертикальные скалы высотой в 400 метров, а внизу, метрах в трехстах, извивалась река Колорадо. Голубовато-серая лента реки с зеленой каемкой берегов живо контрастировала с желто-бурыми скалами, возвышающимися повсюду.

Мы все еще восхищались красотой, хотя нам становилось как-то не по себе. Мы уже проехали 30 километров, но не видели калийного рудника. Выбора у нас не было, и мы продолжали путь. Внезапно, мы оказались на разветвлении дорог. Посмотрев на карту, решили свернуть налево, однако вскоре дорога привела нас в тупик. Голые скалы — и больше ничего. Экономя бензин, мы пешком отправились на разведку и так добрались до утеса над пропастью. Пришлось повернуть назад и попробовать правую дорогу. На ней виднелись следы шин, но ехать, тем не менее, становилось все труднее. Снова дорожный знак: «Опасно! Только джипы с четырьмя ведущими колесами!» Мы заколебались. Было трудно принять какое-либо решение. У нас не хватило бы бензина, решили мы, повернуть обратно и вновь проделать путь, по которому приехали. С другой стороны, ехать по незнакомой дороге в темноте — тоже весьма рискованно. Но проехала же здесь та другая машина! Ее пассажиры, наша карта и дорожные знаки говорили, что до Моаба 50 километров. Значит, мы вот-вот должны его увидеть. Итак, мы двинулись вперед.

Еще один дорожный знак: «Национальный заповедник. Кемпинг и охота запрещены!» Это мало чем помогло. Солнце скрывалось за краем каньона. С каждой минутой становилось темнее. Мы с трудом различали узкую дорогу, пробирающуюся среди лабиринта каменных глыб. За каждым поворотом, за каждой скалой мы надеялись увидеть огни Моаба. С тревогой следили мы за указательными приборами в машине. Стрелка, показывающая запас бензина, беспощадно клонилась влево, а число оставленных позади километров все росло — 50, 55, 65!

Наступила ночь. Почти каждую минуту мы останавливались и с фонарем проверяли дорогу, ища следов других машин. Влодек показывал чудеса водительской техники, преодолевая крутые подъемы и не зная при этом, в какую сторону дорога повернет на вершине и вообще будет ли там проезд. Потом опять вниз, над утесами и обрывами, над впадинами, размытыми весенними водами. Даже днем, на машине с приводом на четыре колеса, тут было трудно проехать. С нашим же низко сидящим «понтаком», к тому же в полной темноте, это была акробатика высшего класса.

Вскоре мы оказались на маленьком каменистом пятке. Нигде ни зги не видно. Только звездное небо над головой, да черная пропасть вокруг. Ехать дальше было невозможно. Дорога ныряла куда-то в неизвестность. Может быть, метров на триста вниз.

Мы решили устраиваться на ночлег. Хорошо бы разжечь костер — вдруг его кто-нибудь увидит и придет нам на помощь? Но кругом ни веточки, ни хворостинки. Забравшись в машину, мы быстро уснули: уставшие, голодные, страдающие от жажды. С утра мы ничего не ели. Спали беспокойно — ежились от холода, видели кошмарные сны.

Холодный рассвет быстро разбудил нас. Мы выскочили из машины и с ужасом увидели совершенно пустынный ландшафт. Только теперь мы осознали невероятные размеры окружающей нас пустыни. На горизонте виднелись снежные вершины Скалистых гор. От нашего восхищения красотой не осталось и следа.

Положение начинало казаться безвыходным. Не было никакой надежды повернуть назад: вчера большую часть дня мы ехали на резервном бензине, и стрелка указателя уровня горючего давно стояла на нуле. Мы внимательно изучали карту и пытались рассуждать логически. Несмотря на бесконечные блуждания в темноте, мы продвинулись на 50 километров к югу. Но за несколько километров от места, где мы сейчас находились, дорога повернула к северу. Это означало, что мы были на дороге, идущей вдоль долины Зеленой реки, на пути к западным воротам заповедника. До них было ближе, чем до восточных.

Мы решили продолжать путь. Влодеку удалось скатить машину вниз, и опять начался «бег с препятствиями». Мы сэкономили бензин — на каждом даже незначительном спуске выключали двигатель. Примерно через час мо-

тор закашлял и заглох. Никто из нас не удивился. Мы давно это ожидали. После короткого военного совета было принято решение. Мы оставили записку на ветровом стекле машины: «У нас кончился бензин. Идем, придерживаясь дороги. Пожалуйста, помогите!» Затем внизу добавили: «9 октября 1967 г. 8.30 утра».

Заперев вещи в багажнике, мы отправились в путь налегке. Здислав взял фотоаппарат, а я сумку с нашими дорожными фондами. Нашей первой целью было добраться до реки и воды. Мы брели по песку, карабкаясь по скалам, пересекая давно высохшие каньоны, старались держаться еле различимой тропы. Солнце поднималось выше, и мы двигались медленнее. Жара становилась невыносимой. Ноги распухли, в горле пересохло. Мы больше не разговаривали. Мы мечтали только о глотке воды и тени. Но ни того, ни другого здесь не было. Зеленая река все еще сверкала далеко внизу, как мираж.

Через час мы добрались до вершины холма и с трудом могли поверить своим глазам: склон постепенно спускался к реке. От волнения мы забыли об усталости и жаре. Рядом была вода — все остальное неважно! Прошел еще час. Каждый пытался из последних сил поскорее добрести до воды.

Зеленая река, казавшаяся с высоты тоненькой ленточкой, оказалась довольно широкой и мощной. Вода была вкусная и очень холодная — лучше всякого нектара, хотя и мутная от ила. Погрузившись по горло в воду, мы никак не могли напиться.

Набравшись сил, мы осмотрелись по сторонам. Сгнившая деревянная ограда, заржавленный, пробитый пулями старый «форд», маленькая лодка без весел. Около ограды валялся мешок, набитый пустыми банками и бутылками. Здесь, вероятно, была переправа — через реку был протянут металлический трос.

Мы были в восторге. У нас была вода, тень и дрова. Каким-то чудом (никто из нас не курил) у Влодека оказалась зажигалка. Тем временем Здислав исследовал содержимое найденного мешка и обнаружил там шесть неоткупоренных консервных банок. Мы открыли их гвоздем — теплый, сладковатый лимонад обеспечил нас несколькими калориями.

После пиршества и отдыха мы приступили к обсуждению плана действий. Идти ли на поиски выезда из парка? Или зажечь костер и ждать помощи? А, может быть, спуститься в лодке вниз по течению реки? Больше всего нас прельщала последняя возможность, но карта нас предупреждала, что на реке коварные пороги и плыть в лодке по ней нельзя.

Взвесив все, мы решили разбиться на две группы. Влодек и Здислав отправятся вперед, чтобы найти выход из парка и получить помощь. Мы с Магдаленой останемся здесь — будем жечь костер и ждать. Ребята взяли карту, две банки лимонада и отправились в путь.

Мы остались одни. Все еще полные энергии и в хорошем настроении начали налаживать лагерную жизнь. На закате разожгли костер. Постарались заснуть в старом «форде», но холод выгнал нас оттуда к огню. Мы беспокои-

лись о ребятах. Как они переживут такую ночь без огня и без свитеров? Мы поворачивались с боку на бок, подставляя огню то одну, то другую сторону. Иногда слышали шум пролетающего самолета. Виден ли там наш костер? Может быть, пассажиры завидуют нам, счастливым путешественникам?

Звезды начали тускнеть: приближался рассвет. Это придало нам сил. Небо стало бледно-серым, а затем голубым. Звезды исчезли, кроме одной, упорно не желавшей погаснуть. Может быть, это искусственный спутник?

Завернувшись в мешки, дрожа от холода, мы с надеждой смотрели на небо. Внезапно самый высокий пик на западной стороне загорелся красным пламенем. Впечатление было потрясающее. Вокруг нас серый мир да несколько тлеющих угольков... И вдруг этот горящий утес!

День мы начали как заправские туристы на кемпинге: стирали одежду, загорали на солнце. Нам было тепло, приятно и хорошо. Голода мы не чувствовали. Внезапно меня пронзила мысль — а что, если через месяц кто-нибудь здесь найдет наши скелеты? Жаль, что у нас не было бумаги, чтобы хотя бы вести дневник.

Весь день мы опять ничего не ели, только заварили чай на горьких кореньях. Завернувшись вечером в мешки, стуча от холода зубами, мы снова ждали рассвета. Когда по-светлело, в глаза бросился странный цвет нашей кожи. После неоднократного пребывания в грязной воде, наши волосы и тело приобрели зеленовато-серый оттенок, а ночью, проведенной у костра, мы перепачкались в саже. Вид у нас был просто жуткий.

Первые лучи были целительным бальзамом. Но нам было не по себе. По нашим расчетам, ребята уже должны были добраться до какого-нибудь жилья. К нам должны прийти на помощь. А если нет? Дрова почти кончились. Что дальше? Как долго человек может жить только водой?

Около полудня обжигающие камни загнали нас опять в воду. Потом мы попытались уснуть, но мухи кусали беспощадно. Чтобы избавиться от жары и мух, решили найти убежище в старой машине. Магдалена забралась на заднее сиденье, я — на переднее. Затем мне показалось, что я вижу сон: две высокие фигуры медленно брели по склону. Помощь?! Едва ли, люди еле держались на ногах.

«Ребята!» — закричала я. Магдалена выскочила из старой развалины, как испуганная кошка. Радостные приветствия и объятия. Мы осмотрели друг друга с ног до головы. Ну и вид! Осунувшиеся, небритые, обгоревшие на солнце, покрытые пылью, в лохмотьях, истощенные и бесконечно усталые.

«Выхода нет», — были первые слова Влодека. Перебивая друг друга, они поведали нам о том, что произошло за двое суток. Они прошли больше 150 километров, в поисках выхода они побывали во всех боковых ущельях. Они добрались до западных ворот заповедника, где последняя запись в книге туристов значилась числом шестимесячной давности. Они мерзли ночью в расщелинах скал, бегая или прижимаясь друг к другу, чтобы хоть немного согреться, взбирались на скалы, стараясь добраться до вершины, но повсюду проходы были засыпаны камнями или размыты дождем. Так

они блуждали, почти теряя рассудок, в безнадежных попытках найти выход. Обессиленные в борьбе с природой и абсолютно измученные, они решили вернуться к нам.

Ребятам нужно было отдохнуть и выспаться. У Влодека начались сильные боли в животе, он с трудом мог ходить. Мы дали ему наш чай из кореньев, и впервые за четыре дня он наслаждался горячим напитком. Мы устроили их в разбитой машине.

На следующий день проснулись, дрожа от холода, но все-таки немного отдохнувшие. Магдалена и Здислав выстирали носки и рубашки, а Влодек организовал переправу через реку. На другой стороне виднелась зеленая полоска, и нам очень захотелось исследовать ее — не только из любопытства, но и в надежде найти прохладное местечко. Переправа была опасным делом. И все-таки мы решили попробовать. Влодек изобрел довольно оригинальный способ: он привязал ремень к тросу, переброшенному через реку, а затем, перебирая по тросу руками, стал подталкивать лодку вперед. Здислав сидел на руле. Переправа заняла много времени, но, наконец, целые и невредимые, мы добрались до другого берега.

Мы оказались в экзотическом лесу с неизвестными деревьями, покрытыми голубоватой пушистой листвой. Тропинка, идущая от места переправы, вела нас по густому лесу. Примерно через час мы вышли на большую поляну, на краю которой заметили старый амбар и автомобиль. Мы попали на заброшенную ферму! Все, что мы видели, вызывало удивление. В скале была высечена большая комната с окнами и дверями. Внутри — кровати, матрацы, одеяла и мешки с динамитом. Рядом, в пристройке, — еще кровать, подушки и простыни, в шкафу — одежда, кухонная утварь, швейные принадлежности, домашняя аптечка, холодильник, набитый консервами, плита, умывальник.

Что за чудак мог жить на этом пустынном островке среди глухой чаши? Все приводило нас в восторг. Как чудно устроился тут неизвестный Робинзон Крузо! Ключевая вода была проведена по трубам к душе, на кухню и для полива небольшого садика. Маленький генератор давал электроэнергию. В доме была проводка, лампы и даже стиральная машина.

Мы делали одно открытие за другим. В пристройке мы обнаружили рыболовные принадлежности. Нашлось мыло — и мы по очереди вымылись под душем. Нашлись безопасные бритвы — ребята наконец-то побрились. Нашлась одежда — мы надели чистые рубашки. Нашей радости не было пределов: теперь мы обеспечены на несколько недель!

На закате ребята отправились удить рыбу, а Магдалена и я принялись готовить обед. Нарубили хворосту, развели огонь в печке, напекли оладий. Вечером, ребята вернулись с окуном, попавшим на крючок Здислава. В саду мы накрыли стол и сидели, наслаждаясь выпавшим на нашу долю счастьем. Ребята принесли из комнаты в скале матрацы, и мы устроились на ночь. В первый раз спали в тепле и удобстве. Наше трагическое положение внезапно обернулось чудесным приключением.

На рассвете нас разбудили странные звуки. Словно мычание. Корова? Нет, кто-то звал нас!

Мы вскочили с матрасов и бросились наружу. На другой стороне реки, на краю каньона,

мы увидели две маленькие человеческие фигурки в огромных ковбойских шляпах. От волнения мы не могли сообразить, что случилось. Может быть, они нашли нашу записку в машине? Ну, ничего, скоро узнаем. Переправа через реку опять заняла много времени.

На берегу нас ждали четыре человека в серых формах. Только мы добрались до берега, как услышали их первый вопрос: «Кто вел машину?» Узнав, что у руля сидел Влодек, они поздравили его. Потом Магдалена спросила: «Как вы нас нашли?»

Оказалось, какой-то сумасшедший турист, как они его называли, проехал по каньону так же далеко, как и мы. Когда он увидел оставленный нами автомобиль и прочел записку, он повернул назад и предупредил работников заповедника. Была организована спасательная партия, хотя никто особенно не верил в заявление туриста. Обыкновенный «пантиак»? В местах, где даже джипы едва могут пробраться? «Мы подумали, что ему все приснилось», — сказал руководитель группы. Но их обязанность была проверить, что они и сделали.

«Вы, должно быть, бойскауты?» — спросили они с уважением.

«Мы поляки», — со скромной гордостью ответили мы.

Собрав свои пожитки, мы забрались в джипы, поджидавшие нас наверху. До нашей машины было 25 километров, и мы добирались до нее шесть часов. Нам казалось, что мы смотрели знакомый фильм, запущенный с двойной скоростью обратным ходом.

Аккумулятор разрядился, но мы завели наш «пантиак» от машины наших спасителей. Влодек сел за руль, отказавшись ехать на буксире. Каждый раз, когда он преодолевал трудное место, из машин впереди и сзади нас раздавались аплодисменты. «Я глазам своим не верю», — воскликнул водитель джипа с искренним удивлением.

В полдень мы устроили пикник в живописном месте. Мы надеялись добраться до Моаба часам к пяти. Джипы все время переговаривались с городом по радио, сообщая о нашем продвижении.

При въезде в заповедник теперь стоял новый дорожный знак: «Тупик через 100 км». Наши спутники объяснили, что этот знак был там всегда, только в тот злополучный день он упал. Затем они показали нам дорогу на Моаб, которую тогда мы не заметили. Она резко спускается вниз и почти не видна с шоссе. На дорожном знаке, который мы видели, не было стрелки, указывающей направление. Теперь на дороге стоят рогатки с большой надписью: «Дорога закрыта — идет строительство. Въезд запрещен». Никто не повторит нашей ошибки. Наконец-то, через пять дней, мы вернулись на плато!

Мы въезжали в Моаб, залитый лучами заходящего солнца. В администрации заповедника нас радостно встретили его работники и репортеры, засыпая нас вопросами. Мы назначили Магдалену нашим официальным представителем. Она появилась на телевидении без косметики, растрепанная, в рваных джинсах. Дикий успех! Весь город только и говорил что о наших приключениях. Вечером мы пригласили руководителя спасательного отряда присоединиться к нам и долго выпивали, празднуя счастливый конец нашего приключения. ■

Лето— время учебы и труда

Для большинства школьников летние каникулы — это время отдыха, путешествий, приработков, туристических походов и всякого рода интересных и полезных занятий, не связанных ни с учебой, ни со школой. Но совсем по особому, не так, как всегда, провели прошлое лето 15 учеников средней школы в Майами (Флорида) — для них это было время знакомства с новым увлекательным миром науки и научных исследований. Они работали под руководством научных сотрудников в различных лабораториях Майамского университета — проводили анализы с помощью меченых атомов, в Институте изучения атмосферы

измеряли высоту облачных формаций, на медицинском факультете изучали биохимию липидов. «Мы не успели оглянуться, как прошло лето», — в один голос заявляют школьники.

У одних это первое активное участие в настоящей научной работе укрепило их желание овладеть специальностью, о которой они уже давно подумывали. «С семи-восьми лет я мечтал стать врачом, — говорит ученик 11 класса Уэйн Пиккард. — Теперь мне представилась возможность изучать влияние гормонов и желез на эпидермис, что оказалось очень интересным».

Для других это было время от-

крытий и знакомства с новым миром. «Я понял и узнал многое, о чем раньше не имел понятия, — рассказывает Флорид Эванс, работавший в дерматологической лаборатории. — В результате я решил стать врачом, а не юристом».

Работая в научно-исследовательских лабораториях рука об руку с научными сотрудниками, школьники имели редкую возможность познакомиться с учеными, наблюдать за их работой и методами. «Нам теперь понятнее ход мыслей ученых, — сказал один из учеников, — мы видели, как они подходят к проблемам, как ставят опыты, как тщательно и многократно проверяют результаты, с какой точностью и аккуратностью сообщают о проведенных экспериментах».

Чарльз Фаркас юстирует компоненты сложной лазерной системы для изучения оптических искажений светового луча, создаваемых земной атмосферой.

Будущие физики Далтон Уайтхелд (слева) и Ричард Эли совместно измеряют высоту облаков и изучают их формации на фотопроекционном столе.

Джей Гуэрра в дерматологической лаборатории изучает аспарагиназу — фермент, вырабатываемый грибом, вызывающим стригущий лишай.

Джейн Карролл интересуется биологией моря. Подобрала коллекцию морских глистовидных червей сигатта, она нашла способ кормления и выращивания их.

Под внимательным взглядом научного сотрудника Уэйн Пиккард берет пробу эпидермиса хомяка для изучения гормонов и их влияния на эпидермис.

Фильмов о войне сделано много — одни лучше, другие хуже. Но, пожалуй, такой ленты, как «Ад на тихоокеанских островах», еще не было. Здесь ужасы войны показаны по-иному, в совершенно новой перспективе, с точки зрения самих свидетелей событий — двух участников Второй мировой войны. С захватывающей дух правдивостью фильм показы-

вает безжалостное отношение человека к человеку — и страстное желание человека выжить. На экране всплывают эпизоды войны со всеми ее ужасами и жестокостями. Но в конце концов побеждает непреклонная воля двух врагов понять друг друга.

В картине японо-американского производства участвуют знаменитый гол-

Два старых врага ВИДЯТ ВОЙНУ ПО-НОВОМУ

ливудский киногерой Ли Марвин (внизу) и всемирно-известный японский актер Тосиро Мифунэ (слева). Фильм повествует о перипетиях и нечеловеческих страданиях двух солдат, встретившихся на маленьком атоле после жаркого сражения, — американца и японца. Между ними разыгрывается новая война, они выслеживают друг друга,

издеваются друг над другом... Один берет другого в плен и истязает его. Но, наконец, осознав бесполезность вражды, они приходят к перемирию.

В картине с потрясающей реальностью воссоздана зловещая атмосфера тех лет: съемки велись на островах Палау, там, где происходили жестокие бои во время Второй мировой войны.

Кроме того, главные роли в фильме исполнили участники этой войны — оба актера сражались на Тихоокеанском театре военных действий. И вот, через 23 года, они встретились вновь, но уже в мирной обстановке.

Об этой встрече рассказывает П. Ф. Ключе, член Корпуса мира, который в то время находился на месте съемок.

ФОТО ОРЛАНДО • С разрешения журнала «Лайф»

П. Ф. КЛЮГЕ • С разрешения журнала «Лайф»

В свои 26 лет я принадлежу к поколению американцев, которое ничего не помнит о Второй мировой войне. Но когда мой соотечественник Ли Марвин и японец Тосиро Мифунэ отправились недавно на тихоокеанские острова и воспроизвели в фильме сцены, участниками которых они были во время войны, я вдруг почувствовал духовную связь с прошлым.

В те времена Ли Марвин был морским пехотинцем и участвовал в десантных операциях на острова Кваджелейн, Эниветок и Сайпан. Получив пулевое ранение в сайпанской долине Смерти, он пролежал 13 месяцев в госпиталях на Гуадалканале и Нумеи. Мифунэ прослужил семь лет старшиной японского военно-морского флота, в последние дни войны он подносил камикадзе (пилотам-самоубийцам) ритуальное саке. И сейчас, наблюдая за двумя ветеранами на одном из пляжей в 40 километрах от кровавого Пелелиу, я с ними пережил былые дни. Все это напомнило мне встречу давно оставивших спорт бейсболистов, которые пытались воспроизвести былые баталии.

Меня неудержимо влечет к подобным встречам «старичков». Я наслаждаюсь видом выпавших на поле лысых толстяков — когда-то известных бейсболистов, а ныне владельцев кабаре или кегельбанов. Беда лишь в том, что такие затеи иногда заходят слишком далеко. Несколько лет назад я наблюдал матч ветеранов знаменитых команд — нью-йоркских «Гигантов» и бруклинских «Доджеров». На месте подающего стоял Ралф Бранка, на месте забойщика — Бобби Томсон. Идея показательного матча заключалась в воспроизведении драматического момента игры, которая имела место в октябре 1951 года — посланный Ралфом Бранкой мяч Бобби Томсон отбил настолько далеко, что все «Гиганты» успели достичь конечной базы. И вот теперь, в отместку за прошлое, Бранка явно старался угодить мячом в голову противника.

Авт. права: изд-ва «Тайм», 1968 г.

КИНОГЕРОЙ ВСПОМИНАЕТ СВОЕ БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ

Наблюдал я и за двумя актерами — Марвином и Мифунэ — на встрече ветеранов в ресторанчике «Роща Эдди». Оба пили пиво и вспоминали былое. А на съемках, когда двум актерам пришлось опять повторить все сложные перипетии минувших дней, атмосфера вдруг накалилась, словно над японцем и американцем вновь витал дух войны.

Как-то жарким днем Марвин зашел в прохладную пещеру, где хранилась отснятая пленка. Он откупорил бутылку пива и стал припоминать свои первые впечатления об островах, на которые он попал, будучи рядовым 4-го полка морской пехоты.

— Они показались мне чудесными, и в то же время в них было что-то загадочное, — сказал он, — я помню, как остров выглядел, когда мы проходили мимо этого рифа. До того остров неделями подвергался бомбежкам и артиллерийскому обстрелу. Дно океана было покрыто медными гильзами. И вдруг в нос ударил запах — запах смерти и пороха. Ребята начали испуганно переглядываться: «Как мы сюда попали?»

Воспоминания следовали одно за другим.

— На Кваджелейне я заметил в окопе шесть человек в чем-то белом. Остановился и стал ждать: зашевелиятся — открою огонь. А они не двигались. Подходит ко мне один из наших ребят и спрашивает: «Почему не стреляешь?» Я отвечаю: «Да они вроде похожи на моряков торгового флота». Он взглянул на меня, выругался и разрядил в них свой автомат. А потом швырнул туда еще и ручную гранату. В те дни нам казалось: убьешь одного-другого — и станешь сильнее. Сильнее мы не становились, но зато разума набирались.

Во время съемок я видел Марвина разгоряченным и злым, веселым и растерянным, необузданным и грубым. И тут передо мной вдруг открылась вся цельность его натуры, которая привела его вновь на эти заброшенные острова, на эти неприступные песчаные клочки суши, до сих пор заваленные ржавым военным снаряжением. Оно осталось тут еще с войны, с той войны, в которой Марвин участвовал, войны, о которой напоминают тлеющие в пещерах кости.

— Забавно, — сказал Марвин, — что мы, участники происходивших здесь сражений, на том же месте делаем антивоенный фильм.

Во время съемок Марвин похудел на девять килограммов, черты его лица заострились, ноги стали тонкими и длинными. Из бравого парня он превратился в усталого человека. И на жизнь он тоже начал смотреть по-иному. Когда режиссер Джон Бурман решил изменить концовку картины, придав исходу конфликта между Марвином и Мифунэ другой характер (враги расходятся в разные стороны), Марвин сначала воспротивился.

— Очевидно, в нем заговорил инстинкт бойца, — говорит Бурман, — но потом Марвин согласился со мной и даже сделал весьма недвусмысленное за-

явление по адресу тех зрителей, которые ожидают от него убийств: «Пусть убираются ко всем чертям!»

На эту тему я позже говорил с Марвином. Дело в том, что во всех фильмах зритель привык видеть его бравым и бесстрашным парнем — а тут вдруг такая концовка! Я спросил у актера, не разочарует ли он своих поклонников.

— Надеюсь, что да, — ответил Марвин. — При чем хотелось бы, чтобы разочарование было сильным. У нас имелось множество отличных вариантов концовки, но все они носили компромиссный характер. А фильм рассказывает о двух врагах, которые оказываются неспособными к убийству.

В свою очередь Мифунэ, казалось, был одержим идеей отразить всю трагедию поражения его родины. Фильмы о «желтой опасности», которые выпускались в Голливуде во время войны и после нее, были хорошо известны японскому актеру; поэтому он противился любому, даже самому незначительному эпизоду, носившему малейший голливудский отпечаток.

Марвин, пожалуй, лучше других замечал все неувязки и трения между японской и американской съемочными группами и всегда старался рязрядить напряженную атмосферу. Когда Мифунэ появлялся перед камерой, Марвин нередко восклицал: «Замечательно! Прямо бесподобно!» Контакт сразу же налаживался.

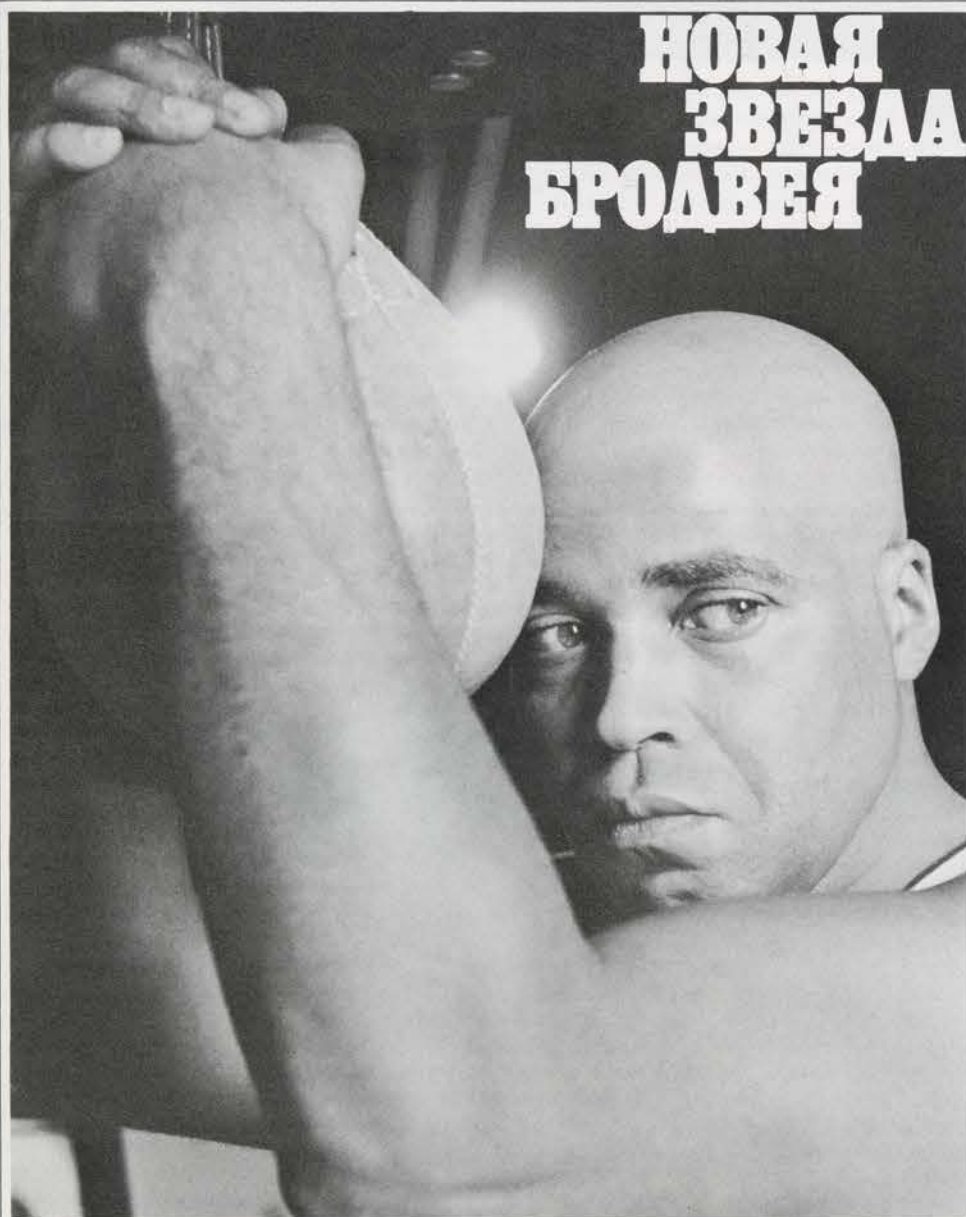
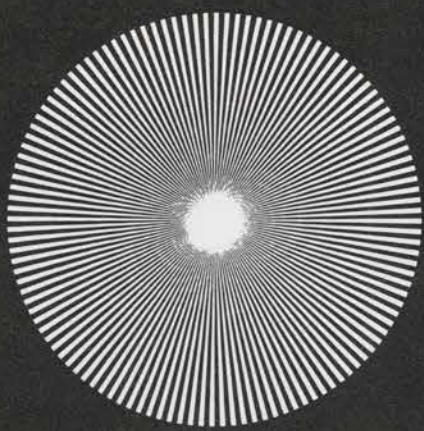
Однажды Марвин и Мифунэ посетили знаменитый плацдарм Пелелиу, что в нескольких часах езды на лодке от места съемки. Два старых солдата возложили венки на памятник погибшим бойцам.

— Будь они живы, — сказал Мифунэ, — им сейчас было бы столько лет, сколько мне и Ли Марвину. Что за бессмысленная смерть! Мне трудно объяснить вам, какие чувства владели мной при виде костей в пещерах, в джунглях, на песках... Сколько погибло жизней!

Еще до приезда сюда Марвин думал, пробудит ли в нем этот визит былую воинственность.

— Мне казалось, что это произойдет на Пелелиу, — заметил он. — Я думал, что морской прибой вызовет во мне это чувство. Но ничего подобного не произошло. Вернись я сюда года через три после войны или лет через пять, тогда — может быть. Но не через 23 года.

Два актера, два ветерана войны покинули неприступный пляж Пелелиу, вернулись к месту съемок и вновь приступили к работе над фильмом о конфликте, от которого их отделяют и годы, и образ мышления, ставший со временем совершенно другим. Вот в этом, пожалуй, и заключается все своеобразие встреч «старичков». Вам приходится переоценивать не прошлое, будь то на спортплощадке или в бою, а самого себя. Возможно, ваши размышления о былом будут полны иронии и грусти, и тогда, по всей вероятности, вы не станете метить в голову противника мячом.

НОВАЯ ЗВЕЗДА БРОДВЕЯ

ДЖЕМС ЭРЛ ДЖОНС,
ПРИЗНАННЫЙ «ЛУЧШИМ АКТЕРОМ
1968 ГОДА», В ПЬЕСЕ
«ВЕЛИКАЯ БЕЛАЯ НАДЕЖДА».

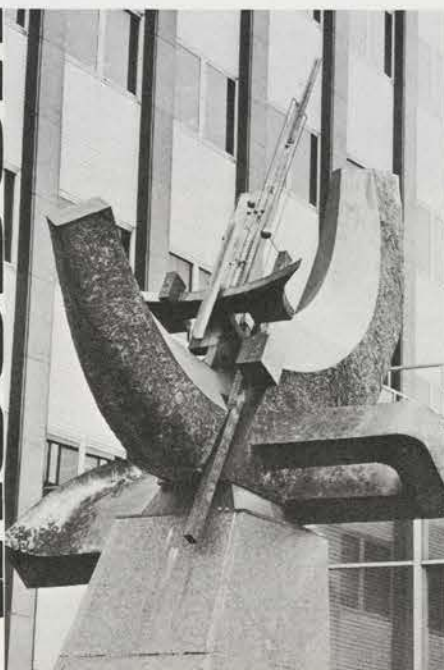
Рослому и гибкому, всегда широко улыбающемуся Джемсу Эрлу Джонсу есть где развернуться в пьесе «Великая белая надежда», в которой он играет первого боксера негра, ставшего чемпионом мира. За исполнение этой драматической роли Джонс получил известную премию Тони. Пьеса, по сути дела, представляет собой довольно свободную драматизацию биографии знаменитого боксера-тяжеловеса Джека Джонсона, победившего в 1910 году Джима Джеффриса. В 1915 году Джонсон потерял звание чемпиона: его подкупили, и он, окончательно измотав Джесса Уилларда, сам упал на пол, симулируя нокаут. Используя заговор против Джонсона, продиктованный примитивным чувством страха перед поднимающими голову неграми, Хауард Саклер в своей пьесе сосредоточил все внимание на атмосфере той эпохи и тем самым еще больше заострил конфликт, заставив зрителей почувствовать его в свете событий не только прошлого, но и настоящего. В пьесе показаны упорная травля Джонсона, недопущение его на ринги в США, сговор правительственных и частных кругов против чемпиона, никогда не выступавшего от имени своей расы, но всегда сталкивавшегося с противниками, отстаивающими честь белого человека. Пьеса написана в быстром темпе. В режиссуре Эдвина Шерина она разыграна с большим подъемом. Правда, использован ряд штампов, отражающих отношение белых к различным негритянским движениям. Но в одной из самых трогательных сцен нет ничего шаблонного: убитый горем Джонсон плачет над мертвым телом своей белой любовницы. Роль последней исполняет Джейн Александер почти так же убедительно, как и ее черный партнер, вслед за которым она, по ходу пьесы, с вершины славы низвергается в бездну отчаяния. В конце пьесы Джонс, с головой, обмотанной мокрым полотенцем, наблюдает за триумфальным шествием новой «белой надежды», распухшее лицо которой похоже на кровавый бифштекс. (С разрешения журнала «Вог». Авт. права: изд-ва «Конде Наст пাবলিকейшнс», 1968 г.)

До недавнего времени украшение Нью-Йорка работами скульпторов-модернистов производилось Управлением парков по линии временных выставок.

И вот наконец, после двухлетнего обсуждения, осуществлен проект увековечения современной скульптуры путем сооружения памятника: перед фасадом Лаборатории ведомства здравоохранения, на углу Первого авеню и 27-й улицы, поставлен «Часовой» Теодора Рошака.

Скульптура, достигающая вместе с гранитным постаментом высоты в 8,4 метра, выполнена в кованной, сваренной и паянной бронзе и снабжена внутренним скелетом из нержавеющей стали.

ЧАСОВОЙ

ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ЦИВИЛИЗАЦИИ, КАК ОНО ПРОЯВИЛОСЬ У ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ С ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕН ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Питер Фарб

(Изд-во
«Даттон»
Нью-Йорк)

Читатель, не смущившийся столь громоздким названием книги Питера Фарба и отважившийся прочесть ее до конца, будет вознагражден сторицей за свои усилия. Известный главным образом как автор книг о природе, Питер Фарб с теплой художественной и честностью ученого пытается широкими мазками дать общую картину человеческого поведения. В результате получились интереснейший антропологический труд об индейцах Северной Америки, который, благодаря счастливому сочетанию богатой эрудиции автора с легкостью его литературного стиля, может быть причислен к наиболее полным и исчерпывающим исследованиям, написанным на эту тему.

В своем анализе Фарб исходит из современной теории культурной эволюции и в первом разделе книги — «Эволюция сложности» — знакомит читателя с ее основными положениями. Пользуясь принятой антропологами классификацией, он разбирает 10 различных автохтонных групп: от наиболее примитивных племен (шошонские группы Великого бассейна) до чрезвычайно сложных (мексиканские ацтеки). Он детально рассматривает их религиозные культы, семейный уклад и быт, языки, экономические и политические организации, уснащая описание множеством комментариев как собственных, так и позаимствованных.

В введении Фарб обещает «не смотреть на индейцев глазами романтика» и «не рассматривать их как благородных дикарей или не испорченных цивилизацией детей природы». Верный данному слову, он в своей книге опровергает ряд популярных мифов. Так, например, он указывает, что вовсе не европейские завоеватели заразили индейцев сифилисом, а скорее наоборот; что ирокезы по жестокости в обращении с пленными — как белыми, так и краснокожими — не уступят самым законченным мастерам заплочных дел; что конфедерацию ирокезов едва ли можно назвать демократической, как это делают романтики.

Не пытается Фарб представить индейца и в виде некоего «консервативно настроенного» пассажира космического корабля, называемого Землей. «Если северные атабаски и северные алгонкины, — пишет он, — с незапамятных времен возделывали землю и приручали диких животных, то делали они это только потому, что не обладали достаточно развитой техникой для обеспечения себя охотой и не имели достаточно большого рынка для сбыта пушнины. Когда же появились белые купцы, готовые, казалось, в неограниченных количествах скупать меха для европейских рынков, и начали снабжать индейцев отличными ружьями, — у туземцев проснулась неудержимая страсть к убийству».

Приведенные выше цитаты, взятые из разных мест книги, относятся к тем редким замечаниям автора, которые могли бы на первый взгляд показаться враждебными по отношению к индейцам. По существу же они лишь вносят известное равновесие в повествование, насыщенное комментариями и этнографически-

ми данными, почерпнутыми из различных источников, преимущественно из наблюдений социологов. Фарб проводит множество интересных параллелей между социальными проблемами наших дней и реакциями на них — и тем, что окружало американских индейцев и с чем им приходилось сталкиваться в совсем других условиях иной эпохи; основываясь на своих исследованиях, он утверждает, что пе-

Маска Горбуна, сверхъестественного существа ирокезского племени онондага.

реход человека от дикого состояния к цивилизации обуславливался не биологией, а окружающей средой и социальными отношениями.

Заключительный раздел, озаглавленный «Общества под напряжением», представляет собой попытку разобраться во влиянии, оказанном белым человеком на американских индейцев. Здесь Фарб предлагает читателю замечательный анализ сложившихся взаимоотношений и дает чрезвычайно проницательное изложение эволюции двух противоположных стереотипных представлений об индейце — как о благородном краснокожем воине и как о кровавом дикаре.

Автор уделяет известное место и различным мессианским движениям среди индейцев, стремящихся возродить свою этническую самобытность и предотвратить процесс полного обезличения и растворения в массе белого населения. Но меня, по правде говоря, больше удовлетворило бы более углубленное исследование печального положения современных индейцев — этого уже не гонимого, как сто лет назад, но все еще раздробленного народа. Однако, если автор воздержался от такого исследования по каким-то соображениям, на что, в сущности, указывает и самый характер его работы, то это не должно умалять достоинств во всех других отношениях прекрасной книги. СТИУАРТ Л. ЮДОЛЛ (Авт. права: изд-ва «Вашингтон пост компани», 1968 г.)

НОВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ: ЭЛЕКТРОННЫЙ СИНТЕЗАТОР СИСТЕМЫ МУГ.

Можно ли синтезировать музыку Баха, не превращая ее в суррогат? Оказывается — можно. О том свидетельствует «Переключенный Бах» — граммофонная пластинка с десятью произведениями Баха, исполненными композитором Уолтером Карлосом с помощью музыковеда Бенджамина Фолкмана на электронном синтезаторе системы Муг. Значение этой пластинки не столько в том, как она передает музыку Баха, сколько в том, что она предвещает электронной музыке. А сулит она ей стать новой и вполне жизнеспособной формой исполнительского искусства.

Нужно сказать, что в этом исполнении Бах

звучит весьма необычно. Прихотливые созвучия музыки барокко передаются синтезатором в странных синусоидных тонах, порой подобранных с таким расчетом, чтобы создавалось звучание клавишных и других инструментов эпохи. В силу этого, или по каким-то иным неведомым причинам, спрос на данную пластинку превзошел все ожидания. Она расходится не только намного быстрее всех остальных пластинок Баха, но стала вообще одной из наиболее ходких пластинок классического репертуара. Выпущена она была в количестве 50 000 экземпляров, и за первые шесть недель большая часть их была раскуплена.

Еще замечательней, чем использованные Карлосом и Фолкманом технические средства, оказалась экспрессивность, которую они сумели вложить в исполнение: до появления «Электро-Баха» электронная музыка находилась еще на той стадии, на которой такие нюансы фразировки были технически недостижимы. АЙВАН БЕРГЕР (Авт. права: изд-ва «Сатердэй ревью», 1969 г.)

Композиторы эпохи барокко были значительно менее определенны, чем музыканты позднейшего времени, в указаниях, какими инструментами должны исполняться их произведения. Бах, Вивальди и Гендель готовы были приспособляться к наличному составу инструментов и менять оркестровку композиций, заботясь лишь о сохранении их основных архитектурных линий. Они не строили себе иллюзий относительно абсолютной неприкосновенности своих партитур.

ОТРЫВОК ПАРТИТУРЫ «СТРУННОГО КВАРТЕТА № 3» ЛЕОНА КИРХНЕРА.

Цвет музыки

Вид у партитуры странный: обычное нотное письмо чередуется с необычного вида нотами. Поперек страниц тянутся пестрым узором разноцветные цепочки кружков, напоминая не то картины Василия Кандинского, не то итальянские бусы, не то увеличенные изображения атомов.

Имеются и ломаные линии, обозначенные как «обертонные формы». Одна из них, красная вначале линия «первой скрипки», становится зеленой, потом черной, а в конце вспыхивает ярко-желтым. У «второй скрипки» последовательность цветов иная.

Необычность партитуры объясняется тем, что «Струнный квартет № 3» написан Леоном Кирхнером для квартета и аккомпанирующей ему магнитофонной ленты. По за-

мыслу композитора некоторые части квартета исполняются музыкантами без аккомпанемента, другие — совместно с лентой, но есть и пассажи, которые проигрываются лентой соло, а музыканты ее внимательно слушают. На третьей странице партитуры вставлена большая каденция для ленты (см. иллюстрацию). Кирхнер сделал все, что мог, чтобы пояснить музыкантам, как им следует играть. На 3-й странице он пишет:

«Каденция ленты. Члены квартета должны быть хорошо знакомы со всеми деталями каденции. В сценарии указан порядок исполнения: вначале должны быть использованы только беззвучные участки ленты... Части, содержащие звуковую запись, следует считать иллюстративными и использовать согласно указаниям в цветных разделах партитуры».

«Сценарий» предпи-

сывает органу издавать звуки флейты и птичьего пения и производить «белые» шумы. Кирхнер поясняет, что оранжевые пометки относятся ко второй скрипке, зеленые — к виолончели, а синие — ко всем инструментам.

Кирхнер — профессор музыкального отделения Гарвардского университета; в 1967 году ему была присуждена премия Пулицера за «Струнный квартет

№ 3», написанный по заказу квартета «Beaux Arts». Он весьма обстоятельно и с большим подъемом объясняет, почему ему понадобилось снабдить партитуру графическими украшениями:

«Это сокращает процесс писания, — говорит он, — да и выглядит красиво. Мне нравится сама забавная сторона дела. Как у Моцарта и у Бетховена, в занятиях музыкой есть элемент чисто физического удовольствия — например в рондо, когда возвращаешься к главной теме и т. д. Сегодня в музыке, кажется мне, слишком силен элемент серьезности.

«Часть страниц в партитуре функциональна, а часть — нет. Мелким шрифтом даются указания, касающиеся алеаторических (случайных) аспектов. Ведь алеаторический элемент есть и при исполнении сонат Моцарта. Графика тут — почти графо-

логия, которая, по сути дела, уходит корнями также в алхимию — поясняет ту роль, которую играет лента.

«Уровень знаний молодых гарвардских студентов весьма высок, и они уже, хотя, пожалуй, несколько преждевременно, занимаются экспериментами с электронной музыкой. Я хочу, чтобы они познакомились и с фантастическими структурами музыки Бетховена. Так что, видите, есть тут нечто схожее с переживаниями ребенка, кричащего матери: «Смотри-ка, мама, я тоже могу!» Одним словом, получается весело и забавно.

То же относится к новшествам современной музыки и, как видно, может приносить авторам премии. ПОЛЬ ЮМ (Авт. права: изд-ва «Вашингтон пост компани», 1969 г.)

ПРОРОЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА, ПОЯВИВШАЯСЯ В ЖУРНАЛЕ «САТЕРДЭЙ РЕВЬЮ» В ФЕВРАЛЕ 1962 ГОДА.

Бах аранжировал многие произведения Вивальди для различных ансамблей, — выражаясь языком современных джазистов, для различных комбо. Оставил он и немало транскрипций собственных сочинений. До сих пор, например, никто не может с уверенностью сказать, для какого инструмента писал он свой последний монументальный шедевр «Искусство фуги»: для клавиноды, органа или струнного оркестра? Исполнялось оно с одинаковым успехом во всех трех вариантах, и можно утверждать, что величие произведения не померкло бы даже при использовании таких инструментов, как казу или банджо.

Столь длинное вступление понадобилось мне для описания (и защиты) грампластины, само название которой и ультрасовременный футляр, в который она заключена, кажутся задуманными специально для того, чтобы приводить в исступление пуристов. Мне же она показалась поразительно удачной, одной из лучших «классических» пластинок, выпущенных за многие годы.

Электронный синтезатор дает возможность воспроизводить звуки любой продолжительности и почти любой высоты. Играют на нем, как на органе, нажимая на клавиши и ножные педали, но звук он издает не в результате прохождения воздуха через трубы, а с помощью системы осцилляторов, фильтров, генераторов и усилителей. Придя в себя от первоначального шока, вызванного столь несвойственными Баху шумами, начинаешь замечать, как восхитительно выделяются синтезатором сложные нити полифонии Баха (способствует этому и стереофониче-

ская звукозапись), и становится вполне ясным то, что часто затушевывается в обычном исполнении. Создается впечатление, будто присутствуешь при очистке картины великого мастера.

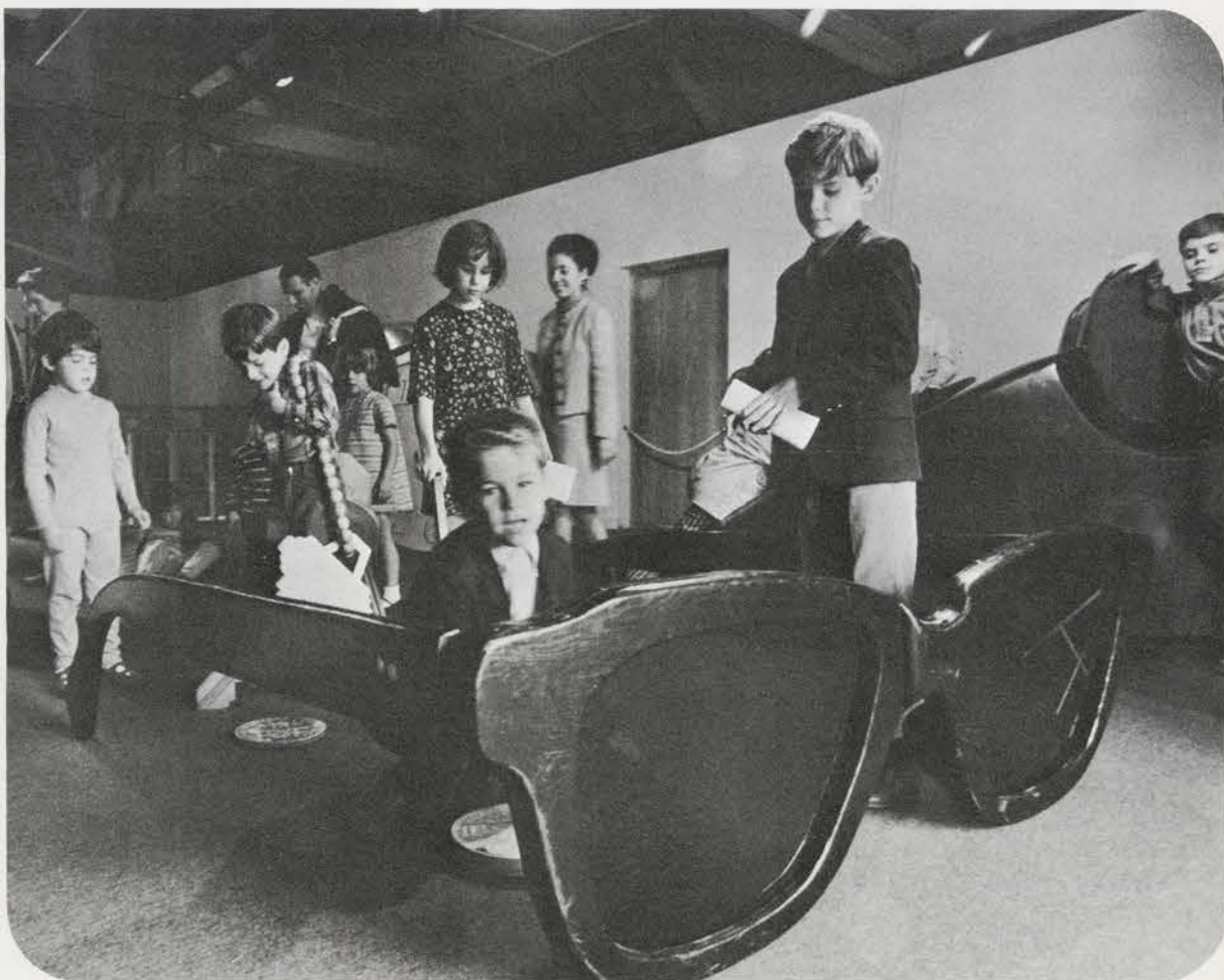
Я не уверен, что после повторных проигрываний пластинки такое впечатление не потускнеет и она не поблекнет по сравнению с более стандартными интерпретациями. Но ущерб, наносимый ею Баху, мне все же кажется куда меньшим, чем то, что делает с его произведениями джазовый ансамбль «Сингл синглерс» якобы для популяризации классической музыки. По существу же «Переключенный Бах» — прекрасное учебное пособие, дающее электронному поколению возможность оценить все великолепие баховского контрапункта. И создано оно с таким вкусом и богатством фантазии, что даже самый взыскательный пурист (а к таковым причисляю я и себя) не может не аплодировать.

РИЧАРД ФРИДМАН (С разрешения журнала «Лайф». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1969 г.)

Бах вошел в мир электронной музыки: в замечательной, хотя и весьма необычной транскрипции появились его «Бранденбургский концерт №3», «Ария на струне соль», хоральная прелюдия «Wachet auf» и многие другие произведения. Это крупнейшее событие нашего музыкального сезона. Оно показывает, что единственное, чего не хватало до сих пор электронной музыке, — это великого композитора. ГЕРБЕРТ КУПФЕРБЕРГ (Авт. права: журнала «Атлантик монтли», 1969 г.)

Директор Детского музея Майкл Спок у аэрофотографии Бостона, наклеенной на большие кубики.

Юные посетители музея рассматривают увеличенную до размеров комнаты модель письменного стола.

Музей, в котором можно играть

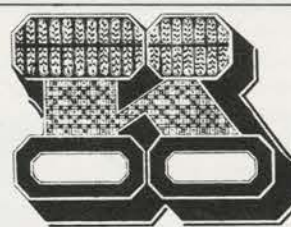
Взобравшись на чашу огромных весов, трехлетний Барри Гринфилд узнал, что вес его равен весу 47 банок куриного бульона с рисом. Семилетняя Ивонн Юнис влезла на сделанный для великана письменный стол — в двенадцать раз больше нормального — и, улегшись рядом с линейкой такого же масштаба, убедилась, что ростом она чуть больше десяти сантиметров. Десятилетний Марк Стантон пролез внутрь вигвама, осмотрелся и украдкой положил в рот кусочек настоящего индейского pemmikan.

Дети с увлечением забавлялись там, где в нормальных условиях часто царит атмосфера благопристойной чинности — в музее. Но частный, не преследующий коммерческих целей Детский музей в Джамейка-Плейн, пригороде Бостона, — музей совершенно особого типа. В нем

нет коллекций в застекленных витринах, нет скучающих сторожей, нет надписей, призывающих соблюдать тишину и ничего не трогать. Здесь, наоборот, сотрудники музея искренне огорчаются, если ребенок вдруг отказывается наряжаться в индусское сари, поскрести каменным топором алгонкинских индейцев натянутую шкуру оленя или примерить громадные баскетбольные ботинки Тома Сандерса из команды бостонских «Кельтов».

Во главе этого приветливого учреждения стоит 35-летний Майкл Спок, старший сын известного детского врача и сам отец троих детей. «С ребенка хватит учебы в школе, — говорит он. — Мы стараемся сделать для него понятным тот мир, в котором он живет, — ту часть мира, до которой нужно дотянуться и потрогать рукой, чтобы действительно ее узнать».

ОЛЛЕДЖ ДЛЯ КЛОУНОВ

«Клоуны, — заметил как-то цирковой импресарио П. Т. Барнум, — это колышки, на которых держится цирк». Но с тех пор, как цирковые представления превратились в пышные зрелища, роль излюбленных Барнумом «колышков» свелась к буффонаде, заполняющей антракты, в время которых происходит смена реквизита и декораций.

Чтобы восполнить недостаток в опытных клоунах, цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бэйли организовал колледж для клоунов. Школа эта открылась при зимней квартире цирка во флоридском городке Венис (Венеция). Обучение в школе бесплатное, и учится в ней 32 человека, отобранные из 300 кандидатов. По окончании курса школа рассчитывает выпустить 26 хорошо подготовленных клоунов. Каждому из окончивших будет предло-

Майкл Спок беседует
с молодыми
посетителями музея.

Вспоминая отца, Майкл Спок говорит, что он был достаточно строг («я прекрасно знал границы дозволенного и то, как отец смотрел на вещи») и достаточно изобретателен для того, чтобы построить ступеньки, по которым дети могли сами взбираться на стол для врачебного осмотра («детям это очень нравилось»). Однако, истинным импульсом, побудившим Майкла избрать данный род деятельности, послужило, по его мнению, с детства развившееся увлечение научными и художественными музеями.

Для одной из текущих экспозиций Спок переделал старый зрительный зал. В результате появился «Дедушкин подвал» — укромный уголок, в котором дети знакомятся с миром их дедушек и бабушек. Здесь стоит лохань для стирки с выжималкой для белья, кофейная мельница, масложер, машинка для очистки яблок и радиоприемник марки Атуотер-Кент, модель 1927 года, — и все это в исправном рабочем состоянии. В отделе алгонкинских индейцев дети, знавшие о жизни индейцев по кинофильмам и по выставкам, теперь толкут кукурузу в каменных ступах, обтачивают наконечники стрел и грызут сушеные ягоды.

Чтобы приблизить детей к природе, сотрудники музея извлекли птиц и бабочек из стеклянных ящиков и разместили их в искусственном лесу, а ребята рассматривают их сверху с особых площадок. Кроме того, под лесом имеется туннель, проходя по которому дети видят, как живут в своих уютных норках сурки, ласки и бурундуки.

«На первый взгляд наше учреждение кажется только местом, где детям позволяют все трогать руками, — соглашается Спок. — Но это, по существу, лишь между прочим». Истинная цель, подчеркивает он, это «привести ребенка в контакт с трехмерными предметами, чтобы в результате у него создалось о них осязательное, реальное представление». В том, что музей детей живо интересует, сомнений нет: посещаемость его почти утроилась с момента появления в нем Спока и достигает сегодня 2000 человек в день.

(С разрешения еженедельника «Тайм». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1968 г.)

Прощание с Будапештским квартетом

Будапештский струнный квартет, по-видимому, решил сойти со сцены. Причина тому — плохое состояние здоровья его трех старейших членов: Иосифу Ройсману (первая скрипка) уже 68 лет, Борису Кройту (альт) — 71, а Мише Шнейдеру (виолончель) — 64 года. Формально квартет еще не распущен, но члены его решили прекратить публичные выступления.

В истории музыки не было, пожалуй, квартета, который существовал так долго, как Будапештский, и, несмотря на происходившие в его составе перемены, сохранял свой характерный стиль. Он прослужил первоклассным уже в 1917 году, когда его основатели — четыре музыканта оркестра Будапештской оперы — дали первый концерт в венгерском городе Колошваре (ныне Клуж в Румынии). Но мировую известность и репутацию лучшего струнного квартета XX века ансамбль завоевал в конце 1920-х и начале 1930-х годов в своем нынешнем составе благодаря объединенным усилиям и таланту его членов (все они, кстати, родом из России).

Основу репертуара ансамбля, его «хлеб насущный», как выразился младший член квартета Александр Шней-

дер, составлял полный цикл 16 квартетов и «Большая fuga» Бетховена — вещи, исполнявшиеся почти каждый год. Кроме того, в программу неизменно включались произведения Гайдна, Шуберта и Брамса; регулярно фигурировали в ней и такие представители модернизма, как Барток, Мийо и Хиндемит. Но что бы ни играл квартет, его интерпретация всегда отличалась элегантностью рисунка и выразительностью.

ИОСИФ РОЙСМАН, АЛЕКСАНДР ШНЕЙДЕР, МИША ШНЕЙДЕР И БОРИС КРОЙТ.

Долголетие ансамбля объясняется отчасти тем, что члены его мало общались друг с другом в личной жизни, встречаясь лишь на репетициях и концертах. Они даже отказывались вместе путешествовать. Приходя в «Рашен тирум», известный русский ресторан Нью-Йорка, они садились за разные столики. «У нас бывало достаточно времени наговориться на репетициях — и о политике, и о челове-

ской природе, и положении в мире, — говорит Александр Шнейдер. — Мы старались держаться друг от друга подальше, чтобы каждый мог сохранить свою индивидуальность. Одинаковость — страшная вещь в музыке».

Чтобы называть друг друга запросто по имени, Ройсману и Мише понадобилось 22 года, а Александр так до сих пор и не решился позволить себе такую фамильярность в отношениях с Ройсманом и

делились поровну, а все недоразумения решались большинством голосов. В случае расхождений по поводу трактовки той или иной вещи, они — во избежание равенства голосов — каждый раз представляли одному из четырех два голоса. Несмотря на это Ройсман порой ухитрялся добиваться своего, даже оставаясь в меньшинстве. В таких случаях он спокойно говорил: «А разве у самого Моцарта нет голоса?»

Вершин своего искусства Будапештский квартет достиг, пожалуй, в конце 1930-х и начале 1940-х годов. Ни в чем это не выражалось так ярко, как в исполнении последних, столь таинственных и исключительно одухотворенных квартетов Бетховена. В граммофонных пластинках того времени запечатлен особый высокий стиль ансамбля: казалось, что музыканты не только сливаются с музыкой, но и как бы парят над нею. В последние годы в их игре, может быть, уже не чувствовалось прежней легкости и блеска, но все же они сумели до самого конца удержаться на замечательно высоком уровне профессионального мастерства. (С разрешения еженедельника «Тайм». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1969 г.)

Несколько старорежимные в своих манерах, они были стопроцентными демократами во всем, что касалось квартета. Все доходы

На лекции Дэнни Чапмана о высоком искусстве клоунов.

жен ангажемент на два года в одной из двух выездных трупп, с еженедельным окладом в 150 долларов. Состав учеников школы весьма пестрый: от недоучившихся школьников до бывшего пастора.

Основная часть занятий проходит на арене, где безраздельно властвует Дэнни Чапман, бывший воздушный гимнаст, ставший клоуном после падения, которое иска-

лечило его ноги. Если бы не отсутствие грима и костюмов, можно было бы подумать, глядя на арену в утренние часы, что там представление в полном разгаре. В одном углу двое будущих клоунов разучивают боксерский номер, требующий бесчисленных кувырканье и падений, два других новичка, обхватив друг друга руками, в рискованной позе катят по кругу на одноколесном велосипеде. Полдюжину других, с разной степенью напряжения, жонглируют бильярдными шарами, обручами или индейскими дубинками.

Не прекращаются занятия и во время обеденного перерыва, когда учащиеся, жуя сэндвичи, изучают по немалым фильмам работу таких классических клоунов, как Чарли Чаплин и Бэстер Китон. Затем следует урок гримировки. Будущие клоуны старательно обмазывают физиономии белой грунтовой мазью, ударяют себя легонько по лицу наполненными пудрой носками, рисуют красным толстые губы, накладывают черные точки над и под глазами и прилепляют искусственные носы-цыбули. Затем на арене выступают такие мастера, как Лу Джекобс и Отто Гривлинг.

По окончании выступления профессионалов на арену

выходят ученики и работают под всевидящим оком Чапмана. На прошлой неделе он наблюдал исполнение скетча, в котором клоуны должны были оклеить стену обоями. При этом им приходилось, как водится, падать с лестницы, окатывать друг друга с головы до ног мыльной пеной и разыгрывать традиционную, но требующую большой ловкости роль неуклюжего рабочего, сбивающего с ног товарищей. Просмотрев номер, Чапман вынес свой приговор: «Вы должны вживаться в роли. Когда мы вас чему-нибудь учим, мы вам показываем только технику. Но мы не можем научить вас тому, чего не объясним словами: проявлению собственного „я“».

Будущие клоуны, кажется, всей душой преданы своему искусству. Наблюдая на одном из уроков попытку старого циркача Джекобса втиснуть свою рослую фигуру в автомобильчик, размером в 60 на 90 см, один из наряженных в широченные панталоны учеников заметил: «Теоретически влезть в такой автомобильчик просто невозможно». — «Не говори так, — поправил его один из товарищей, — для клоуна нет ничего невозможного».

(С разрешения еженедельника «Ньюсуик». Авт. права: изд-ва «Ньюсуик», 1968 г.)

Гуггенхаймский музей в Нью-Йорке.

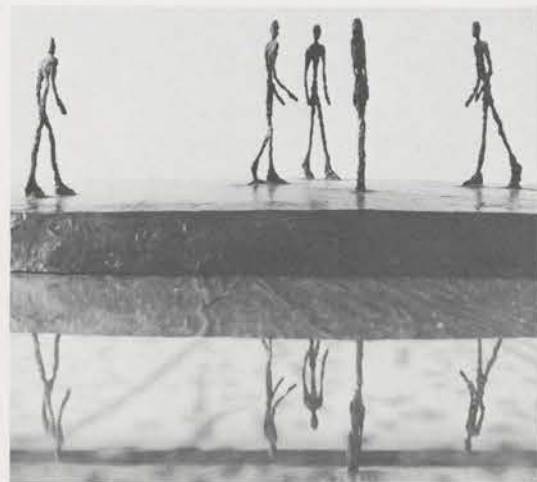
Пегги Гуггенхайм в ее венецианском дворце перед картиной Пикассо «Девочки с игрушкой».

Марсель Дюшан, «Грустный юноша в поезде».

Василий Кандинский, «Пейзаж с церковью II».

Альберто Джакометти, «Плещи».

ПРИБЫТИЕ КОЛЛЕКЦИИ ПЕГГИ ГУГГЕНХЕЙМ В АМЕРИКУ

С открытием в Гуггенхаймском музее выставки собрания картин, принадлежащих Пегги Гуггенхайм, жителям Нью-Йорка предоставляется возможность в стенах самого, быть может, авангардного из всех музеев новейшего искусства любоваться самой интересной частной художественной коллекцией нашего века. С 1951 года коллекция хранилась в Венеции, в принадлежащем мисс Гуггенхайм дворце XVIII века. Теперь это собрание работ сюрреалистов, дадаистов, кубистов и представителей абстрактного экспрессионизма будет некоторое время находиться в наиболее для него подходящей обстановке. Затем оно возвратится в Венецию «на постоянное жительство», но останется под эгидой музея.

Свою коллекцию Пегги Гуггенхайм начала собирать в 1930-х годах. В 1938 году она открыла в Лондоне галерею и на каждой из выставок приобретала по одной картине, чтобы дать художникам почувствовать, что кто-то интересуется их творчеством. Во время Второй мировой войны ее картины, вместе с кастрюлями, одеялами, старым автомобилем и прочими предметами домашнего обихода, были отправлены в Америку. Вернувшись в США, Пегги начала скупать работы американских художников. Джексон Поллок, некогда работавший в музее ее дяди плотником, стал получать от нее регулярную субсидию, давая ей взамен свои картины. Открытие этого художника, предоставление ему возможности творить и то влияние, которое она этим оказала на современное искусство, создали ей заслуженную славу. «Это, — говорит Пегги Гуггенхайм, — было самым достойным из всех моих достижений».

(С разрешения журнала «Лук». Авт. права: изд-ва «Коулс коммюникейшнс», 1969 г.)

■ ДЖЕКСОН ПОЛЛОК.
«Глаза в зное», 1946 г.
Собрание Пегги Гуггенхейм.